

Т. И. Султанов

Кочевые племена

ПРИАРАЛЬЯ В XV–XVII вв.

АКАДЕМИЯ НАУК СССР
ОРДЕНА ТРУДОВОГО КРАСНОГО ЗНАМЕНИ
ИНСТИТУТ ВОСТОКОВЕДЕНИЯ

Т. И. Султанов

Кочевые племена ПРИАРАЛЬЯ в XV–XVII вв.

(ВОПРОСЫ ЭТНИЧЕСКОЙ
И СОЦИАЛЬНОЙ ИСТОРИИ)

ИЗДАТЕЛЬСТВО «НАУКА»
ГЛАВНАЯ РЕДАКЦИЯ ВОСТОЧНОЙ ЛИТЕРАТУРЫ
МОСКВА 1982

Ответственный редактор
В. А. РОМОДИН

Книга посвящена исследованию малоизученного периода этносоциальной истории тюркоязычных кочевых племен Приаралья. На обширном материале персидских, таджикских и тюркских источников характеризуются родо-племенной состав населения Узбекского улуса в XV в. и изменения этнического состава Казахского ханства в связи с откочевкой Шибанидов из Восточного Дашт-и Кыпчака в Среднеазиатское междуречье в начале XVI в. Особое внимание уделено анализу общественной организации казахов-кочевников. Самостоятельное научное значение имеют помещенные в приложении к основному тексту хронология и генеалогия казахских ханов XV—XVII вв.

С 0508000000-075 КБ-5-35-82
013(02)-82

© Главная редакция восточной литературы
издательства «Наука», 1982.

ВВЕДЕНИЕ

Настоящая книга посвящена истории кочевых племен Приаралья XV—XVII вв. В истории Приаралья этот период изобилует важнейшими событиями в сфере как государственно-политической, так и этнической истории. Здесь можно, в частности, назвать следующие причины, которые определили хронологические рамки работы.

В начале XV в. на значительной части территории современного Казахстана, известной тогда как Узбекский улус, существовало несколько независимых владений потомков сыновей Джучи-хана, старшего сына Чингисхана, ведших между собой долгий и ожесточенный спор за верховенство. В конце 20-х и в 30-е годы XV в. эти владения были объединены Шибанидом Абулхайр-ханом¹ в единое «кочевое государство». Население этого государства известно нам под общим собирательным названием *узбеки*. Оно состояло из племен, на протяжении длительного времени связанных между собой общностью политической судьбы.

Через два столетия на этой же территории существует новое ханство: оно носит другое название и управляется другой ветвью Чингизидов, а для обозначения существовавшей в этот момент этнической общности употребляется термин *казаки* (казахи). Отличительная черта внутренней структуры нового ханства в том, что оно разделено на три территории, которые сами казахи называли *жузами*.

Вопросам военно-политической истории государств

¹ Сына Джучи, к которому восходит род Абулхайр-хана, звали, как установил П. Пельо, *Шибан* (*Сыбан*) [224, с. 44—47]. Следовательно, правильное название династии — *Шибаниды* (*Сыбаниды*), а не *Шейбаниды* (*Шайбаниды*), как это часто пишется в исторической литературе. *Шейбани* (*Шайбани*) — поэтическое прозвище *Абу-л-Фатх Мухаммада* — внука Абулхайр-хана. Прямые наследники Шейбани никогда и нигде не правили. В источниках оба эти имени пишутся по-разному — *Шибан* и *Шейбани* (*Шайбани*) [134, с. 41, 144; 142, с. 12, 13, 49, 136 и др.].

ва «кочевых узбеков» и Казахского ханства XV—XVII вв. было уделено достаточное внимание как отечественными, так и зарубежными историками [19; 76; 111]. Задачей нашей работы является изучение вопросов внутренней истории Узбекского улуса и Казахского ханства. Эти вопросы могут быть разделены на две группы: первая — проблемы этнической истории, вторая — проблемы социально-экономической и общественно-политической истории.

Из проблем первой группы мы выбрали для специального рассмотрения вопросы о родо-племенном составе населения Узбекского улуса в XV в., а также о количественном и качественном изменении этнического состава Казахского ханства в связи с откочевкой Шибанидов из степи в Среднеазиатское междуречье в начале XVI в.

Известно, что народность, являясь исторической формой общности людей, охватывает все предшествующие этнические коллективы — отдельные роды и племена, группы родов и племен, которые в процессе слияния и образуют ее. В связи с этим в изучении истории формирования любой народности большое значение имеет изучение вопросов ее родо-племенной генеалогии. Родо-племенная генеалогия казахов к настоящему времени исследована недостаточно. Это, конечно, не означает, что этническая история приаральских кочевников выпала из поля зрения исследователей, напротив, ее изучение имеет двухвековую традицию в трудах русских и советских ученых В. Татищева, П. Рычкова, И. Георги, И. Андреева, А. Левшина, А. Харузина, Н. Аристова, В. Вострова, М. Муканова и др., затронувших отдельные вопросы этой важной для казахской историографии темы.

Отдавая должное результатам этих исследований, нельзя в то же время не отметить их неполноту, поскольку использовались главным образом источники на русском языке и ценные, но поздние этнографические материалы, тогда как данные восточных источников почти не привлекались. Между тем эти источники проливают свет на этнический состав населения Казахстана XV—XVI вв.

Работы, специально посвященные этнической истории Казахстана этого периода, отсутствуют. Не выяс-

нены роль и степень участия племен Узбекского улуса в сложении казахской народности и изменение этнического состава населения Приаральских степей и т. д. Мы попытаемся восполнить этот пробел, насколько это позволят доступные в настоящее время материалы. Говоря о племенах, мы не затрагиваем, однако, вопросов о происхождении и расселении отдельных племен, о времени и путях их проникновения на территорию Казахстана. Эти сложные и требующие специального рассмотрения вопросы хронологически выходят за рамки настоящей работы.

В первом разделе предлагаемой вниманию читателя книги предпринимается попытка анализа традиционных списков 92 «узбекских» племен, которые еще не были предметом специального исследования, хотя являют собой ценный историко-этнографический материал.

В центре второго круга вопросов становятся проблема общественной организации казахов-кочевников и разделения общества на группы по социально-экономическим признакам и соединенные с этими признаками различия прав и обязанностей.

Казахское общество состояло из двух основных противопоставленных друг другу социальных групп — *ак-суйек* (белая кость) и *кара-суйек* (черная кость), — различавшихся не столько экономическими, сколько политическими и правовыми признаками. Известно, что, чем проще было построенное на неравенстве прав и обязанностей деление общества на группы, тем резче было сословное неравенство. По словам В. В. Бартольда, казахское представление о «черной» и «белой» кости ясно показывает, «с какой резкостью идея наследственной аристократии иногда выражалась у тюрков» [37, с. 243]. Однако вопрос о социальных категориях казахского общества не подвергся еще специальному изучению. Поэтому во второй части работы рассматриваются доступные ныне историко-этнографические материалы, характеризующие общественно-политическое устройство Казахского ханства XVI—XVII вв., а также политико-юридический статус отдельных социальных групп в обществе. В этой же главе, начинающейся с описания хозяйства казахов, подробно рассматривается состав сохранившихся фрагментов памятника права казахов XVII в. «Жети Жаргы».

Материалы для разработки вопросов внутренней истории Узбекского улуса и Казахского ханства XV—XVII вв. почерпнуты нами главным образом из сочинений ирано- и тюркоязычных авторов, чьи труды — почти единственные свидетельства интересующих нас исторических событий указанного периода. Общая характеристика этих источников дается во вводной части Приложения «Материалы к хронологии и генеалогии казахских ханов XV—XVII вв.». В работе помимо материалов, извлеченных из письменных памятников, привлекались и памятники устного народного творчества, но лишь в той мере, в какой можно было использовать их обычно поздние записи, не прибегая к специальным текстологическим, жанровым и фольклористическим исследованиям.

Автор далек от мысли, что ему удалось успешно разрешить все поставленные проблемы; в тех случаях, когда результаты исследования пока не дают возможности сделать окончательных заключений, в книге предложены гипотезы, обоснованные данными привлеченных источников. Выявление новых источников, критическая их разработка и «новое» прочтение уже известных науке нарративных источников со временем уточнят, а может быть, даже существенно изменят многие из сделанных автором предварительных наблюдений.

Во время подготовки к изданию рукопись книги была прочтена сотрудниками Группы тюркологии и монголоведения и Сектора Среднего Востока ЛО ИВ АН СССР, которые сделали ценные замечания и дали автору полезные советы.

**РОДО-ПЛЕМЕННОЙ СОСТАВ НАСЕЛЕНИЯ КАЗАХСТАНА
В XV — НАЧАЛЕ XVIII в.
И КАЗАХСКО-УЗБЕКСКИЕ ЭТНИЧЕСКИЕ СВЯЗИ
В XV—XVI вв.**

**Этнический состав узбеков Узбекского улуса
в XV в. и откочевка Шибанидов
с поддерживавшими их родами из Дашт-и Кыпчака**

В настоящем разделе рассматривается лишь одна сторона большой и важной темы — вопроса о родо-племенном составе населения Казахстана в XV — начале XVIII в. Для выяснения этнической истории недостаточно, разумеется, одного выявления родо-племенных названий, которые к тому же из-за крайне малой освещенности вопроса в источниках, как восточных, так и европейских, не претендуют на исчерпывающую полноту. Вместе с тем отсутствие необходимых источников не позволяет подробно воссоздать этапы сложных этнических процессов, имевших место в истории Казахстана и Средней Азии в XV—XVII вв. Приведенный в настоящей главе историко-этнографический материал дает возможность говорить лишь о конечном результате этих взаимных вхождений и скрещений, выразившемся в наличии общих родо-племенных названий у казахов, узбеков, киргизов, ногаев, каракалпаков, башкир и других народов.

Таким образом, можно утверждать, что ни одна из среднеазиатских и сопредельных народностей не может быть возведена непосредственно к какой-то одной из народностей или союзу племен, населявших эти территории в более раннюю эпоху. Все народности этих территорий в процессе своего формирования включали в свой состав самые различные этнические и расовые элементы. Об этом убедительно свидетельствуют как наличие общих этнических компонентов у различных народностей, так и наличие у одних и тех же народов Средней Азии, Казахстана и смежных областей различных антропологических типов [148; 94; 71].

Этнической базой казахского этногенеза на позднем его этапе явилась группа племен Узбекского улуса, вошедших в разных сочетаниях и пропорциях также в состав других народностей Средней Азии и смежных областей. Поэтому для выяснения этнической истории казахов XV—XVI вв. особое значение имеют данные о родо-племенном составе кочевников Узбекского улуса в XV в. В этом отношении единственным источником являются сочинения восточных авторов. Среди них важное место занимает труд Масуда б. Осман Кухистани, где приводится наиболее полный список имен сподвижников основателя государства «кочевых узбеков» Абулхайра. К именам, как правило, прилагаются названия племен и родов, предводителями которых являлись названные лица.

Согласно списку, в состав улуса «кочевых узбеков» в 30—60-х годах XV в. входили следующие роды и племена: *барак, буркут, дурман, ички, йджан, каанбайлы, карлук, кенегес, конграт, кыйат, курлаут, кушчи, мангыт, масит, найман, таймас, табгут (тангут), тубай, туман, туман-минг, уйгур, уйсун, украш-найман, утарчи, хытай, чат (джат), чинбай* [118, л. 312аб, 315а, 322а, 324а, 326а, 329б; 120, с. 143, 144, 146, 153, 156, 157, 164; 176, с. 24; 19, с. 16, 46, 106].

По сообщению Махмуда б. Вали, в составе войска Абулхайр-хана были также ополчения племен ойратов, маджар, кыпчаков [120, с. 360; 20, с. 7].

Из сочинений других авторов для пополнения этого списка можно извлечь названия еще нескольких родов: *шункарлы, шадбаклы, тубай-туман, куйун* [188, л. 57б—58а; 120, с. 17], *чубурган* [212, л. 102аб] и *алчин* [12, с. 86]. Из племен дашта, сражавшихся против Шибанидов, упоминаются *канглы* [120, с. 101—102] и *нукуз* [120, с. 141].

Среди племен и родов, оставшихся верными внуку Абулхайр-хана Мухаммаду Шейбани во время его скитаний, называются: *аргун, ас, баишгырд, джуркун, дурман, ички, ички-байри, йети-минг, конграт, кушчи, маджар, мангыт, найман, салор, татар, тили-минг, тубай, туман, уйгур, уйсун, хытай* [188, л. 67а, 98а, 101б—105а; 212, л. 107б; 142, с. 94, 101, 160; 211, с. 65, 66, 75; 120, с. 11, 22, 26, 110—111].

В составе войска Шейбани-хана, участвовавшего в

его завоевательных походах в начале XVI в., перечисляются роды и племена: *джалаир, сихиут, тама, сулдуз, адгу и адлу-оглы* [142, с. 137].

В связи с войнами Шибанидов с Бабуром упоминаются и такие этнонимы, как *мекрит, калмак и барин* [142, с. 176].

В одном ряду с приведенными этнонимами упоминаются *колук (халлух—карлук?)*¹ и *атгучи*. Соответствующий текст источника [188, л. 103а; 142, с. 47] не позволяет с уверенностью заключить, придавал ли автор этим обозначениям этническое содержание. *Атгучи*, например, буквально означает *стрелок*. Учитывая, однако, то обстоятельство, что некоторые этнонимы отражали названия характерных занятий [83, с. 139; 223, с. 5], можно, видимо, и в этих словах видеть этнонимы.

Этнический состав Узбекского улуса претерпел, однако, в конце XV — начале XVI в. некоторые изменения. Этот период отмечен, как известно, важными событиями в истории Средней Азии, которые коснулись не только земледельческих оазисов Мавераннахра, но и кочевой степи. События этих лет, связанные с борьбой за верховную власть в Узбекском улусе между отдельными группировками степных царевичей, ввергли улус в глубокие политические потрясения. В результате долгой борьбы с казахскими владетелями, видя крушение своих надежд на господство в Узбекском улусе, Мухаммад Шейбани предпринял поход на Самарканд и вскоре завоевал государство Тимуридов.

Мы не имеем полного списка названий родов и племен, которые, покинув Дашт-и Кыпчак, откочевали в Мавераннахр. До настоящего времени не совсем ясно также количество и состав ушедших из степи родов и племен [100, с. 210]. Были ли это части разных родов и племен, или же миграцией охватывались отдельные роды в их полном составе?

В связи с этим особый интерес представляет сочинение Мухаммада Салиха, где приводится наиболее полный перечень родов и племен, участвовавших в завоевательных походах Шейбани-хана. Список тем более ценен, что в нем указывается численность отрядов некоторых племен в составе войска Шейбани-хана.

¹ Персидские источники вместо *карлук* пишут *халлух* [30, с. 547].

В гл. 53, описывая сражение Шейбани-хана с могольскими ханами в 1503 г., этот автор пишет, что под началом Шейбани собралось около 10 тысяч воинов. Отметив затем, что «большинство его людей составляли шибаниты (или шибановцы)»², Мухаммад Салих приводит список родо-племенного состава узбекского войска в следующем порядке: *сихиут, кыйат, конграт, буркут, мангыт, найман, дурман, ушун (уйсун), кушчи, джалаир, карлык (карлук), сулдуз, нукуз, тама, татар, адгу, адлу-оглы, ички, ойрат* [142, с. 137—139]. При этом во главе конгратов стоял Хусейн Али, мангытов и адгу уругу — Хаджи-Гази, адлу-оглы — Хамза-бий, кушчи — Купек-бий, дурман — Джанвефа-бий, найманов — Канбар-бий. Войско узбеков следовало старинному обычаю разделения на правое и левое крыло. В частности, правое крыло составляли ополчения племен: конграт, кыйат, мангыт, дурман, уйсун, ойрат. Численность войска левого крыла составляла 1500 человек, среди них было 700 найманов во главе с Канбар-бием [142, с. 137—140].

Из слов Мухаммада Салиха видно, что не все перечисленные роды и племена были выходцами именно из Узбекского улуса, ушедшими из степи вместе с Шибанидами. Условия феодальной раздробленности, близкородственная среда, отсутствие резко очерченных этнических границ, частые вовлечения правителями соседних стран кочевников Узбекского улуса в династические распри и войны и ряд других причин разрывали родо-племенную замкнутость и местную ограниченность, создавая тем самым широкое поле для этнического смешения. Это подтверждается расселением племен и присутствием представителей родов с одинаковыми названиями у разных народностей.

² В тексте *шибанлиг*, в персоязычных сочинениях *шибаниан*. Этими словами обычно обозначалась группа даштских племен, подвластных Шибанидам, т. е. потомкам Шибана, сына Джучи-хана. Ибн Рузбихан, например, пишет: «Три племени относят к узбекам, кои суть славнейшие во владениях Чингисхана. Ныне одно [из них] — шибаниты (шибаниан) и его ханское величество (т. е. Шейбани-хан. — Т. С.) после ряда предков был и есть их предводитель. Второе племя — казахи, которые славны во всем мире силою и неустрашимостью, и третье — мангыты, а [из] них цари астраханские» [134, с. 41; 198, с. 62]. Выражение «шибанские люди» встречается и в отписке самарского воеводы Дм. Пожарского [121, с. 145].

Наличие общих родо-племенных названий у нескольких народов, связанных на протяжении веков общей судьбой,— явление большой сложности и требует специального изучения. Не вдаваясь поэтому в детали, отметим лишь несколько названий родов и племен, общих для Узбекского улуса, Мавераннахра или Моголистана, засвидетельствованных источниками ранее времени завоевания Шейбани-ханом Средней Азии.

Аргун. Как известно, Тимурид Абу Саид, потерпев поражение от Улугбека, бежал в 1448 г. в Узбекский улус к Абулхайр-хану. По данным ряда источников, впоследствии, когда Абу Саид стал правителем, значительная часть аргунов, обитавших в бассейне Сырдарьи, откочевала в Мавераннахр. Ополчение даштских аргунов участвовало и во взятии Герата Абу Саидом в 862 г. х. (1457-58) [226, с. 84, 89]. Представители племени аргун упоминаются также среди сановников Тимурида Ахмад-мирзы [188, л. 1036]. Согласно Бабуру, мать Тимурида Султана Али-мирзы тайно отправила в 905 г. х. (1499-1500) письмо Мухаммаду Шейбани-хану, призывая его в Самарканд. Ее план был известен Абу-Йусуф аргуну («вернее сказать, этот предатель и указал ей такой путь») [21, с. 95].

Барин (байрин). «Иль барин» отмечен в составе моголов Моголистана для времени Улугбека [141, В 648, л. 426—43а; 44, с. 186]. Среди «удалых йигитов» Тимурида Омар Шайха называется Тулун-Ходжа из племени барин, который при Бабуре сделался беком [21, с. 67].

Джалаир. По Ибн Арабшаху, главных родов в улусе Чагатай было четыре: *арлат, джалаир, каучин, барлас*. Причем джалаиры поселялись у Ходжента, и глава рода «был как бы удельным князем своей области» [44, с. 34]. В 1376 г. за непокорность Тимуру против джалаиrow была принята мера, «соответствовавшая нашему понятию о расформировании воинской части: улус джалаиrow перестал существовать, и его остатки были распределены по отрядам других эмиrow» [44, с. 49]. Тем не менее эмиры племени джалаир не потеряли своего значения. В «Раузат ас-сафа» Мирхонда говорится о тысяче «всадников из племени джалаир»

в составе войска Тимурида Султан Хусейна [124, т. 1, с. 537]. Согласно Бабуру, Али-бек из племени джалаир был столь влиятелен, что «выше его не было человека», а его сын Хасан Али-бек состоял при Султан Хусейне в качестве кушбеги [21, с. 203].

Курлаут (курлагут). Омак курлагут, во главе которого стоял эмир Хамид, входил в состав войск могольского хана Тимур-Кутлуга [141, В 648, л. 126]³. Как считает В. П. Юдин, курлагут Мирза Хайдара Дуглата «можно отождествить с известным в истории Дашт-и Кыпчака племенем курлаут» [215, с. 54].

Кушчи. Мухаммад Хайдар сообщает, что во время скитаний Хызр-хана сопровождали 12 человек. Впоследствии каждый из них стал эмиром. В числе их был и некий охотник из Чалыша, потомки которого получили лакаб *кушчи* [141, С 395, л. 42а]. Исходя из этого сообщения, В. П. Юдин вводит кушчи в родо-племенной состав моголов как самостоятельное племя [215, с. 55].

Как известно, в обсерватории Улугбека работал ученый, астроном и философ Али Кушчи. По замечанию Бидлиси, он был «родом из тюрок Мавераннахра. Его отцом был [некий] Кушчи-заде, возможно происходивший из племени кушчи, главного из тюркских аширатов» [209, с. 137].

Кыпчак. Как передает Шараф ад-Дин Али Йезди, в 1376 г. Тимур направил в Джете против Камар ад-Дина 30-тысячный отряд во главе с Сары-Бугой, Адил-шахом и другими эмирами-тысячниками. Однако Сары-Буга и Адил-шах задумали «грешное дело» и, «собрав свои народы, джалаирав и кыпчаков, направились к Самарканду и начали осаду городских укреплений». Потерпев поражение, они бежали в Дашт-и Кыпчак и укрылись у Урус-хана. Предводитель кыпчаков Сары-Буга после двух лет скитаний вернулся к Тимуру, был им прощен, и ему была вновь «пожалована власть над его народом» [122, с. 132—133]. «Кыпчакский кошун» во главе с Осман-бахадуром принимал участие в походах Тимура против Токтамышша в 1391 и 1395 гг. [191, т. 2, с. 169, 177—179]. По словам Бабура, мать

³ Уйгурский перевод этого сочинения вместо *курлагут* дает написание *коркунут* [141, D 120, л. 246].

могольского хана Иунуса «была дочерью или внучкой кипчакского бека из Туркестана по имени Шейх Нур ад-Дин-бек, к которому благоволил Тимур-бек» [21, с. 20].

Мекрит. Представители племени мекрит участвовали во многих походах Тимура. По сообщению Шами и Йезди, люди из племени мекрит «в ходьбе по горам были так ловки и искусны, что заберутся в любое место, куда только серна может забраться». В походах их использовали для разыскивания горных путей [191, т. 2, с. 122, 181]. В числе сановников Шахруха называется Али Мекрит. В 827 г. х. (1423-24) его сын, имя которого не приводится, бежал за Сырдарью и укрылся у правителя моголов Шир-Мухаммад-хана [122, с. 164—165].

Минг. Представитель этого племени Ибрахим Сару с малых лет состоял на службе у Тимурида Омар Шайха, а затем находился в услужении Бабура и был одним из «покровительствуемых» им беков [21, с. 43, 94].

Найман. Среди особенно близких Тимуру эмиров в источниках упоминается и эмир Акбуга из рода айман, который, подобно многим другим сподвижникам завоевателя, заранее определил для себя место погребения около предполагавшегося в Шахрисябзе места погребения Тимура [24, с. 172]. По сведениям Бинаи, пруппы этого племени проживали в Мавераннахре и в XV в. [120, с. 122].

Сулдуз. Согласно Шами и Йезди, во время похода Тимура в Дашт-и Кыпчак на левом фланге его войска находился Шайх-Тимур-бахадур «с тысячами сулдузскими» [191, т. 2, с. 117, 162, 170]. Эмиры племени сулдуз со своими ополчениями участвовали и в более ранних военных предприятиях Тимура, например в первом походе на Хорезм в 1372 г. По словам Мирхонда, в убийстве Улугбека принимал участие «какой-то чага-тай из рода сулдузов» [44, с. 159]. Племя сулдуз входило также в состав моголов Моголистана [141, В 648, л. 27а; 44, с. 182].

Этот небольшой перечень дает, как кажется, возможность говорить о том, что в составе войска Шейбани-хана могли быть представители родов и племен, проживавших вне территории собственно Узбекского

улуса, но носивших те же названия, что роды и племена этого объединения. О том, что состав войска Шейбани-хана был смешанным, свидетельствуют данные многих источников. Например, Бабур, о событиях 906 г. х. (1500-01), пишет, что в то время Шейбанихан сидел в окрестностях Ходжа-Дидара, «с ним было три-четыре тысячи узбеков, из местных воинов набралось еще столько же людей» [21, с. 99]. Во время похода Шейбани-хана на Хорезм в 911 г. х. (1505-06) пятитысячный отряд Тимур-султана состоял, по словам Мухаммада Салиха, «из узбеков, сартов и моголов» [142, с. 197]. Излагая события 913 г. х. (1507-08), Бабур пишет: «Чужие нам люди и исконные враги, как узбеки и Шейбани-хан, завладели всеми землями, прежде подвластными потомкам Тимура. Тюрки и джагатаи, которые еще остались в разных углах и краях, одни из корысти, другие поневоле, примкнули к узбекам» [21, с. 247].

Хотя при решении вопроса о том, какие роды и племена, покинув Дашт-и Кыпчак, откочевали вместе с Шибанидами в Среднюю Азию и каков их количественный и этнический состав, нельзя сбрасывать со счетов факты присутствия родов с одинаковыми названиями у нескольких народностей, мы тем не менее полагаем, что, в частности, значительную часть из перечисленных Мухаммадом Салихом 19 родов и племен в составе войска Шейбани-хана могли составлять выходцы именно из Узбекского улуса. Основанием для такого суждения может служить приводимый ниже сводный Список названий родов и племен, отдельные представители которых служили Абулхайр-хану и остались верными Шибанидам и после его смерти, а также список родов и племен, засвидетельствованных в составе войска Шейбани-хана в начале XVI в. Для удобства пользования родо-племенные названия приводим в алфавитном порядке.

Сводный Список названий родов и племен

№ п/п	Названия родов и племен, представители которых способствовали возвышению Абулхайра или примкнули к нему, «когда установилось его могущество»	Названия родов и племен, представители которых остались верными Шейбанихану во время его «казачества»	Названия родов и племен, представители которых входили в состав войска Шейбани-хана в начале XVI в.
	список первый	список второй	список третий
1.	—	—	адгу
2.	—	—	адлу-оглы
3.	—	аргун	—
4.	—	ас	—
5.	барак	—	—
6.	—	—	барин
7.	—	башгырд	—
8.	буркут	—	буркут
9.	—	—	джалаир
10.	—	джуркун	—
11.	дурман	дурман	дурман
12.	ички	ички	ички
13.	—	ички-байри	—
14.	йджан	—	—
15.	—	йети-минг	—
16.	каанбайлы	—	—
17.	—	—	калмак
18.	карлук	—	карлук
19.	кенегес	—	—
20.	конграт	конграт	конграт
21.	кыйат	—	кыйат
22.	кыпчак	—	—
23.	куйун	—	—
24.	курлаут	—	—
25.	кушчи	кушчи	кушчи
26.	маджар	маджар	—
27.	мангыт	мангыт	мангыт
28.	масит	—	—
29.	—	—	мекрит
30.	найман	найман	найман
31.	—	—	нукуз
32.	ойрат	—	ойрат
33.	—	салор	—
34.	—	—	сихиут
35.	—	—	сулдуз
36.	таймас	—	—
37.	—	—	тама
38.	тангут (табгут)	—	—
39.	—	татар	татар
40.	—	тили-минг	—
41.	тубай	тубай	—
42.	тубай-туман	—	—

№ п/п	Название родов и племен, представители которых способствовали возвышению Абулхайра или примкнули к нему, «когда установилось его могущество»	Названия родов и племен, представители которых остались верными Шейбани-хану во время его «казачества»	Названия родов и племен, представители которых входили в состав войска Шейбани-хана в начале XVI в.
	список первый	список второй	список третий
43.	туман	туман	—
44.	туман-минг	—	—
45.	уйгур	уйгур	—
46.	уйсун	уйсун	уйсун
47.	украш-найман	—	—
48.	утарчи (уртачи)	—	—
49.	хытай	хытай	—
50.	чат	—	—
51.	чинбай	—	—
52.	чубурган	—	—
53.	шадбаклы	—	—
54.	шункарлы	—	—

Из приведенного Списка видно, что часть названий родов и племен представлена во всех трех его списках, некоторые — в двух списках, а отдельные названия родов и племен значатся лишь в одном списке. Названия родов и племен, (1) представленные во всех трех списках: *дурман*, *ички*, *конграт*, *кушчи*, *мангыт*, *найман*, *уйсун*; (2) представленные в двух списках: *буркут* (список первый и список третий), *карлук* (список первый и список третий), *кыйат* (список первый и список третий), *маджар* (список первый и список второй), *ойрат* (список первый и список третий), *татар* (список второй и список третий), *тубай* (список первый и список второй), *туман* (список первый и список второй), *уйгур* (список первый и список второй), *хытай* (список первый и список второй). Остальные родо-племенные названия представлены лишь в одном из списков.

Можно полагать, что некоторые из засвидетельствованных Мухаммадом Салихом в составе войска Шейбани-хана племен и родов, а именно *дурман*, *ички*, *конграт*, *кушчи*, *мангыт*, *найман*, *уйсун*, являются выходцами именно из Узбекского улуса. Дело в том, что представители этих родов и племен, способствовавших возвышению Абулхайр-хана и даже состоявших с ним в родстве (мать двух сыновей Абулхайра была из пле-

мени мангыт, а мать трех других его сыновей — из племени конграт [129, ч. 2, л. 131а; 120, с. 354; 211, с. 94]), оставались и после его смерти верными слугами Шибанидов, причем наиболее стойкими и неизменными в исполнении долга оказались представители племени кушчи, занимавшие при Абулхайре должность аталыка [118, л. 316б; 120, с. 148]. Автор «Таварих-и лузида» так описывал бегство Шейбани-хана из осажденного Хаджи-Тархана: «Когда они вышли оттуда, их было сорок человек („Из них половину составляли шахзаде“, — уточняет Шади [120, с. 62]. — Т. С.): двадцать из них были кушчи — они со времени Шибан-хана были атаке и кукельташами» [188, л. 96а; 120, с. 20]. Спустя некоторое время, по сообщению того же автора, «внук кушчи Нуклихаджи Ак-Суфи-бахадур привел остальной его урук. Во время этого казакования они не расставались во многих переделках» [188, л. 96а; 120, с. 20].

Именно эти роды и племена, насколько можно судить по источникам, составляли основную воинскую силу Шейбани-хана во время его завоевательных походов. Именно с представителями этих родов и племен Шибаниды сохраняли самые тесные связи. Так, например, Йакуб из племени кушчи — «большой выдумщик-острослов и знаток обычаев и старины» — был карачином дивана и кукельташом (молочный брат) Шейбани-хана [142, с. 137]. Йусуф из племени найман также был кукельташом Шейбани-хана и управляющим Шах-рухие [142, с. 195, 216]. Главным бием и управляющим Кундуза после смерти Махмуд-султана был назначен Канбар-бий найман [142, с. 195; 21, с. 179—180]. Купек-бию, предводителю кушчи, Шейбани-хан выделил в качестве суюргала Хорезмский вилайет, а Джан-вефа дурману, который еще в 906 г. х. (1500-01) назначался Шейбани-ханом даругой Самарканда [21, с. 99]. — Герат [142, с. 91; 21, с. 189]. И, наконец, именно представителям этих родов и племен Мухаммад Салих дает общее название узбеки [142, с. 137, 138; 207].

По словам Абул-Гази [219, с. 181], Бату-хан после возвращения из похода в Восточную Европу выделил в удел своему «младшему брату», Шибан-хану, народ, состоящий из 15 тысяч семей, в том числе четыре пле-

мени — байри, кушчи, найман и карлык (карлук) ⁴, которые и составили главную опору Шибанидов. Исходя из этого сообщения, мы можем причислить к числу даштских племен и племя карлук, часто упоминаемое в походах Шейбани-хана в составе его войска [142, с. 94, 102, 137—140, 223, 224]. Любопытно отметить, что Мухаммад Салих характеризует карлуков как людей, «сведущих в делах военных» [142, с. 94].

Очевидно, буркут и нукуз — те же племена Восточного Дашт-и Кыпчака, которые упоминаются для времени Абулхайр-хана. Причем о них говорится как о племенах, против предводителей которых Абулхайр ходил войной в составе войска Шибанида Джумадук-хана [120, с. 141—142]. Впоследствии Абулхайр был женат на женщине из племени буркут, от которой у него было два сына — Шах-Будаг-султан и Ходжа Мухаммад [211, с. 94; 129, ч. 2, л. 131а]. Буркут в списке Масуда б. Осман Кухистани значится как племя, беки которого примкнули к Абулхайр-хану в «годы его казначества» [120, с. 141]. Мухаммад Салих замечает, что уруг адгу является родом племени мангыт [142, с. 137], т. е. выходцами из Дашт-и Кыпчака. Даштским родом являются, видимо, адлу-оглы и тама.

Основываясь на изложенном материале, мы полагаем, что из перечисленных Мухаммадом Салихом 19 родов и племен в составе войска Шейбани-хана не менее 13 были выходцами из Дашт-и Кыпчака, откочевавшими вместе с Шибанидами в Среднюю Азию, а именно: *адгу, адлу-оглы, буркут, дурман, ички, карлук, конграт, кушчи, мангыт, найман, нукуз, тама, уйсун*.

Этот список отражает родо-племенной состав войска Шейбани-хана лишь начала XVI в. Передвижения кочевых племен из Дашт-и Кыпчака в покоренные Шибанидами области Средней Азии происходили и в более позднее время. Однако названия их нам в точности неизвестны. С. К. Ибрагимов без аргументации к числу поддерживавших Шейбани-хана и ушедших вместе с ним (или впоследствии) в Среднюю Азию родов и племен относит группы: дурман, ички, йджан, кыйат,

⁴ О четырех главных родах, подвластных Шибанидам, говорится и в «Бахр ал-асрар» Махмуда б. Вали. Названия племен приводятся при этом в следующем порядке и написании: *кушчи, найман, буйрак, карлык* [35, с. 168].

конграт, курлаут, кушчи, мангыт, найман, туман, тангут, уйгур, хытай, чимбай (чимтай), шадбаклы, шункарлы [90, с. 154; 91, с. 5].

Попытаемся выяснить общий количественный состав даштских родов и племен, принимавших участие в завоевательных походах Шейбани-хана. Как показывают письменные источники, численность войска Шейбани-хана в первые годы его завоевательных походов непрерывно увеличивалась. Вначале количество его воинов было незначительным и составляло 1—2 тысячи [136, с. 74]. При описании последующих событий говорится, что с Шейбани-ханом было уже 6—8 тысяч воинов, причем 3—4 тысячи из них были узбеками по происхождению [21, с. 99]. Во время похода против могольских ханов в 1503 г., как уже отмечалось, Шейбани-хан имел под своим началом отряд численностью 10 тысяч человек, большинство из которых были выходцами из Дашт-и Кыпчака [142, с. 136]. В 1507 г. Шейбани-хан повел войско из Самарканда, намереваясь захватить Хорасан, пишет Бабур. С ним было «сорок или пятьдесят тысяч узбеков» [21, с. 239]. Такое же число называет и Мухаммад Хайдар. Овладев государством Тимуридов, пишет он, Шейбани-хан «правил там так, как и надлежит. Его войско увеличилось до пятидесяти тысяч. Отовсюду, где только были узбеки, они собрались около него» [120, с. 208]. Очевидно, победное шествие Шейбани-хана по политически раздробленному Мавераннахру сплотило главарей прошибанидских племен Дашт-и Кыпчака вокруг удачливого военачальника, походы которого сулили им огромную военную добычу. Это заметно и по приведенной выше таблице, где среди родов и племен, участвовавших в завоевательных походах Шейбани-хана в начале XVI в., есть много таких, которые не называются известными источниками во время скитаний Шейбани-хана до завоевания им государства Тимуридов: адгу, адлу-оглы, буркут, карлук, тама и др.

Касаясь количественного и этнического состава воинских контингентов Шейбани-хана в начале XVI в., необходимо привести также сведения Ибн Рузбихана о численности «узбекских» отрядов (без указания родоплеменных названий) во время похода Шейбани-хана на казахов в 1509 г. В его сочинении особый интерес

для данного вопроса представляет следующий рассказ. После того как Шейбани-хан переправился через Сыр-дарью, пишет он, к августейшей ставке присоединился Суйундж-Ходжа-султан. «В corteже его было более десяти тысяч всадников, узбеков по происхождению». Эти 10 тысяч «чистых узбеков», которых, согласно Ибн Рубихану, нельзя смешивать по происхождению с моголами и чагатаями, составляли основное боевое ядро султанского отряда, хотя в нем было еще около 20 тысяч «моголов и чагатаев» [134, с. 122—123; 198, с. 88—89]. Здесь же говорится о присоединении к Шейбани-хану правителя туркестанских областей Кучум-султана с войском, «равным десяти тысячам боевых всадников» и 20 тысячам «сиххи» (вспомогательный отряд). Если под «боевыми всадниками» подразумевать выходцев из собственно Узбекского улуса, составлявших, видимо, основное ядро отряда наиболее влиятельных шибанидских султанов, то число «чистых узбеков» в этом походе, судя по именам султанов, было никак не меньше 40—50 тысяч. Если прибавить к ним оставленные Шейбани-ханом в разных городах и крепостях Средней Азии гарнизоны войск, в числе которых непременно были, конечно, «чистые узбеки», мы можем определить общую численность взрослых кочевников Дашт-и Кыпчака в составе войска Шейбани-хана к 1509 г. приблизительно в 50—60 тысяч.

Как видно, сообщения нескольких источников, авторы которых были современниками и даже участниками описываемых событий, показывают, что число кочевников Дашт-и Кыпчака в составе войска Шейбани-хана достигало 40—60 тысяч, из чего мы можем заключить, что главной опорой Шибанидов во время их завоевательных походов в Среднюю Азию были тюркоязычные кочевые племена Узбекского улуса. Если полагать, что все или почти все эти «боевые всадники» Шибанидов откочевали вместе с семьями (что наиболее вероятно), то, принимая в среднем 6 человек на семью-кибитку⁵,

⁵ По подсчетам исследователей, средняя численность семьи в Европе и мусульманских странах в средние века приблизительно составляла 6 человек [50, с. 259]. Такую же цифру берет за основу своих подсчетов и хорошо знавший быт и историю казахов-кочевников А. Левшин при определении численности населения жузов по числу кибиток [112, ч. 3, с. 4].

общую численность эмигрировавших из степи людей к концу первого десятилетия XVI в. можно приблизительно определить в 240—360 тысяч.

Приведенные цифры не должны смущать нас. Последствием ухода Шибанидов из степи и завоевания ими государства Тимуридов не могло не быть определенное передвижение кочевых племен Дашт-и Кыпчака в покоренные области. Но, несомненно, количественный состав мигрировавших кочевников зависел во многом от политической обстановки, заметно увеличиваясь в годы военных успехов Шибанидов и резко уменьшаясь в годы их неудач. Сообщения Бабур, Мухаммада Салиха, Мухаммада Хайдара, особенно Ибн Рузбихана о численности узбекских отрядов шибанидских султанов относятся к годам наибольших военных успехов Шейбани-хана и характеризуют, таким образом, лишь одну сторону процесса, связанного с передвижением кочевников Дашт-и Кыпчака в покоренные Шибанидами области Средней Азии.

Вместе с тем, если даже допустить, что общее число ушедших из степи кочевников достигало 240—360 тысяч, то и тогда их количественный состав по отношению к численности населения Узбекского улуса в XV в. не был столь уж значительным, чтобы говорить о «переселении» кочевых узбеков в Среднюю Азию в начале XVI в. Так, по словам весьма авторитетного писателя Мухаммада Хайдара, число подданных казахского хана Касима (1512—1518) составляло один миллион кочевников [141, В 648, л. 154а, 200а; 120, с. 223]. Следовательно, население Узбекского улуса к началу массовой эмиграции кочевников в Среднеазиатское междуречье составляло не менее 1 миллиона 240—1 миллиона 360 тысяч.

Что касается численного состава каждого из даштских племен в войске Шейбани-хана, то его выяснение крайне затруднительно или даже невозможно из-за скудости данных письменных источников. Единственным источником, где сообщается численность отряда отдельных племен в составе войска Шейбани-хана, является сочинение Мухаммада Салиха. Приведем эти цифры. Так, по его словам, во время похода против моголов в 1503 г. большинство десяти тысячного войска Шейбани-хана составляли шибановцы. При этом в войске насчитывалось: «триста узбеков из [племени] кушчи»,

1000 дурманов, 700 найманов. Самыми многочисленными были представители племени ички; их ополчение насчитывало не менее 4000 «узбеков, каждый из которых был другому брат и товарищ» [142, с. 137—138]. О том, что из всех даштских племен самыми многочисленными при Шибанидах были представители племени ички, говорится и в другом месте этого же труда [142, с. 64]. Судя по численности, а также по тому, что в числе казахских племен название *ички* не встречается, можно сделать вывод, что племя ички покинуло степи в полном составе⁶.

Вопросы этнической истории Казахстана и Средней Азии в XV—XVI вв., в частности связанные с уходом Шибанидов из Дашт-и Кыпчака и завоеванием ими государства Тимуридов, подлежат еще дальнейшему исследованию. На основании изложенного материала здесь представляется возможным высказать следующие положения.

Численность ушедших из степи кочевников достигала большой цифры, причем отдельные роды и племена покинули Дашт-и Кыпчак в полном составе. Однако даже в годы наибольших военных успехов Шейбани-хана откочевавшие в Среднеазиатское междуречье кочевники составляли не более четверти населения Узбекского улуса.

Уход этих кочевых племен Узбекского улуса во главе с Шейбани-ханом и завоевание ими Мавераннахра, хотя и внесли некоторые изменения в этническую географию расселения племен, не привели все же к коренным переменам в родо-племенном составе Узбекского улуса (т. е. Казахского ханства) начала XVI в.: основная масса его населения продолжала держаться своих традиционных мест кочевий. Это положение подтверждается и тем, что этнический состав казахов в XVII—начале XVIII в., о чем речь пойдет ниже, и узбеков Дашт-и Кыпчака в XV в. не имел особенно резких различий.

⁶ Как замечает В. В. Бартольд, в орхонских надписях и в мусульманских источниках утверждается, что для образования самостоятельного племени необходимо 700 человек (мужчин) [25, с. 44]. Согласно Бабуру, кочевое племя в 5—6 тысяч семейств считалось в Средней Азии «большим» племенем [21, с. 44]. Исходя из этих числовых данных, можно заключить, что кочевое племя ички было одним из крупных племен Дашт-и Кыпчака XV в.

Завоевание государства Тимуридов кочевыми племенами Дашт-и Кыпчака, известными под общим названием *узбеки*, явилось важным событием в этнополитической истории современного узбекского и казахского народов. Оно привело к окончательному уходу Шибанидов с частью племен Узбекского улуса с территории современных казахских степей; таким образом термин *узбек* был перенесен в покоренные ими области Средней Азии. За оставшимися кочевать в степи родами и племенами, объединенными под властью членов другой ветви Чингизидов, окончательно закрепилось название *казаки* (*казахи*), которое постепенно приобрело на этой территории устойчивый этнический смысл.

События, связанные с откочевкой Шибанидов и поддерживавших их племен из степи, показывают, что если в некочевых обществах отношения среди правящей группировки могли вызвать жестокую политическую борьбу и династийные перевороты, то в условиях кочевого общества к этому прибавлялись уходы, откочевки и тому подобные акты, оказывавшие зачастую заметное влияние не только на политическую жизнь: именно у кочевников связь между политической историей и этническими процессами беспримерна по значимости.

Наконец, уход Шибанидов с поддерживавшими их родами и продолжавшиеся затем передвижения кочевников имели определенное последствие для этнического процесса в целом, а именно: оставшиеся вне своего рода группы, части отдельных родов стремились примкнуть к какому-нибудь этническому коллективу. Эти вхождения приводили, в свою очередь, к потере некоторых прежних родо-племенных названий, формированию ряда новых родо-племенных групп с ранее неизвестными или парными наименованиями.

В связи с последним положением несомненный интерес для нашей темы представляют более поздние источники, в основном русские архивные материалы, позволяющие приблизительно воссоздать картину родо-племенного состава населения Казахстана начала XVIII в. и отразить в какой-то мере те перемены, которые произошли в среде племен Приаральских степей за два столетия.

Ниже приводим данные о родо-племенном составе населения Казахского ханства, которые извлечены нами из

русских архивных материалов, опубликованных казахскими учеными в книге «Казахско-русские отношения в XVI—XVIII веках». За основу взяты документы, датируемые не позднее первой половины XVIII в., ближайшем к рассматриваемому в настоящей работе времени.

Киши жуз. Семь родов Киши жуза были известны под названием *жетиру: табын, тама, кердери, керейт, джагалбайлы, телеу, рамадан*.

Племя этого жуза *алчин* разделялось на *каракисяк* и *байулы*, причем *каракисяк* включал следующие 6 родов: *чекли, каракисяк, чумекей, турткара, каракете, карасакал*.

Байулы почиталось менее «сильным» племенем, хотя в него входило 12 родов: *адай, джаббас, алача, байбакты, берч, маскар, тазлар, есентемир, алтын, шихлар, черкес, тана* [99, с. 406].

Чумекей-каратамыр, чумекей-балкын, чумекей-джалтыр «назывались Бузуновским родом и почитались одной фамилией» [99, с. 433].

В Киши жуз помимо приведенных входили еще следующие, видимо, малочисленные роды и подроды: *янклыч-чеклин, акките-алчин, алтай, аппас, керейт, китен, дайжирай-китен, найман, чакчар, чаретем, атгай и аргу-алтай* [99, с. 222, 280, 426, 539, 596].

Орта жуз был представлен следующими племенами, родами и подродами.

Кыпчак: торайгыр-кыпчак, кокбурун-кыпчак, туючка-кыпчак, кытабек-кыпчак, бултун-кыпчак, карабалык-кыпчак, танабуга-кыпчак, кунделен-кыпчак, узун-кыпчак [99, с. 167, 407].

Найман: ак-найман, бура-найман, булатчи-найман, каракерей-найман, терстамгалы-найман, туртогул-найман, кокджарлы-найман, иргенчикли-найман, семиз-найман, баганалы-найман, садыр-найман, бурма-найман [99, с. 276, 291, 427].

Аргун: каракисяк-аргун, сарыджетим[-аргун], чакчар-аргун, караул[-аргун], кисяк-аргун, атаган-аргун, тобыкты-аргун, басантиен-аргун, канджагалы-аргун, джанджар-аргун, туртогул-аргун, алтай-аргун, тебеч-аргун, борчи-аргун, корпак-аргун, калкаман-аргун, козуган-аргун, кокшал-аргун [99, с. 407].

В качестве родов и племен Орта жуза упоминаются: *конграт, таракты, увак, керей, ат-керей, керей-абакты, вашат, увак-керей, кускерид, кузган, атагай, алияй, кар-гитим-чапкат, чакчар, байулы, чакчар-сарыджетим, каракисяк, ауксирен, шихлар* [99, с. 220, 259, 351, 385, 397, 407, 409, 428, 486].

Улу жуз. По сообщению М. Тевкелева от 24 сентября 1748 г., в «Большой орде десеть родов, все генерально называются Оуйсюн, а от оногo звание разделилося и имянуются, а имянно: Ботбой оуйсюн, Чермоуйсюн, Джанес оуйсюн, Сикам оуйсюн, Адбансуван оуйсюн, Сары оуйсюн, Слы оуйсюн, Чанечклы оуйсюн, Канлы оуйсюн, Чалаер» [99, с. 407].

Следует отметить, что сведения М. Тевкелева о родо-племенном составе Улу жуза не отличаются точностью. В них отсутствуют некоторые названия племен; племена *албан* и *суван* он считает одним родом; вместо племени *дулат* приведены четыре входящих в него рода: *ботбай, джаныс, сыйкым* и *шмыр* [67, с. 24].

По данным более поздних источников, в Улу жуз входили следующие племена: *дулат, албан, суван, сары-уйсун, сргели, ысты, ошакты, чапрашты, чанышклы, кан-глы, джалаир* [17, с. 8].

Население Казахского ханства в XVII — первой половине XVIII в., по приведенным данным, включало в свой состав 6 родо-племенных объединений: *уйсун, аргун, найман, кыпчак, жетиру, алчин*. В эти объединения входили по крайней мере 112 племен, родов и поколений, причем племя *каракисяк* включало в свой состав 6 родов, *байулы* — 12, *бузун* — 4, *керей* — 3. При этом вместе со старыми названиями выступает ряд названий совершенно новых. Часть родов и племен хотя и сохранили свои старые наименования, но, будучи, видимо, уже более малочисленны, вошли в состав новых родов и племен в виде родовых групп.

Наличие новых родо-племенных названий отчасти можно объяснить включением, проникновением в состав казахов некоторого количества новых элементов со стороны. С другой стороны, образование новых имен родов и племен происходило, конечно, и среди самих казахов. Со временем могло случиться так, что по мере укрупнения и усиления отдельных родовых подразделений названия этих групп заменяли старые и приводили не

только к исчезновению прежних родо-племенных названий на этой территории, но и к постепенному забвению у людей своей принадлежности к тому племени или роду, название которого было заменено. В этой связи безынтересно привести здесь следующее предание, данное Абул-Гази-ханом: «Был у Огуз-хана внук имени Киргиз. [[Киргизы] — его потомки. Однако людей из потомков Киргиза мало — мо[н]гольские и другие племена, истощив свои пастбища и источники, шли в йурт киргизов, поселились там и стали называться киргизами; сами же знают из какого рода-племени [они происходят]» [219, с. 42]⁷.

Впрочем, такое явление имело место, видимо, и в редких случаях. В основном же старые названия и племен с незначительными изменениями в написании большая часть которых может быть разъяснена разночтения, сохранялись довольно долго. Если в приведенном перечне отсутствуют некоторые старые племенные названия, но обнаруживается множество новых, то это объясняется отчасти неполнотой обоих списков.

Списки 92 «племен илатийа» и опыт их анализа

Новый историко-этнографический материал для изучения узбекских и узбекско-казахских племен содержится в списке 92 «узбекских» племен, или «племен илатийа» (племена-кочевники). Генеалогическая традиция кочевников, как известно, на протяжении ряда столетий продолжает сохранять деление на определенное число племени. Указывая на это обстоятельство, В. В. Бартольд пишет, что «узбекских родов прежде считалось 32, потом 92, чем мы имеем возможность довольно точно установить время этой перемены: в 1756 г., в рассказе о вступлении на престол первого бухарского хана из мангытов, хаммед-Рахима, еще говорится о 32 родах; в 1792 г. правитель Бухары уже говорил русскому агенту Б.

⁷ Примеры изменения и образования новых родо-племенных названий см. у Фазлаллаха Рашид ад-Дина [199, с. 74], Мухаммеда Хайдара [141, С. 395, л. 42а], в работах Владимирцова [66, с. 78] и Еремеева [84, с. 84—85, 91—92].

рину о 92 родах» [39, с. 465; 28, с. 222—223]. При этом появление 92 «узбекских родов» В. В. Бартольд объясняет «постепенным распадом» 32 родов.

Считая правильной саму постановку вопроса о необходимости изучения списков «узбекских» племен, отметим, однако, что в данном случае мы, очевидно, имеем дело не с «постепенным распадом» этих 32 родов на 92, но с двумя отдельными списками племен. В этом отношении не может не привлечь к себе самого пристального внимания сочинение Сайф ад-Дина Ахсикенти «Маджму ат-таварих», написанное в Фергане в XVI в., где автор приводит названия 92 «узбекских» племен, или «племен илатийа» [172, В 667, л. 17а—18а]. Что традиционное деление на 92 рода существовало до XVIII в., подтверждается, между прочим, и упоминанием их числа в стихах узбекского поэта XVII в. Турди [196, с. 282]. Если учесть, что Ахсикенти, приводя название 92 племен, ссылается при этом на не дошедший до нас источник, то можно думать, что традиция разделения на 92 племен восходит ко времени не позднее первой половины XVI в. или даже, быть может, к еще более раннему времени.

Что касается деления на 32, то здесь, видимо, скрывается какая-то генеалогическая традиция деления узбеков Дашт-и Кыпчака именно на 32 рода на каком-то этапе их истории. О 32 родах, которые «прежде объединялись с Фуладом, а теперь изъявили покорность Токтамыш-хану», упоминает, например, автор «Маджму ат-таварих» Ахсикенти [172, В 667, л. 68а; 183, с. 92]. Сведения о разделении узбеков Средней Азии на 32 племен, которые, «как говорят, существовали и тогда, как они вели жизнь пастушескую», мы находим у ряда авторов XIX в. [55, с. 367—368]. Об «узбеках с тридцатью двумя ветвями» («отыз екі баулы өзбек») говорится и в казахских преданиях [160, с. 54]. Однако ни Ахсикенти, ни А. Борнс, ни Г. Потанин не приводят перечня 32 родов. Один вариант (хивинский) списков 32 «узбекских» племен опубликован А. Вамбери в следующем порядке: «кунграт, кипчак, хитай, мангит, нокс (нукус), найман, кулан, киег, аз, таз, сайят, джегатай, уйгур, айбет, дормен, ошун, канджигалы, нагай, балгали, митен, джелаир, кенегез, канлы, ичкили, багурлю, алчин, ачмайли, кара-курсак, биркунак, тыркиш, кеттекесер, минг» [59, с. 171].

Список 32 родов специально еще не изучался. Предварительное сопоставление списков 32 и 92 «узбекских» племен, согласно выводам В. А. Ромодина, показывает, что список 32 племен содержит названия основных компонентов, вошедших в состав «кочевых» узбеков Средней Азии, тогда как список 92 племен, по-видимому существовавший одновременно с ним, дает большее число этнических групп кочевников (узбекских и др.), населявших обширные территории от Урала до Инда во времена наивысшего политического могущества узбеков в Средней Азии [165, с. 49]. Здесь следует также отметить, что деление узбеков на 32 племена на более позднем этапе их истории в известной мере отражает черты общественно-политической жизни Средней Азии XVII—XVIII вв. Мы имеем в виду существование в практике общественно-политической жизни узбеков Средней Азии 32 должностных лиц, которые, судя по сведениям источников, являлись представителями отдельных, имевших наибольший вес в жизни страны племен. Причем положение должностных лиц в придворной среде зависело от их принадлежности к тому или иному роду, племени [124, т. 2, с. 327—328; 120, с. 452; 47, с. 394—395].

Традиционные списки 92 «узбекских» племен в отличие от более ранних списков 22 (так у Махмуда Кашгарского) или 24 (так у Рашид ад-Дина) огузско-туркменских родов [192, с. 78—83; 8, с. 129—136; 144, с. 27—37; 104, с. 15—20] не стали еще объектом изучения. В научной литературе, посвященной истории Средней Азии, можно встретить такого рода высказывания: «В источниках нередко встречается упоминание о „тридцати двух“ или „девятиста двух“ узбекских родах, однако точный список этих родов нигде не приводится» [92, с. 128].

Ниже приводим список 92 «узбекских» племен, или «племен илатийа», по трем спискам «Маджму ат-таварих», сохранив при этом ту последовательность перечисления племен, которая дана в источниках. За основу взят список ИВ АН СССР (табл. 1).

Список 92 «узбекских» племен («племена илатьий») в «Маджму ат-таварих»

Список ИВ АН (л. 17а-18а)	Список ЛГУ (л. 116-12а)	Фрунзенский список (л. 16-17)	Принятое нами чтение
I	II	III	IV
1. минг مينك	минг مينك	минг مينك	минг ¹
2. йуз يوز	йуз يوز	йуз يوز	йуз ¹
3. кырк قرق	кырк قرق	кырк قرق	кырк ¹
4. джалаир جلالير	джалаир جلالير	джалаир جلالير	джалаир ²
5. сарай سرائى	сарай سرائى	сарай سرائى	сарай
6. кунг урат قونغورات	кунгурат قونغورات	кунгурат قونغورات	конграт ³
7. ал чын الجين	алчын آلجين	алчын الجين	алчин ⁴
8. аргун ارغون	аргун آرغون	аргун آرغون	аргун ⁵
9. найман نيمان	найман نيمان	найман نيمان	найман ⁶
10. кыбчак قىچاق	кыбчак قىچاق	кыбчак قىچاق	кыпчак ⁷
11. калмак قلماق	калмак قلماق	калмак قلماق	калмак
12. чакмак چقماق	чакмак چقماق	чакмак چقماق	чакмак
13. кыргыз قىرغىز	кыргыз قىرغىز	кыргыз قىرغىز	киргиз
14. кырлык قىرلىق	кырлык قىرلىق	кырлык قىرلىق	кырлык
15. турк ترك	турк ترك	турк ترك	тюрк
16. туркман تركمان	туркман تركمان	туркман تركمان	туркмен
17. байаут بياوت	байаут بياوت	байаут بياوت	байаут

I	II	III	IV
18. бурлан بورلان	бурлан بورلان	бурлан بورلان	бурлан
19. шымырджык شمرچق	шымырджык شمرچق	сымырчык سمرچق	сымырчык
20. кабаше قبشه (فتيه)	каба قبه	каба قبه	каба
21. нуджин نجن	нуджин نجن	нуджин نجن	нуджин (?)
22. киледжи كيله جى	килечи كيله چى	килечи كيله چى	килечи
23. килекес كيله كس	килекес كيله كس	килекес كيله كس	килекес
24. бурат بورات	бурат برات	бурат بورات	бурат (бурят?)
25. убрат اوبرات	убрат اوبرات	убрат اوبرات	убрат (убрят?)
26. кыйат قيات	кыйат قيات	кыйат قيات	кыйат
27. хытай خطاي	хытай خطاي	хытай خطاي	хытай
28. канглы قنكللى	канглы قنكللى	канглы قنكللى	канглы ⁸
29. урйуз اورىوز	урйуз اورىوز	урйуз اورىوز	урйуз
30. джуналахи جونا لاهى	джуналахи جونا لاهى	джулахи جولاحى	джуналахи
31. куджи قوجى	куджи قوجى	кухи قوحى	куджи (кушчи?)
32. утарджи اوتارجى	утарджи اوتارجى	утарчи اوتارجى	утарчи
33. куладжи قولادجى	куладжи قولادجى	кулахи قولاحى	кулачи
34. джыйыт جيت	джыйыт جيت	джыйыт جيت	джыйыт
35. джуйут جويوت	джуйут جويوت	джуйут جويوت	джуйут
36. джалджиут جمل جوت	джалджиут چالچوت	чалчиут چالچوت	джалджиут

I	II	III	IV
37. турмаут تورماوت	турмаут تورماوت	турмаут تورماوت	турмаут
38. уймаут اوى ماوت	уймаут اوى ماوت	уймаут اوى ماوت	оймаут ⁹
39. арлат ارلات	арлат ارلات	арлат ارلات	арлат
40. кераит کريت	кераит کريت	кераит کريت	кереит
41. онгут اونگغوت	онгут اونگغوت	онгут اونگغوت	онгут
42. тангут تانگغوت	тангут تانگغوت	—	тангут
43. мангут مانگغوت	мангут مانگغوت	мангут مانگغوت	мангыт ¹⁰
44. джалаут جلالوت	джалаут جلالوت	джалаут جلالوت	джалаут
45. мамасит مماسيت	мамасит مماسيت	мамасит مماسيت	мамасит
46. меркит مرکيت	меркит مرکيت	меркит مرکيت	меркит
47. буркут بورقوت	—	курлаш قورلاش	буркут
48. кент کيت	—	өгилен اوگيلان	кеит
49. куралаш قوده لاش	куралаш موره لاش	кари قارى	куралаш
50. өглен اوگلان	өгилен اوگيلان	араб عرب	өглен
51. кари قارى	кари قارى	иладжи ايلاجى	кари
52. араб عرب	араб عرب	джубурган جبورغان	араб
53. иладжи ايلاجى	иладжи ايلاجى	кышлык قىشلىق	илачи
54. джубурган جبورغان	джубурган جبورغان	кирай کيراي	джубурган
55. кышлык قىشلىق	кышлык قىشلىق	дурман دورمن	кышлык

I	II	III	IV
56. кирай کیرای	кирай کیرای	табын تابین	керей
57. дурман دورمن	дурман دورمن	таме تامه	дурман
58. табын تابین	набын نابین	рамадан رمه‌دان	табын ¹¹
59. таме تامه	таме تامه	уйшун اويشون	тама ¹¹
60. рамадан رمه‌دان	рамадан رمه‌دان	бадан بادان	рамадан ¹¹
61. уйшун اويشون	уйшун اويشون	хафиз حافظ	уйсун ¹²
62. бадай بادای	бадан بادان	уйрачи اويراچي	бадан
63. хафиз حافظ	хафиз حافظ	джурат جورات	хафиз
64. уйраджи اويرجي	авирджи اويرجي	татар تاتار	авирджи
65. джурат جورات	джурат حورات	бурга بورغا	джурат
66. татар تاتار	татар تاتار	йамаш ياماش	татар
67. йурга يورغا	йурга يورغا	каучин قوجين	йурга
68. баташ باتاش	баташ باتاش	туйалы تويالي	батас
69. каучин قوجين	каучин قوجين	тилау تيلو	каучин
70. тубалы توبالي	тубалы توبالي	кердари کرداري	тубалы
71. тилау تلو	тилау تلو	сахтиан سختيان	телеу ¹³
72. кердари کرداري	кердари کرداري	кыргын قرغين	кердери ¹⁴
73. сахтиан سختيان	сахтиан سختيان	ширин شيرين	сахтиан
74. кыргын قرغين	кыргын قرغين	оглак اوغلاق	кыргын

I	II	III	IV
75. ширин شرین	ширин شیرین	чимбай چیمبای	ширин
76. оглан اوغلان	оглан اوغلان	черкес چرکес	оглан
77. джимбай جیم بای	чимбай جیم بای	уйгур اویغور	чимбай
78. джехл-кес جهل کس	хркес حرکس	агарма اغارما	черкес ¹⁵
79. уйгур اویغور	уйгур اویغور	таргыл تارغیل	уйгур
80. атмар اتمار (انمار)	агар اغار	турган تورغان	агар
81. йабу یابو	йабу یابو	таин تین	ябу
82. таргыл ترغیل	таргыл ترغیل	кохат قحات	таргыл
83. тургак تورغاق	турган تورغان	фахыр فاخر	тургак
84. таин تین	таин تین	куджалык قوجہ لیک	таин (тейит?)
85. кохат قحات	кохат قحات	шуран شوران	кохат
86. фахыр فاخر	фахыр فاخر	дераджат درجات	фахыр
87. куджалык قوجہ ایق	куджалык قوجہ لیک	кимат کما ت	куджалык
88. суран سوران	шуран شوران	шуджаат شجعات	шоран (шорон?)
89. дераджат درجات	дераджат درجات	авган اوغان	дераджат
90. кимат کما ت	кимат کما ت	казак قزاق	кимат
91. шуджаат شجعات	шуджаат سجعات	мангыт منغیت	шуджаат
92. авган اوغان	авган اوغان	каракалфак قراقالفاق	авган

1. *Минг, йуз, кырк*. Эти родственные между собой роды расселялись к XIX в. на юго-востоке Заравшана, в бассейне Амударьи около Гиссара и Балха, а также в Хивинском ханстве и Коканде [195, № 2]. Объединение этих родов известно под общим названием *марка* [208, с. 2]. Согласно правилу местничества с подразделениями правой и левой сторон старейшины племени минг, йуз и кырк располагались при бухарском дворе по левую сторону от «высочайшего престола» [132, л. 8б—9а]. В 20-е годы XX в. союз племени марка насчитывал на территории Узбекистана 82786 человек и 112 родовых и более мелких подразделений [208, с. 2].

Демская подгруппа юго-западных башкир включает племя минг, в состав которого входит 13 родов [109, с. 99]. Этноним *йуз* (*юсь*) встречается также и среди родо-племенных названий алтайцев [161, с. 23—24], а *кырк* — среди родо-племенных названий ногаев, туркмен, казахов, каракалпаков и анатолийских курдов [49, с. 132—140; 61, с. 2; 16, с. 78; 83, с. 140; 85, с. 39, 45].

2. *Джалаир*. Этноним *джалаир* встречается среди родо-племенных названий киргизов, бурят, казахов [7, с. 31; 163, с. 26]. Наименование отдельных подразделений этого племени встречается среди родо-племенных названий каракалпаков (род *балгалы*) [85, с. 61]. По сведениям казахских генеалогических преданий джалаиры — главнейшая ветвь племени *уйсун*. Казахское племя джалаир включает в свое объединение 13 родов, в каждый из которых входит множество подродов отделений [67, с. 43—45].

Старейшины узбекского племени джалаир располагались при бухарском дворе по левую сторону от престола [132, л. 8б].

3. *Конграт*. Племя конграт (*конурат*) числится и среди киргизских племен, как относящееся к правому крылу (*он канат*), и в составе каракалпаков [6, с. 26; 85, с. 35, 51]. Конграты составляли основное племя казахского Орта жуза и расселялись в основном в Шаульдерском, Туркестанском, Арысском, Сузакском районах Южного Казахстана [67, с. 77]. По сведениям А. Лев

шина, значительная часть конгратов отделилась от Улу жуза и примкнула к Орта жузу [112, ч. 3, с. 9—10].

По словам Махмуда б. Вали, старейшины (*карты*) племени конграт согласно правилу местничества располагались при узбекском дворе в XVII в. по левую сторону от престола [47, с. 394]. Полукочевое узбекское племя конграт занимало в начале XX в. юго-восточную часть Кашкадарьинского округа — района Тенги-Хирам и примыкающие к нему в Сурхандарьинском округе части районов Байсун и Ширабад [128, с. 8]. По данным 20-х годов XX в., узбекское племя конграт насчитывало около 134 650 человек и 170 родовых и более мелких подразделений [208, с. 2].

4. *Алчын*. Согласно казахским генеалогическим преданиям, *алчын* — собирательное имя всех родов Киши жуза [58, с. 206]. «Малая орда, — читаем у А. Левшина, — состояла прежде из сильного племени алчин и семи малых родов, которые Тявкою соединены в поколение семиродское. Алчинцы состояли из алимулы и байулы» [112, ч. 3, с. 7—8]. Причем *байулы* имело 13 родов [67, с. 82]. По данным начала XIX в., «семь отделений алчинского рода» кочевали летом между реками Уралом и Эмбой, а зимой — у Мангышлака [184, с. 119—120].

Старейшины этого племени располагались при бухарском дворе по левую сторону от «высочайшего престола» [132, л. 9а].

5. *Аргун*. Согласно сведениям казахских генеалогических преданий, *аргун* является синонимом *Орта жуза*. Казахи этого племени занимали обширную территорию от Балхаша до Кокчетавской области, от Иртыша до Тургайской степи, селясь смешанно с найманами, керейми, конгратами, кыпчаками [67, с. 67, 70, 155, 171, 176, 180; 184, с. 102—104].

Согласно правилу местничества эмиры узбекского племени аргун располагались при бухарском дворе по левую сторону от хана [132, л. 9а].

6. *Найман*. Этот этноним отмечен среди родо-племенных названий киргизов, алтайцев, ногайцев, а также казахов [65, с. 145, 163; 6, с. 27; 161, с. 25; 49, с. 132—140]. Найманы-казахи составляли основное племя Орта жуза и занимали верхний Иртыш и местности от Западного Алтая до Тарбагатая [67, с. 132, 161].

Согласно местничеству эмиры этого племени в XVII в. при бухарском дворе располагались по левую сторону от «высочайшего престола» [47, с. 394]. По данным 20-х годов XX в., узбекское племя найман насчитывало около 53 820 человек [208, с. 2].

7. *Кыпчак*. Одно из древних племен, впоследствии вошедшее в состав казахов, узбеков, киргизов, каракалпаков, алтайцев, башкир, туркмен. Основные места расселения кыпчаков-казахов — Тургайская и Кустанайская степи, Сырдарья, Карагандинская, Целиноградская, Павлодарская области [67, с. 180, 202].

Старейшины узбекского племени кыпчак располагались при бухарском дворе по правую сторону от престола [132, л. 86]. По переписи 1926 г., в Ферганской долине проживало около 33 300 кыпчаков, а на территории нынешней Самаркандской области в начале XX в. их было зарегистрировано около 52 000 [208, с. 3].

8. *Канглы*. Этноним *канглы* встречается у каракалпаков, башкир и других народов; *канглы* (*кангды*) можно встретить и среди названий киргизских племен группы ичкилик [85, с. 111; 167, с. 329; 172, В 667, л. 88а; 6, с. 27]. В казахских генеалогических преданиях племя канглы считается одним из старших племен Улу жуза. Основные места расселения казахов из племени канглы — Целиноградская, Кокчетавская области и близлежащие районы [17, с. 8—9; 67, с. 115].

Согласно правилу местничества старейшины племени канглы располагались при бухарском дворе по левую сторону от престола [132, л. 86]. По данным 20-х годов XX в., племя канглы насчитывало на территории Узбекистана 22 661 человека [208, с. 2].

9. *Оймаут*. Этноним *оймаут* встречается среди названий подразделений казахского рода *джаныс*, входящего в объединение племени *дулат* Улу жуза [67, с. 39]. Род оймаут входит также в состав каракалпакского племени *кенегес* как один из 8 родов [85, с. 49].

10. *Мангыт*. Название «одной из народностей монгольского происхождения, некогда жившей в Восточной Азии» [28, с. 212]. Этот этноним встречается среди родоплеменных названий ряда современных тюркоязычных народов от Алтая до Крыма, что явилось, видимо, следствием монгольского завоевания. Этноним *мангыт* (*манги*) можно встретить также среди родоплеменных на-

званий тунгусо-маньчжуров Забайкалья-Приамурья [60, с. 29—32].

В «Бахр ал-асрар» Махмуда б. Вали племя мангытов и племя *конгратов* упомянуты как два наиболее многочисленных племени узбеков [32, с. 556]. Согласно местничеству старейшины племени мангыт располагались в XVII в. и в более позднее время при узбекском дворе «напротив высочайшего престола... близ правой стороны, напротив места кара-кыятов» [47, с. 395; 132, л. 86]. По данным 20-х годов XX в., племя мангыт насчитывало на территории Узбекистана 132 234 человек [208, с. 2].

11. *Табын, тама, рамадан*. Эти три этнонима встречаются и в списке М. Тевкелева, и о них говорится как о родах казахского Киши жуза, входящих в состав «жетиру» [99, с. 406]⁸.

По сведениям башкирских генеалогических преданий, тама — один из 12 родов, на которые подразделялись башкиры [167, с. 50]. Этноним *тама* приводится и в казахском эпосе «Шура-батыр» как *название жителей Казани* [153, с. 87]. Этноним *табын* встречается как *название племенного объединения у северо-восточных башкир* [167, с. 55—56; 109, с. 99].

12. *Уйсун*. Этноним *уйсун* (*усон*) отмечен у киргизов [6, с. 30]. Родо-племенной состав казахов М. Тевкелев описал так: «В Большой орде десеть родов, все генерально называются Оуйсюн» [99, с. 407]. В более поздних источниках мы встречаем у казахов только название *сары-уйсун*, выступающее как *название самостоятельного племени Улу жуза* [16, с. 78; 67, с. 24—28].

Согласно правилу местничества с подразделениями правой и левой сторон старейшины узбекского племени уйсун (в источнике — *олишун*) располагались при бухарском дворе по правую сторону от престола [132, л. 86].

13. *Телеу*. Один из родов казахского Киши жуза, входящий в состав «жетиру». Имеет 4 подрода: *ажиахмет, ногай, самай, керейли* [99, с. 406; 67, с. 107]. Род телеу входит также в состав башкир и ногаев [167, с. 56; 49, с. 132—140], а этнонимы *тели* и *самат* встре-

⁸ Попутно отметим, что среди основных родов юго-восточных башкир имеется один род, носящий название *джете-уру* [109, с. 99].

чаются среди названий родовых подразделений каракалпакского племени *муйтен* [85, с. 102].

Старейшины узбекского рода телеу (*тилау*) занимали согласно местничеству места по правую сторону от престола [132, л. 86].

14. *Кердери*. Один из многочисленных родов казахского Киши жуза. Основные места расселения — Уральская, Актюбинская области [67, с. 207, 220, 225]. Согласно фольклорным материалам, род *кердерли* входил в состав каракалпакского племени *муйтен* [85, с. 103].

15. *Черкес*. Один из родов Киши жуза носит название *черкеш* и вместе с родами *есентемир* и *ысык* входит в объединение *байулы*. Основные места расселения — Чимкентская область, юго-восток Уральской области [67, с. 150, 228].

Помимо приведенных родо-племенных названий в родо-племенных названиях казахов встречаются и такие этнонимы из перечня Ахсикенти, как *керей* (племя Орта жуза), *меркит* — входит в объединение *абак* (племя Орта жуза), *кереит* — входит в объединение *жетиру* [16, с. 79—85; 67, с. 57—60, 81; 148, т. 2, с. 325].

Таким образом, в составе названий казахов встречается по крайней мере 20 общих со списком 92 «узбекских» названий племен. Вместе с тем в списке Ахсикенти можно найти ряд родо-племенных названий, общих для узбеков Средней Азии, казахов, киргизов, каракалпачков, ногаев, башкир, алтайцев, а это позволяет предполагать, что традиционный генеалогический список 92 «племен илатийа» включает названия большинства тюркских и некоторые названия нетюркских племен, бытовавших на территории Средней Азии, Казахстана и смежных областей.

Выяснение в каждом отдельном случае, является ли то или иное племя или род узбекским, казахским, киргизским и т. д., при имеющихся ныне историко-этнографических материалах не может дать однозначного ответа. Мы полагаем даже, что существует принципиальная невозможность распределить все 92 племена по принципу вхождения их в ту или другую народность: такой принцип был бы основан на приблизительности, с какой можно связать список с географической картой. И даже если бы удалось разместить племена XVI в. на географической карте, то их дальнейшие перемещения и пере-

жочевки, слияния и расхождения весьма существенно ослабили бы достоверность выводов. Впрочем, некоторые возможные атрибуции мы приводим ниже, в комментариях к табл. 3.

Теперь коротко остановимся на самих списках сочинения Ахсикенти. Как видим, названия 92 племен полностью значатся лишь в списке ИВ АН СССР. В списке ЛГУ отсутствуют два племени — *буркут* и *кеит* (№ 47, 48), остальные названия полностью совпадают со списком ИВ АН СССР, за исключением незначительных изменений в написании. Фрунзенский список насчитывает 91 племя, причем название *мангыт* встречается дважды (№ 43, 91). Вместо отсутствующих 4 племен — *тангут*, *буркут*, *кеит*, *ябу* (№ 42, 47, 48, 81) — вводятся 3 новых, не значащихся в списках ИВ АН СССР и ЛГУ — *йамаш*, *казак*, *каракалфак* (№ 66, 90, 92). И, наконец, в трех списках одного и того же сочинения «Маджму ат-таварих» встречается 95(!) названий племен. Это обстоятельство позволяет говорить о том, что традиционным в делении на 92 племени оставалось лишь число, а общий подбор названий имел в известной мере произвольный характер. Видимо, при переписке считалось естественным заменять одни названия другими, представлять места и т. д. и с такими переменами пускать в дальнейшее обращение. Причем изменения эти в значительной мере отражали, по-видимому, положение и вес, которые занимали те или иные племена в данный период, а также место переписки и личное мнение переписчика. Во всяком случае, такое впечатление создается при сопоставлении списка Ахсикенти с другими, более поздними списками 92 «узбекских» племен.

Ниже приводим еще три перечня 92 «узбекских» племен, сохранив при этом ту их последовательность, которая в источниках. Арабские цифры обозначают порядковый номер соответствующего или близкого по звучанию названия в перечне «Маджму ат-таварих», взятого за основу в качестве наиболее раннего списка. Из трех списков «Маджму ат-таварих» используется список ИВ АН СССР как самый полный.

«Маджму ат-таварих», ИВ АН (л. 17а—18а)	«Тухфат ат-тава- рих-и хани», ИВ АН УзССР (л. 266б)	Рукопись ИВ АН УзССР (№ 4330, л. 132б)	Список Хорошхина
I	II	III	IV
1. минг	минг مينك	минг مينك	ногай
2. йуз	кыргыз 13 قرغيز	йуз يوز	казак
3. кырк	йуз 2 يوز	кырк 4(II) قورق	кыргыз 13
4. джалаир	кырк 3 قورق	онг 5(II) اونك	кунграт 6
5. сарай	онг 4(III) ازك	онгаджит 6(II) اونكاجيت	найман 9
6. кунгурат	онгаджит 5(III) انكاجيت	джалаир 4 جلالير	канглы 28
7. алчын	джалаир 4 جلالير	сарай 5 سرائي	тама 59
8. аргун	кунгурат 6 قونفورات	хытай 27 خطاي	каракалпак 70(II)
9. найман	алчын 7 الچين	кыбчак 10 قبچاق	туркмен 16
10. кыбчак	аргын 8 ارغين	найман 9 نيمان	тюякля
11. калмак	сарай 5 سرائي	чакмак 12 چقماق	тюрк 15
12. чакмак	найман 9 نيمن	урмак اورماق	буркут 47
13. кыргыз	кыбчак 10 قبچاق	тувадак توادق	мисит 45
14. кырлык	чакмак 12 چقماق	бостан بوستان	абу 81
15. турк	бурлат 18 بورلات	сымырчык 19 سميرچيق	сарай 5
16. туркман	сымырчык 19 سميرچيق	калмак 11 قلماق	бахрин
17. байаут	булатхаб (?) بولاتخاب	кырлык 14 كارلук (?) قراق	хитай 27

I	II	III	IV
18. бурлан	катаган 52(IV) قەتەنەن	катаган 52(IV) قەتەنەن	кипчак 10
19. шымырджык	киледжи 22 كەلەجى	арлат 39 ارلات	мын 1
20. кабаше	кинегес 23(III) كەينەكەس	аргун 8 ارغون	юз 2
21. нуджин	буйюрук 25(III) بۇيۇرۇك	барлас بارلاس	кырк 3
22. киледжи	уйрасут اۋى راست	буйтай بۇيتاي	джалаир 4
23. килекес	кыйат 26 قياۋات	кенегес 20(II) كەنەگەس	кунграт 6
24. бурат	хытай 27 خەتاي	киледжи 22 كەلەجى	алчин 7
25. убрат	канглы 28 قەنگەلى	буйрак 21(II) بۇيراق	аргын 8
26. кыйат	ур-авар اور	ойрат 54(IV) اويرات	канглы 28
27. хытай	джубаладжи 30 جۇبۇلاجى	кыйат 26 قياۋات	киреит 40
28. канглы	куйджи 31 قۇيدجى	кунграт 6 قەنگەرات	рамадан 60
29. урйуз	буйут 35 بۇيۇت	канглы 28 قەنگەلى	табын 58
30. джуналахи	джыйыт 34 جەيت	уз اوز	кенегез 20(II)
31. куджи	джилджуут 36 جەилجۇۋۇت	джуладжи 30 جۇلادجى	мангыт 43
32. утарджи	буйат 61(IV) بۇيات	джусуладжи جۇسۇلادجى	кыят 26
33. куладжи	уймаут 38 اۋىماۋۇت	куджи 31 قۇجى	саят
34. джыйыт	арлай 39 ارلاى	утарджи 32 اۋتارجى	джагатай
35. джуйут	кераит 40 كەرايت	фуладчи 33 فۇلادجى	дурмен 57
36. джалджиут	онгут 41 اۋنغۇت	джуйут 35 جۇيۇت	ушун 61

I	II	III	IV
37. турмаут	тангут 42 تانگوت	джыйыт 34 جيت	муитан
38. уймаут	мангыт 43 منگت	джилджуут 36 جل جوت	джалаир 4
39. арлат	джалджаут 44 جالجوت	буйазут 17 بويازت	бахрин 90(III)
40. кераит	масит 45 مست	уймаут 38 اويماوت	баллось
41. онгут	меркиф 46 مرکيف	кераит 40 کرايت	каучин 69
42. тангут	буркут 47 بودقوت	баган باغان	ухум
43. мангут	кият 48 کيات	онгут 41 انگت	гараб 53(III)
44. джалаут	куралас 49 قرالاس	тангут 42 تنگت	калмак 11
45. мамасит	өглен 50 اوکلان	мангыт 43 منگت	найман 9
46. меркит	кари 51 قادی	меркит مرکت	ун 5(II)
47. буркут	араб 52 عرب	буркут برقوت	яман
48. кият	иладжи 53 ایلا جي	масит 45 مست	чакмак 12
49. куралаш	джубурган 54 جو بورغان	кият 48 کيات	арзук
50. өглен	кышлык 55 قسليق	өглен اوکلان	карлук 14
51. кари	кирай 56 کرای	алчын 7 آلچين	турдас
52. араб	туркман 16 ترکمان	кари 51 قاری	катаган 18(III)
53. иладжи	дурман 57 دورمن	гариб 43(IV) غريب	киляучи 22
54. джубурган	табын 58 تايين	шубурган شبرغان	уйрот 26(III)

I	II	III	IV
55. кышлык	таме 59 تام	кышлык قشلىق	кибот 90
56. кирай	рамадан 60 رمدان	туркман 16 ترکمان	кахат 85
57. дурман	митан 61(III) میتن	дурман دورمان	джуячи
58. таин	уйшун 61 اويشون	табын 84 تاين	пулатчи 33(III)
59. тама	бурие بوریه	там تام	джурбут
60. рамадан	хафиз 63 حافظ	рамадан رمدان	джиот 35
61. уйшун	айурджи 64 ايورجى	митан 57(II) میتن	буят 32(II)
62. бадай	джуйрасут جويراست	уйшун 61 اويشون	арлот 39
63. хафиз	будай 62 بدان	бусе بوسه	уткут
64. уйраджи	банааш 68 بناشى	хафиз 63 حافظ	джарджут 36
65. джурат	татар 66 تاتار	кыргыз 13 قىرغىز	мит 57(II)
66. татар	баджакар بجقر	татар تاتار	буркут 47
67. йурга	сулдуз 68(III) سولدوز	йаджкар ياجقر	турлось
68. баташ	азак آق	сулдуз 67(II) سلدوز	уклон 50
69. каучин	калмак 11 قالماق	калывай (?) قلواى	иляги 53
70. тубалы	каракалфак 8(IV) قراقلفاق	дуджар دوجر	кышлик 55
71. телеу	санвадан (?) سنوادان	джурат 65 جورات	дурман 57
72. кердари	тубай 70 توباي	бадай 62 بداي	бури
73. сахтиан	тилау 71 تيلار	оглан 76 اوغلان	аучи

I	II	III	IV
74. кыргын	керади 72 کرای	курлаут 79(II) کورلاوت	утарчи 32
75. ширин	сактиан 73 سەتیان	чинбай 77 چین بای	тилау 71
76. оглан	кыркын 74 قرقین	махди مەھدی	кыркын 74
77. джимбай	ширин 75 شیرین	чилкас 78 چلکەس	джуйрот 65
78. джехл-кес	оглан 76 اوغلان	уйгур 79 اویغور	турган 83
79. уйгур	курлаут 74(III) کورلاوت	агар 80 اغر	сауран 88
80. атмар	баглан بەلان	кур (?) کو	баудалак
81. йабу	джинбай 77 چین بای	никуз نیگوز	ардури
82. таргыл	чилкас 78 چیل کەس	кара 51 قارا	лякай
83. тургак	уйгур 79 اویغور	тушлуб توشلوب	киикчи
84. таин	арнамар ارنامار	йабу 81 یابو	утеген
85. кохат	бабу 81 بابو	таргыл 82 تارغل	уткан
86. фахр	таргыл 82 تارغل	кохат 85 قەھات	ишчи
87. куджалык	турган 83 تورغان	шуран 88 شوران	нитягай
88. шуран	кохат 85 قەھات	ширин 75 شیرین	джаусар
89. дераджат	маджар ماچار	таме 59 تەمە	аркан-салды
90. кимат	куджалык 87 قوجالیق	бахрин 39(IV) بەھرین	аман
91. шуджаат	соуран 88 سوران	кирай 56 کرای	абдан
92. авган	бахрин 90(III) بەھرین	сахгиан 73 سەختیان	асака

I. «Маджму ат-таварих». Сочинение написано на таджикском языке в Фергане в XVI в. двумя авторами. Первая (основная) часть принадлежит авторству Муллы Сайф ад-Дина б. Дамуллы Шах-Аббаса Ахсикенти, часть вторая — его сына Нур (или Навруз)-Мухаммада. В Ленинграде хранятся два списка сочинения «Маджму ат-таварих» (подробные сведения о ленинградских списках этого сочинения и об авторе см. у Ромодина [166, с. 61—65], в «Собрании историй» [183, с. 3—55] и в «Материалах по истории киргизов и Киргизии» [122, с. 200—203]). Третий список недавно обнаружен в Киргизии и ныне хранится в Институте языка и литературы АН Киргизской ССР.

«Маджму ат-таварих» посвящено жизнеописанию касанских шейхов, деятельность которых описывается в связи с историческими событиями конца XIV — начала XVI в. Сочинение начинается предисловием, в котором автор указывает в числе своих источников «Таварих-и Моголийа» и «Таварих-и зубдат ал-Башара». На последнее сочинение он далее ссылается, приводя из него легендарные сведения о происхождении тюркских племен и перечисляя названия 92 «узбекских» племен. Приводимый в «Маджму ат-таварих» перечень представляет собой самый ранний из до сих пор известных вариантов традиционных списков 92 «узбекских» племен, или «племен илатийа».

Порядок расположения названий племен в списке Ахсикенти в большой мере отражает, как нам представляется, родо-племенной состав племен южных районов Средней Азии, хотя традиционный генеалогический список включает названия большинства тюркских и некоторые названия нетюркских племен, обитавших на территории Средней Азии, Казахстана и смежных областей. В списке на первом месте стоят племена *минг*, *йуз*, *кырк* и *джалаир*, что отражает, видимо, первенствующее положение представителей этих племен в придворной и военной среде узбеков Средней Азии. Во всяком случае, знать этих племен, судя по другим источникам, играла в XVI—XVII вв. весьма большую политическую роль в жизни страны [140, с. 81, 217, 221, 223; 143, с. 121, 124, 125, 129]. По преданию, сохранившемуся у самих мин-

гов, влияние этого многочисленного узбекского племени было несколько поколеблено при ханствовании Абдаллаха (1583—1598), когда часть мингов вынужденно оставила берега Заравшана и перекочевала на Амударью, к стороне Балха [195, № 2].

II. «Тухфат ат-таварих-и хани» Аваз Мухаммада б. Муллы Рузи-Мухаммада Суфи Аттара. В этом сочинении изложена история Ферганы и Кокандского ханства с XVI в. до 60-х годов XIX в. [146]. Автор, купец, занимавшийся торговлей галантереей и парфюмерией в Коканде, дает интересные сведения о торговле, рыночных ценах на продукты, налогах, описывает достопримечательности Коканда и подробно излагает политическую историю ханства, в связи с которой приводит некоторые сведения и о тюрко-монгольских племенах, в частности названия 92 «узбекских» племен [122, с. 210—213].

Порядок перечисления названий племен в «Тухфат ат-таварих-и хани» отражает, видимо, те перемены, которые произошли в политической жизни Ферганы за истекшие столетия. На первом месте, как и в прежнем списке, значится *минг*, представители которого, занимавшие и раньше видную роль, с середины XVIII в. становятся родоначальниками особой кокандской династии [147; 92, с. 108—109]. На второе место после мингов поставлены *киргизы*, занимавшие в перечне Ахсикенти 13-е место. Это скорее всего связано с тем обстоятельством, что значительную роль в истории Кокандского ханства конца XVIII и начала XIX в. играли киргизы, занимавшие в то время восточные и северо-восточные окраины Ферганской долины и составлявшие наряду с кыпчаками одну из преобладающих групп кочевых племен Кокандского ханства [97, с. 256 и сл.].

III. Рукопись ИВ АН УзССР (№ 4330). Сочинение анонимного автора, составлено во второй половине XIX в. и хранится в Собрании восточных рукописей АН Узбекской ССР [182, № 4188]. Перечень 92 «узбекских» племен входит в виде заметки в трактат «Сал-наме-и Ходжа ал-Хаким Тармази».

IV. А. Хорошхин. Народы Средней Азии (историко-этнографические этюды) [195, № 10]. Записи А. Хорошхина основаны на собранных им устных сведениях. Судя по порядку перечисления пле-

мен, это ногайско-казахская (мангытско-казахская) версия, отражающая этнографические группы населения Бухарского ханства и их положение в этом государстве. Характерно, что после *ногаев (мангытов)*, правивших в Бухаре, на второе место выдвинулись казахи, вовсе отсутствующие в списке Ахсикенти. Видное место заняли *каракалпаки* и *туркмены*, а роды *минг*, *йуз* и *кырк*, проживавшие в основном на территории Кокандского ханства, занимают в списке А. Хорошхина соответственно только 19, 20 и 21-е места.

Помимо приведенных перечней есть еще несколько списков 92 «узбекских» племен, опубликованных в разное время [203, с. 58—63; 57, с. 553—554; 114, т. 1, с. 155—156]⁹. Из них списки Н. В. Ханыкова и Д. Н. Логофета представляют собой бухарский вариант, и потому *мангыт*, как наименование правившей в Бухаре династии [98, кн. 2, с. 43; 194], стоит в обоих списках на первом месте. Перечень, приводимый Ч. Ч. Валихановым и Х. Данияровым, имеет наибольшее сходство со списком из «Тухфат ат-таварих-и хани» и отражает родо-племенной состав населения Кокандского ханства.

Таким образом, на основании изложенного материала можно утверждать, что порядок перечисления названий тех или иных племен в списках был явлением не случайным, но имел известную логику, зависел во многом от политических аспектов и отражал при этом значимость роли этих племен в политической жизни местности, где он составлялся.

Для подтверждения такого вывода сошлемся еще и на сведения С. М. Абрамзона. В записанном им на территории Киргизии во время полевых работ в 50-х годах списке 92 племен на первом месте стоит *катаган* [122, с. 214]. Для объяснения этого факта небезынтересно обратить внимание на одно место из эпоса «Манас»:

Башкы уругу катаган,
Кыргыздан чыгып ушул эл,
Баары да бир атадан [116, с. 104].

Главное племя катаган,
этот народ (племя), вышедший из киргизов,
у всех у них один предок

⁹ Списки Н. В. Ханыкова и Д. Н. Логофета без анализа перепечатаны в книге Г. Ярринга [221, с. 52—57]. Несколько списков 92 племен опубликовано Х. Данияровым [80, с. 74—75].

Таким образом, и в этом списке видна взаимосвязь значимости роли племени и его порядкового номера в перечне.

Если в порядке расположения названий племен можно усмотреть видимую закономерность, то не отражает ли соседство названий племен и родов в списках соседства этих племен и родов на местности, генетическое родство и вхождение их в одно объединение?

Для того чтобы ответить на эти вопросы, ниже приводим перечень названий групп родов и племен, встречающихся вместе почти во всех списках. Порядок перечисления и написание названий приводятся по оригиналам. За основу взяты группы, выделенные нами из сочинения Ахсикенти по списку ИВ АН СССР. Арабскими цифрами обозначены порядковые номера названий племен и родов в соответствующих списках.

Таблица 3

«Маджму ат-таварих», ИВ АН (л. 17а—18а)	«Тухфат ат-таварих-и хани», ИВ АН УзССР (л. 266б)	Рукопись ИВ АН УзССР (№ 4330, л. 132б)	Список Н. В. Ханыкова [203, с. 58—63]	Список Ч. Ч. Валиханова [57, т. 1, с. 553—554]
I	II	III	IV	V
1. минг 2. йуз 3. кырк	1. минг 2. кыргыз 3. йуз 4. кырк 5. онг	1. минг 2. йуз 3. кырк 4. онг	2. мин 3. юзь 4. кырк 5. унг	1. минг 2. юз 3. кырк 4. унага
6. кунграт 7. алчын 9. найман	8. кунграт 9. алчын 12. найман	28. кунграт 51. алчын 10. найман	9. кунград 10. алчин 12. найман	8. кунграт 9. алчын 11. найман
10. кыбчак 11. калмак 12. чакмак	13. кыбчак 69. калмак 14. чакмак	9. кыбчак 16. калмак 11. чакмак	13. кипчак 16. калмак 14. чичак	12. кыпчак 13. чакмак 14. узак 15. казак
22. киледжи 23. килекес	19. киледжи 20. кинегес	23. кинегес 24. киледжи	22. галячи 23. кинягаз	21. клачи 22. кинегес
24. бурат 25. убрат 26. кыйат	21. буйюрук 22. уйрасут 23. кыйат	25. буйрак 26. ойрат 27. кыйат	24. бутряк 25. узой 26. кабат	23. буйрак 24. уйрак
34. джыйыт 35. джуйут	29. буйут 30. джыйыт	36. джуйут 37. джыйыт	35. джид 36. джуют	31. чуют 32. хеит

I	II	III	IV	V
36. джал- джиут	31. джал- джиут	38. джил- джут	37. чил- джуют	33. джил- джут
37. турмаут	32. буйа[y]т	39. буйазут	38. буй-маут	34. бояут
38. уймаут	33. уймаут	40. уймаут	39. уймаут	35. аймаут
39. арла[y?]т	34. арлай	19. арлат	40. аралат	36. арлат
41. онгут	36. онгут	43. онгут	42. унгут	38. унгут
42. тангут	37. тангут	44. тангут	43. кангыт	39. танкыт
43. мангут	38. мангыт	45. мангыт	1. мангыт	40. мангыт
44. джалаут	39. джал- джаут		44. халаяут	41. джал- джут
45. мамасит	40. масит	48. масит	45. масад	42. месит
46. меркит	41. меркиф	46. меркит	46. муркут	43. меркит
47. буркут	42. буркут	47. буркут	47. беркут	44. буркут
54. джубур- ган	49. джубур- ган	54. шубур- ган	53. джуля- ган	50. джубур- ган
55. кышлык	50. кышлык	55. кышлык	54. кышлык	51. кышлык
56. кирай	51. кирай	91. кирай	55. гедой	52. сарай
58. табын	54. табын	58. табын	58. табын	55. табын
59. тама	55. тама	59. там	59. тама	56. тама
60. рамадан	56. рамадан	60. рамадан	60. риндан	57. рамадан
71. тилау	73. тилау		74. тлеу	71. телеу
72. кердари	74. керади		75. кыр-дар	72. кердари
81. йабу	85. бабу	84. йабу	84. ябу	83. ябу
82. таргыл	86. таргыл	85. таргыл	85. наргыл	84. таргыл
83. тургак	87. турган			85. турган

Таким образом, список Ахсикенти содержит по крайней мере более 10 групп, насчитывающих около 40 родов и племен. Большинство групп с некоторыми добавлениями и незначительными отпадениями повторяются в разных списках, чаще под другими порядковыми номерами. Любопытно при этом отметить, что из 11 названий родов и племен в перечне Ахсикенти (*кабаше* — № 20; *нуджин* — № 21; *бурат* — № 24; *убрат* — № 25; *урйуз* — № 29; *турмаут* — № 37; *йурга* — № 67; *фахр* — № 86; *дераджат* — № 89; *шуджаат* — № 91; *авган* — № 92), отсутствующих в других, приведенных в табл. 2 списках, по меньшей мере 8 не входили в объединения. Отсутствие их в более поздних списках объясняется, возможно, тем, что эти племена, будучи менее политически активными, о чем говорит место большинства из них в конце перечня XVI в., вошли в состав других ро-

дов и племен в виде родовых подразделений или же остались не включенными в списки XIX в. из-за своей малочисленности.

Рассмотрение отдельных приведенных групп племен дает возможность говорить о том, что соседствующее положение в списке отражает в известной мере как соседство этих племен на местности, так и вхождение их в одно объединение. Например, первая группа включает родственные между собой узбекские племена, обитавшие по соседству в долине Заравшана, окрестности Уру-тубе и Дизака, около Гиссара и Балха [195, № 2], и известные под общим именем *марка*. Племенные названия второй группы также локализуются главным образом в пределах Заравшанской долины [195, № 10]. Судя по тому, что названия этих племен входят в первую десятку, можно с уверенностью говорить о них как об узбекских племенах, хотя общие с этой группой родо-племенные названия встречаются и у других народов, в частности у казахов. Между тем в группе *табын, тама* и *рамадан*, значащихся в списке Ахсикенти соответственно под № 58, 59 и 60, по всей вероятности, следует видеть казахские племена, входившие в объединение «жетиру», поскольку такое сочетание трех племенных названий зафиксировано только для этого объединения. Учитывая тот же принцип, т. е. взаимосвязь роли племени в политической жизни региона с той ролью, которую отводил ему тот или иной автор в своем списке (это и отразилось в порядковом номере), можно считать казахской и следующую группу из *телеу* и *кердери*.

Что касается некоторых других групп, например значащихся под № 34—39, 41—44, 45—47, то основой для их объединения в списке, видимо, служили если не политический принцип и соседство на местности, то по крайней мере сходная морфологическая структура названий, а это сходство, кстати сказать, позволяет предполагать и известное генетическое родство племен. Вместе с тем встречаются группы, которые объединены, как кажется, лишь по сходству морфологической структуры названий, например: *кыпчак*, *калмак* и *чакмак*. Из названных племен первое, например, тюркское, второе — монгольское. К этой группе в перечне, приводимом Ч. Ч. Валихановым, добавлены такие близкие по звучанию этнонимы, как *узак* и *казак*. Возникнове-

ние в списках подобных групп объясняется, по всей вероятности, мнемоническим принципом.

Таким образом, из сравнения названий родо-племенных групп по перечню Ахсикенти (XVI в.) с другими списками 92 племен (XIX в.) можно заключить, что названия родо-племенных групп, входивших в политические объединения, сохранялись почти в неизменном виде (лишь с незначительными расхождениями в написании и некоторыми перестановками) на протяжении нескольких веков, что свидетельствует как об исторической устойчивости этих объединений, так и об устойчивости названий племен и родов, входивших в объединения. При изучении разных вариантов списков 92 родов и племен можно выделить три принципа, влиявшие на расположение родо-племенных названий в списках, а именно:

1) принцип совместной подачи в списках названий родов и племен, входивших в политические объединения или родственных генетически;

2) принцип, согласно которому порядковый номер, под которым род или племя значится в списке, отражает важность этого рода или племени в военно-политической жизни местности составления списка: чем ближе к началу списка стоит название рода или племени, тем большее значение приписывается ему составителем, и наоборот;

3) мнемонический принцип совместной подачи названий родов и племен с морфологически подобными названиями для облегчения запоминания списка.

Следует, видимо, учитывать также влияние традиции в способах группировки названий племен и их размещении. В связи с этим хочется напомнить слова Ахсикенти, которыми он сопровождал свой список: «согласно книгам и „Таварих-и зубдат ал-Башара“, перечень девяноста двух узбекских родов (на этой же странице: *племен илатийа*.— Т. С.) таков» [172, В 667, л. 17а; 183, с. 22]. Отсюда можно заключить, что рассматриваемый здесь список Ахсикенти отражает черты предшествующего списка и, таким образом, в известной мере то расположение названий родов и племен, которое существовало в момент составления предшествующего списка.

Несомненно трудной и в настоящее время неразрешимой представляется проблема разделения традиционного и нового в каждом отдельном списке.

ЭКОНОМИЧЕСКОЕ ПОЛОЖЕНИЕ И ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКОЕ УСТРОЙСТВО КАЗАХСКОГО ХАНСТВА XVI—XVII вв.

Хозяйство казахов

Независимые друг от друга источники единодушно отмечают, что главным занятием казахов в XVI—XVII вв. было кочевое скотоводство [198, с. 94; 102; 120, с. 226—227; 77, с. 178, 185; 125, с. 265; 175, л. 146]. По наблюдению В. В. Бартольда, в собственно казахских поговорках часто сопоставляются слова *казак* в значении *кочевник* и *сарт* в значении *оседлый житель*, городской и сельский, на каком бы языке он ни говорил [24, с. 189]. Скот, главное богатство казахов, доставлял им продукты питания, материал для одежды и жилища, а также служил им транспортом. Он также им служил средством обмена на предметы первой необходимости с соседними народами. Кажется, нельзя с большей точностью указать на важность скота в жизни кочевников, чем это сделал Ч. Ч. Валиханов, который писал, что «кочевой степняк ест, и пьет, и одевается скотом, для него скот дороже своего спокойствия. Первое приветствие киргиз, как известно, начинается следующей фразой: здоров ли твой скот и твое семейство? Эта забота, с какой наперед семейства осведомляются о скоте, характеризует [быт кочевников] более, нежели целые страницы [описаний]» [56, с. 322].

Кочевой быт был сопряжен с большими трудностями и требовал огромных усилий для сохранения поголовья скота в условиях круглогодичного выпаса. Тем не менее казахи-кочевники были убеждены, что их жизнь лучше жизни горожан и земледельцев, запертых в тесном пространстве домов и кварталов, и это настроение прекрасно выражено у Ибн Рузбихана, который писал в 1509 г.: «В настоящее время они (казахи.— Т. С.) ничего не знают о радостной жизни, благоденствии и довольстве узбеков. Суровый и грубый образ жизни, который они ведут, они представляют себе основой спокойст-

вия и досуга, а узбеков считают поселившимися в тесных владениях и домах и не имеющими веса. Кроме своего полного недостатков образа жизни, они не признают ничего более благородного и приятного» [198, с. 102].

Казахи разводили в основном овец, лошадей и верблюдов; крупный рогатый скот занимал в хозяйстве казахов незначительное место, так как он не приспособлен к условиям круглогодичного выпаса и особенно к добыванию корма зимой из-под снега. «У них (казахов.— Т. С.),— писал османский автор XVI в. Сейфи-Челеби,— много баранов, лошадей и верблюдов» [175, л. 23а]. Посетивший в 1694-95 гг. ставку Тауке-хана Ф. Скибин отмечал, что у казахов «коней и овец много, а коров мало» [125, с. 265].

При этом ведущее место по хозяйственному значению у казахов занимали овцы. По словам Шейбани-хана, стада овец составляли главное богатство кочевников Дашт-и Кыпчака [198, с. 97]. Баранина и овечье молоко служили основной пищей казахов, а кожа и шерсть шли на изготовление одежды, обуви, посуды и многих других предметов. «Из кишок [овцы] делают тетиву для лука,— писал Ибн Рузбихан о казахах,— а из желудка ее делают обертку для наконечников стрел. Само мясо ее — жертвенное, [его] сушат несколько лет, а головой ее угощают родственников из [числа] казахов. Из шерсти ее шьют сначала [себе] рубашку, а под конец делают саван и заворачивают в него тело» [198, с. 103]. Из бараньего сала и золы пахучих трав казахи изготавливали мыло, которое имело черноватый цвет и свойство чисто выводить из белья всякого рода пятна. Овцы еще в XVIII в. составляли главный предмет меновой торговли казахов с соседями и, заменяя деньги, служили мерилom стоимости всех товаров [112, ч. 3, с. 188—189].

Степные овцы, по свидетельству очевидцев, отличались выносливостью, размерами и хорошими мясо-молочными качествами. Так, И. Барбаро об основных видах скота, разводимого даштскими кочевниками, писал: «Четвертый вид животных, которых разводит этот народ,— огромнейшие бараны на высоких ногах, с длинной шерстью и такими хвостами, что некоторые весят до двенадцати фунтов каждый. Я видел подобных баранов,

которые тащили за собой колесо, а к нему был привязан их хвост. Салом из этих хвостов [татары] заправляют свою пищу; оно служит им вместо масла и не застывает во рту» [22, с. 149]. Посетивший в середине XVI в. степные просторы Приаралья Л. Дженкинсон также отмечал, что тамошние бараны очень крупные, с большими курдюками, весом в 60—80 фунтов [77, с. 178]. В начале XIX в. Л. Левшин также отмечал особенность казахских овец — курдюк — и писал: «Целая овца иногда весит от 4 до 5 пудов и дает сала до 2 пудов. Они вообще так крепки, сильны и высоки, что 10- и 12-летние дети могут ездить на них для забавы верхом» [112, ч. 3, с. 118]. Разведение казахами именно курдючных овец, очевидно, связано с тем обстоятельством, что эта порода сравнительно хорошо переносит предвесенний недостаток в кормах [168, с. 5].

В хозяйстве казахов не менее важную роль играло коневодство. В этом отношении весьма примечательны слова, которые автор «Тарих-и Рашиди» вкладывает в уста казахского хана Касима: «Мы — жители степи; у нас нет ни редких, ни дорогих вещей, ни товаров, — говорил он хану моголов Султан Саиду, — главное наше богатство состоит в лошадях; мясо и кожа их служат нам лучшею пищею и одеждою, а приятнейший напиток для нас — молоко их и то, что из него готовится, в земле нашей нет ни садов, ни зданий; место наших развлечений — пастбища скота и табуны коней, и мы ходим к табунам любоваться зрелищем коней» [120, с. 226]. Степные лошади отличались большой выносливостью, неприхотливостью и сравнительно легко переносили суровые условия круглогодичной добычи подножного корма из-под снега или ледяной коры. По свидетельству И. Барбаро, даштские лошади «низкорослы, с большим брюхом и не едят овса» [22, с. 149]. Примерно такими же словами описывает лошадей казахов и А. Левшин: «Ростом они невелики, статуями редко красивы, шерстей бывают различных, но более светлых» [112, ч. 3, с. 191—192]. При этом, по его словам, в северной части казахской степи лошади крепче и многочисленнее, нежели в южной.

Чистопородные скакуны были, видимо, редкостью в степях. Об этом свидетельствуют следующие факты. И. Барбаро, рассказывая о «бесчисленном множестве

животных» в Дашт-и Кыпчаке, пишет: «Но вот что удивительно: страна эта не производит очень породистых лошадей» [22, с. 149]. В рассказе могольского хана о его поездке в ставку Касим-хана в 1513 г. говорится: «Когда мы приехали,— рассказывал он будущему автору „Тарих-и Рашиди“,— хан показал нам весь свой скот и лошадей и сказал: „у меня есть два коня, которые одни стоят всего табуна“. Их привели, и [Султан Саид-] хан неоднократно изволил рассказывать, что никогда в жизни не видел коней, подобных этим двум. Касим, когда привели лошадей, обратился к хану и сказал: „Люdiam степей без коня и жизнь не в жизнь; эти два коня для меня — самые надежные и достойные. Обоих подарить не могу; но так как вы гость дорогой, выберете себе любого, который вам по душе,— я буду доволен, только другого оставьте мне“. Касим-хан описал [достоинства] обоих коней. [Султан Саид-]хан взял себе одного. И этого коня звали Оглан-Торук» [120, с. 226]. По признанию Мухаммада Хайдара, и ему также никогда не приходилось видеть подобного коня.

Значительное место в хозяйстве казахов занимало верблюдоводство: верблюды были незаменимы при перекочевках и перевозках грузов. По свидетельству Ибн Рузбихана, эти животные, равно как и быки, использовались казаками для перевозки домов-кибиток, поставленных на колеса. Кроме того, с верблюдов снимали шерсть, а калорийный и вкусный напиток из верблюжьего молока ценился наравне с кумысом. Казахи, как и все кочевники Дашт-и Кыпчака [22, с. 149], разводили двугорбых верблюдов. «Однгорбых редко держат они потому,— писал А. Левшин,— что климат свой полагают для них слишком суровым, да и двугорбых в жестокие холода обшивают войлоками» [112, ч. 3, с. 189—190]. Больше всего их разводили в песчаных районах южной полосы Казахстана.

Наряду с овцеводством, коневодством и верблюдоводством казахи занимались также разведением крупного рогатого скота и коз. Но разведение этих животных имело наименьшее значение в хозяйстве казахов. По описанию А. Левшина, ростом казахские коровы низки, сложены не хорошо, но крепки и дают много молока. Быки еще крепче и широкогруды [112, ч. 3, с. 193].

Скот был частно-семейной собственностью, на что оп-

ределенно указывают как сообщения Ибн Рузбихана [198, с. 93, 94, 97, 98], так и положения «Жети Жаргы» — памятника права казахов XVII в., назначающие вознаграждение скотом за причиненный ущерб [112, ч. 3, с. 170—178]. По словам К. Маркса, «у пастушеских народов собственность на естественные продукты земли — на овец, например, — это одновременно и собственность на луга, по которым они передвигаются» [3, с. 24]. Действительно, право общинного пользования пастбищами принадлежало всем свободным членам кочевого общества [117, с. 87]. Однако это право могло быть в любое время отчуждено со стороны того, кто имел право распоряжаться пастбищами, водными источниками и т. п.

Общинное пользование территорией выпасов не нарушало обычаев потомственного владения пастбищами родов и племен, составлявших население улуса, и каждый улусный султан «со своим народом пребывал в какой-либо местности, старинном йурте», «располагаясь и занимая места» на территории ханства согласно Ясе Чингисхана [198, с. 94]. Правила перекочевков, выработанные многовековым опытом, основывались на учете травяного покрова в том или ином районе в соответствии с сезонами года. Вся территория выпасов делилась на четыре типа сезонных пастбищ: зимние (*қыстау*), весенние (*көктеу*), летние (*джайлау*) и осенние (*күзеу*).

Места для зимовок чаще всего выбирались возле рек. Это объясняется преимущественно тем, что на берегах находились густые заросли камыша и кустарника, служившие в суровую зимнюю пору кормом для скота и хорошо защищавшие его от снежных метелей и пурги, к тому же поставлявшие кочевникам топливо. Чем богаче пастбищами было побережье реки, тем большее число кочевников располагалось вдоль него и тем больше они оставались на берегах реки. По сведениям Ибн Рузбихана, некоторые реки пользовались особенной привязанностью кочевников. Такой рекой у казахов была Сырдарья, особенно богатые зимними пастбищами долины и степи ее среднего и нижнего течения. «Местом их (т. е. казахов. — Т. С.) зимовья является побережье реки Сейхун, которую называют рекой Сыр, — пишет он. Как мы объяснили выше, все окрестности Сейхуна покрыты зарослями най [тростника], который по-тюркски назы-

вается камыш, богаты кормами для скота и топливом... Когда казахи прибывают в места зимовья, то располагаются на протяжении реки Сейхун, и, может быть, длина берегов Сейхуна, на которых они оседают, превышает триста фарсахов» [198, с. 94]. Зимовки казахов в XVI в. располагались также и в Каракумах [89, с. 145].

Зимой казахи-кочевники размещались как можно более просторно, чтобы около каждой зимовки была достаточно обширная кормовая площадь для выпаса скота. Поэтому общение между улусами было сопряжено со многими трудностями. «Между стоянками и зимними их стойбищами иногда бывают далекие расстояния,— говорится в источнике.— Вследствие снегопада, льда и сильной стужи они совершенно не имеют никаких сведений и известий о положении друг друга» [198, с. 135]. Зима была не только трудным для хозяйства казахов временем года, но и в военном отношении самым опасным: насколько можно судить по сведениям источников, походы против кочевников обычно предпринимались именно зимой, когда улусы размещались, по выражению Ибн Рузбихана, «вразброс» [198, с. 135] и расстояние между зимними стойбищами составляло, «должно быть, дней пятнадцать пути» [198, с. 131].

Ранней весной казахи откочевывали на весенние пастбища. Здесь отошавший за зиму скот набирал вес, приносили приплод овцы, кобылицы и верблюдицы. А «в летние дни, когда наступает зной таммуза и время множества пожаров и сгорания, казахский народ занимает места по окраинам, по сторонам и рубежам степи»,— пишет Ибн Рузбихан [198, с. 93]. На летовках жили более сплоченно, чем зимой, и жизнь на джайлау была самым привольным временем.

С наступлением осени скотоводы уходили на осенние пастбища, которые в большинстве случаев совпадали с весенними. Здесь производилась осенняя стрижка овец; «тут бывают празднества; тут же по большей части производятся и баранты», коим способствуют темнота ночей и то обстоятельство, что лошади тогда в теле и способны выдерживать быстрые и большие перегоны [112, ч. 3, с. 24]. С осенних пастбищ кочевники обычно совершали и отдаленнейшие походы на соседей. С наступлением осенних холодов «казахи для зимовки направляются из степи на зимние стойбища» и, «ежеднев-

но кочуя... через два месяца прибывают на зимние стойбища»,— уточняет Ибн Рузбихан [198, с. 94]. Эти месяцы года считались трудными для организации крупных походов, «ибо жители степи,— по словам казахского хана Касима,— в это время должны подумать о зимовках, [сбор] и построение [большого] войска в это время неосуществимо» [120, с. 227].

Расстояния между зимовками и местами сезонной кочевки исчислялись сотнями километров и составляли путь длиною в несколько месяцев [198, с. 94]. Столь большая длина пути определяла и некоторые особенности быта казахов, заключавшиеся, в частности, в том, что это было передвижение на колесах целыми домами. О способе передвижения казахов в XVI в. Ибн Рузбихан писал, что, так как на пути следования казахов к зимовкам иногда не бывает достаточно воды для их огромных стад, они по необходимости пускаются в путь тогда, когда дороги покрываются снегом; их жилища построены в форме арб и поставлены на колеса, а верблюды и лошади перевозят их от стоянки к стоянке, вытягиваясь наподобие каравана; «если они идут непрерывно один за другим, то растягиваются на расстояние ста монгольских фарсахов, а промежуток между ними будет не более шага»; их арбы вполне пригодны для передвижения по степям и даже для того, чтобы пройти по снежному насту, в противном случае казахам угрожала бы опасность погибнуть от жажды и безводья [198, с. 94].

Отдельные сообщения источников говорят о том, что казахи занимались и земледелием. Но развитие земледелия в разных районах территории Казахского ханства XVI—XVII вв. было крайне неравномерно: в подавляющем большинстве районов земледельческое хозяйство по-прежнему оставалось слабо развитым или вовсе отсутствовало. Однако в некоторых районах оно имело важное хозяйственное значение, и это в первую очередь относится к тем районам территории казахских владетелей, где издавна существовали очаги земледельческой культуры, а именно в Семиречье и Южном Казахстане. В «Распросных речах» В. Кобякова сообщается о том, что в районе г. Туркестана, где располагалась ставка казахского хана, «хлеб родитца многое число, пшеница, и ячмень и проса, а хлебы сеют озимые и еровые» [81,

с. 390]. Но оседлым земледелием в этих районах занимались люди, издавна освоившие сельскохозяйственное хозяйство. Что касается собственно казахов, кочевавших на этой территории, то они, по словам русского посла Ф. Скибина, «все живут для пашенных земель по кочевьям, а пахоти де их скудны, коней и овец много, а коров мало; кормятся мясом и молоком» [125, с. 265]. «А хлеб де у них стоялых нет,—дополняет В. Кобылков,—и держут у себя, только чем бы было пропитатца год» [81, с. 390]. В другом месте сообщается о том, что казахи совместно с каракалпаками «пашут пашню» в долинах Сырдарьи [125, с. 266].

Казахи в основном выращивали просо (тары). О традиционности этой культуры в хозяйстве кочевников Дашт-и Кыпчака свидетельствуют следующие сообщения источников. Ал-Омари, отметив, что большая часть подданных золотоордынского хана — «обитатели шатров, живущие в степях», писал: «Посевов у них мало, и меньше всего пшеницы и ячменя, бобов же почти нельзя отыскать. Чаще всего встречаются у них посевы проса; им они питаются» [191, т. 1, с. 230]. О посевах проса пишет и И. Барбаро [22, с. 150]. При этом он отмечает, что когда даштский кочевник собирается в долгую дорогу, он берет с собой «небольшой мешок из шкуры козленка», наполненный просеянной мукой из проса, размятой в тесто с небольшим количеством меда. Запасы этой еды позволяли как отдельным наездникам, так и сторожевым отрядам удаляться от «своих людей на расстояние добрых десяти, шестнадцати, а то и двадцати дней пути» [22, с. 142]. По словам А. Левшина, побывавшего в казахских степях, «зерно проса, по собственным их (казахов.—Т. С.) уверениям, при хорошем урожае дает им от 50 до 60 зерн» [112, ч. 3, с. 200].

В науке считается установленным, что переход кочевников к земледелию совершается везде под давлением экономической необходимости и что к оседлости переходили прежде всего бедняки, не имевшие возможности кочевать. Для обозначения оседлых, лишившихся своих стад скотоводов в источниках употребляется тюркское слово *джатак* (букв. *лежащий*) или *отурак* (букв. *сидящий*) [24, с. 173]. Характерно при этом, что обедневшие казахи-кочевники при первой же возможности обзавестись необходимым количеством скота легко ос-

тавляли вынужденное «землепашество» и охотно принимались за привычное им скотоводство. Возможность кочевать всегда считалась у кочевников признаком благополучия, и это сугубо степное представление о богатстве замечательно просто выражено устами кочевника-казаха, сказавшего в беседе с представителем науки: «Мама-аке имеет столько скота, что может и кочевать» [27, с. 295].

Необъятные просторы Дашт-и Кыпчака с разнообразным животным миром давали кочевникам большие возможности для индивидуальной и коллективной охоты. Хорошо знавшие эту страну средневековые авторы отмечают, что даштские кочевники «прекрасно умеют охотиться, употребляя преимущественно луки» [22, с. 142]. Об этом же пишет и Ибн Рузбихан в разделе «Описание отрады страны Туркестан в весенние дни»: «Все пустынные степи той многоблагословенной страны полны дичи. Сайгаки от изобилия луговых пастбищ в той степи, подобно жирным коровам, не в силах бегать, и охотник в той области, преследуя дичь, никогда не погонял коня старания. От многих надежных людей, которые были вестниками, заслуживающими доверия, пошел слух в тех местах, что в той области бывает, когда у кого-либо в доме уважаемый гость делается кунаком и хозяин дома по отношению к нему исполняет правила соблюдения гостеприимства и угощения, что является обычаем жителей Туркестана, то, если возникла нужда в мясе, хозяин тотчас же, закинув за плечо могучий лук с несколькими стрелами, выходил на охоту, чтобы приготовить ужин для гостя. Он отправлялся в степь и сразу же искусным большим пальцем делал жирного кулана мишенью своей охотничьей стрелы. Из жира и мяса его достойным образом приготовив дозволенную пищу для угощения гостя, он с обильной дичью возвращался домой» [198, с. 75]. Там же говорится о пасущихся на степных пастбищах стадах джейранов, на которых охотились кочевники.

Существовало несколько видов охоты: с ловчими птицами, охота с борзыми собаками, охота загонной охоты и т. п. Из охотничьих птиц использовались ястребы, беркуты, кречеты, соколы и др. По словам И. Барбаро, «кречетов они носят на кулаке одной руки, а в другой держат посошок; когда устанут, потому что ведь [эти

птицы] вдвое больше орлов, они подставляют посошок под руку» [22, с. 148]. Охота с ловчими птицами широко практиковалась в Казахстане вплоть до начала XX в. Описание охоты казахов загонном на сайгаков мы находим у А. Левшина. На местах водопоя сайгаков охотники устраивали полукруглую изгородь из камыша, втыкая камышины так, что часть их была направлена острием внутрь изгороди. Охотники прятались в засаду. Как только сайгаки приходили на водопой, их пугали. Животные бросались в оставленный со стороны водопоя в изгороди проход и, пытаясь перескочить ограду, натыкались на заостренные камышины. Раненых сайгаков добивали ножами [112, ч. 3, с. 207].

У кочевников Дашт-и Кыпчака охота не составляла, однако, самостоятельного занятия, а была лишь подспорьем скотоводству, хотя в натуральном хозяйстве степняков она имела, видимо, немалое значение. По наблюдениям путешественников, у кочевников Дашт-и Кыпчака «всегда бывает дичина; особенно же олени» [22, с. 147]. Путешествовавший в XVIII в. П. Паллас также отмечает, что у обитателей Прикаспийских и Приаральских степей недостатка в мясе не бывает, «ибо они ходят на охоту, также убивают поврежденной или охремелой скот, и потому довольно имеют мяса. Собственный скот без нужды убивать, включая токмо пиршество, почитается за необыкновенное дело» [154, с. 471].

Рыболовство среди казахских племен имело наименьшее распространение. Проехавший в 90-х годах XVII в. по всей территории Казахского ханства В. Кобяков рассказывал: «А рыбы де в реке Сыру премногое число, и обыкности де у них такой нет, чтоб рыбу есть и ловить, и промыслов таких нет» [81, с. 390]. Слабое распространение рыболовства в Казахстане отмечал в начале XIX в. и А. Левшин [112, ч. 3, с. 209].

Значительное место в хозяйстве казахов занимали различные ремесла и домашние промыслы, большинство из которых было связано с обработкой продуктов скотоводства. Казахи издавна умели выделывать кожу и войлок и окрашивать их в разные цвета, искусно владели они техникой тиснения, аппликации и узорного шитья. По свидетельству Ибн Рузбихана, казахи «производили разноцветные войлоки с необыкновенными узорами

и нарезанные ремни, очень красивые и изящные» [198, с. 128]. То, что домашнее ремесло казахов XVI в., как, например, выделка кожи, стояло на высокой ступени развития, подтверждают, в частности, данные Сейфи-Челеби. «Их кафтаны,— писал он о казахах,— сделаны из овечьей кожи, они окрашиваются в разные цвета и становятся похожими на атлас. Их привозят в Бухару, где продают по той же цене, что и кафтаны из атласа, настолько они изящны и красивы. У них есть также удивительные накидки, сделанные из той же овечьей кожи. Они совершенно непромокаемы и не боятся сырости» [175, л. 23аб]. Здесь же Сейфи-Челеби указывает на своеобразную технологию обработки кожи. По его словам, для обработки кожи казахи использовали «некие растущие там травы», которые и придавали продуктам их домашнего ремесла столь удивлявшие этого автора свойства.

Широко применялись в быту казахов деревянные изделия: обработка дерева была одним из наиболее развитых в казахских степях ремесел. Для работы по дереву обычно использовали березу, из которой несложным инструментом вытачивали самые разнообразные изделия. «Из березового дерева [казахи] весьма искусно делали очень прочные и крепкие стрелы и тахты с украшениями»,— говорится в источнике [198, с. 128]. Береза также шла на изготовление арб. «Большая часть деревьев этой страны — березы,— пишет Ибн Рузбихан о Восточном Дашт-и Кыпчаке,— вследствие твердости которых из их [древесины] делают очень искусно хорошие арбы и справляют колеса, крайне прочные и крепкие» [198, с. 93]. Изготовлением арб казахские мастера занимались еще и в XIX в. Арбы изготовлялись в апреле и мае, когда дерево легко гнется. Сама же постройка производилась летом. В течение сезона мастер мог собрать и изготовить до 20 арб. Арбы покупались по преимуществу караванами, отправлявшимися в степь. Основным центром производства арб был богатый лесом Кокчетавский округ [69, с. 255].

Прочные и крепкие арбы имели по меньшей мере двойное назначение: на них помещалось само жилище степняков — «шатры», которые в сочинении Шараф ад-Дина Али Йезди названы тюркским словом *кутарме* [191, т. 2, с. 172—173], а при обороне кочевники обра-

зовывали укрепление, окружив свой лагерь поставленными в ряд арбами [35, с. 193; 120, с. 24, 499].

Описание этих «домов-повозок» казахов XVI в. содержится в сочинении Ибн Рузбихана. «Ах, какие шатры! — восклицает он. — Замки, воздвигнутые высоко, дома, построенные из дерева в воздушном пространстве» [198, с. 128]. Остов таких «домов-повозок» был сделан обычно из березы, сами стенки из камыша, сверху дом покрывался войлоком [77, с. 175]. Спереди и сзади этих «подвижных домов» делали оконца; окошечки зашторивались «войлочными занавесками, очень красивыми и искусными». Величина и обстановка «домов-повозок» отражали знатность и богатство хозяев. «Дома-повозки», принадлежавшие казахским султанам и знати, были искусно и красиво обставлены и могли вместить одновременно человек двадцать или более. Такой большой шатер привязывали на повозке, в повозку впрягали несколько верблюдов и везли. «Дома-повозки» простых казахов «делали продолговатой формы». Они также были сделаны с подлинным мастерством, но отличались значительно меньшими размерами, их вез один, иногда несколько верблюдов. Эти подвижные, «стоящие на высоком основании» дома были до того превосходны, что «разум поражается и кружится голова от красоты, мастерства и изящества» [134, с. 222—223; 198, с. 128—129].

Казахи сами изготовляли основные предметы вооружения. Наиболее распространенным оружием в XVI—XVII вв. были сабли, копье, лук и стрелы. Огнестрельное оружие было распространено мало. «А большого ружья, пушек и иных в городках у Казачьи Орды нет и мелкого ружья малое число», — сообщал в 1696 г. В. Кобяков [81, с. 389]. Стрелы казахи делали из березового дерева [198, с. 128], тетиву для лука — из кишок овцы, а «из желудка ее делали обертку для наконечников стрел» [198, с. 103]. Казахи умели делать «доброй порох», а также плавить свинцовую и медную руду, которую добывали в районе Улу-Тау [81, с. 389].

Рассмотренный историко-этнографический материал позволяет утверждать, что исторически сложившимся главным занятием казахов XVI—XVII вв. было скотоводство, основными видами скота, разводимого казахами были овцы, лошади и верблюды. Составом стада, со-

циальными и природными условиями определялись как экстенсивный характер скотоводства, так и кочевой образ жизни основной части казахского общества. Но хозяйство казахов не было однородным. Скотоводство имело, по существу, комплексный характер и в ряде областей ханства сочеталось с земледелием. При этом «землепашеством» занимались преимущественно беднейшие казахи, лишившиеся скота. Отдельные виды домашнего ремесла казахов были высоко развиты, но, видимо, не обособляясь в самостоятельную отрасль, являлись дополнением к скотоводству и отчасти к земледельческим занятиям.

«Семь установлений» — памятник права казахов XVII в.

К. Маркс писал, что «каждая форма производства порождает свойственные ей правовые отношения, формы правления и т. д.» [1, с. 714]. Действительно, для изучения общественного строя любого общества первостепенное значение имеют законодательные памятники, фиксирующие сложившиеся в обществе отношения. Возникнув на определенной ступени общественного развития, они выражают конкретные общественно-экономические и правовые отношения и несут на себе отпечаток своего времени.

В истории казахского права ханского периода известен только один законодательный памятник — «Жети Жаргы» («Семь установлений»). В научной литературе этот памятник именуется также «Уложением» хана Тауке и «Законами» хана Тауке.

«Жети Жаргы» дошел до нас лишь в поздних записях русских ученых и известен в двух редакциях, отличающихся вариациями текста и неодинаковым количеством и порядком статей. Одиннадцать фрагментов этого «Уложения», записанные в 1804 г. со слов «старшины яппасского рода» Кубека Шукуралиева, были опубликованы в 1820 г. Г. Спасским на страницах издаваемого им «Сибирского вестника» [184, с. 185—188]. Текст второй редакции «Жети Жаргы» приводится в сочинении известного знатока истории и быта казахов А. Левшина [112, ч. 3, с. 170—178]. Между тем и наи-

более полная (34 фрагмента «Уложения») запись А. Левшина¹ не представляет «Жети Жаргы» в первоначальном его виде. Он записал «Уложение» хана Тауке спустя более ста лет после его составления, что, конечно, не могло не отразиться на точности его передачи. У самих казахов «Жети Жаргы» не было записано. При устной передаче от поколения к поколению «Уложение» претерпевало определенные изменения.

История изучения этого памятника имеет давнюю традицию: некоторые соображения о времени составления и общем характере «Уложения» были высказаны уже Г. Спасским и А. Левшиным. В дальнейшем к «Жети Жаргы» обращались (исключительно по записи А. Левшина) многие исследователи правовых обычаев и истории казахов [113, с. 243—248; 73, с. 24; 106, с. 19—22; 75, с. 154—158; 78, с. 3—8; 181, с. 42—63; 68, с. 116—119; 14, с. 115—129; 95, с. 489—490]. Из работ последних лет, специально посвященных этому памятнику, здесь можно отметить статьи арабиста Н. Усерова, написанные в соавторстве с С. Зимановым [87, с. 65—70; 88, с. 57—60].

В настоящем разделе мы изложим некоторые замечания о времени и причинах составления «Жети Жаргы» и рассмотрим статьи этого памятника права.

Мы не располагаем точными сведениями о том, кто был автором (авторами) «Уложения» или инициатором (инициаторами) его составления. Со ссылкой на предания творцом «Жети Жаргы» принято называть хана Тауке (ум. ок. 1718 г.). Он будто бы собрал для совета трех биев — Тюля-бия из Улу жуза, Казбек-бия из Орта жуза, Айтек-бия из Киши жуза — и, обсудив с ними «случавшиеся между киргизами частые ссоры», составил и утвердил некоторые законоположения [184, с. 185—186]. Согласно другому преданию, Тауке-хан собрал в урочище Куль-Тобе (Сырдарьинская область) семь биев и «эти бии соединили старые обычаи ханов Касыма и Ишима» в новые обычаи, называемые «Жети Жаргы» [73, с. 24; 181, с. 43].

¹ Текст «Жети Жаргы» ни в публикации Г. Спасского, ни в публикации А. Левшина не имеет деления на статьи. Впервые деление первой редакции на 11, а второй — на 34 статьи предложил, кажется, Ф. И. Леонтович [113, с. 244—245]. Такое деление считается общепринятым и нередко встречается в научной литературе [75, с. 154].

Упоминание здесь имен ханов Тауке, Касима и Ишима в действительности не лишено, видимо, основания. Инициатива составления «Жети Жаргы», несомненно, должна была исходить от Тауке, время правления которого приходится на один из самых трудных периодов истории казахского народа, ставивший ханство перед необходимостью выработки новых норм, способных заменить часто нарушаемый обычай законом, уложенным в твердые рамки, в обязательные для всех членов общества правила. С другой стороны, «Жети Жаргы» как правовой памятник, очевидно, нельзя признать новоизобретением времени Тауке: в этом «Уложении», разумеется, нашли свое отражение и традиционные нормы обычного права, бытовавшие в степи в более раннюю эпоху. Вместе с тем можно предполагать, что и прежде наряду с освященными временем обычаями племен действовали в Казахском ханстве неписанные законоположения и постановления других ханов, авторами которых могли быть и Касим и Ишим, что и отразилось, видимо, в народной памяти [73, с. 24—26].

Трудно сказать что-либо определенное и конкретное об источниках «Уложения» хана Тауке. Одни авторы, утверждая, что у казахов «до позднейшего времени сохранились во всей чистоте правовые обычаи и порядки, при каких они жили еще в эпоху монгольской зависимости», настаивают на том, что «Жети Жаргы» — результат заимствования «порядков, развитые великой ясой Чингиса» [113, с. 244—245; 75, с. 154]. Однако содержание текста Ясы Чингисхана не было известно не только казахам, но, видимо, даже и самим монголам XVII в. [72, с. 10]. Другие авторы высказывают прямо противоположное мнение — о полной независимости «Жети Жаргы» от Ясы. Но поскольку Яса представляла собой не что иное, как фиксацию обычного права [43, с. 89; 51, с. 22—39; 63; 171], а оно в XIII и XVII вв. в условиях кочевого общества имело, несомненно, много общего [74, с. 389], то, естественно, традиционные нормы народного обычая, вошедшие в свое время в состав Ясы Чингисхана и не потерявшие смысл в условиях казахского общества времен Тауке, были приняты составителями «Жети Жаргы» как соответствующее требованиям их времени.

Таким образом, в качестве источников «Жети Жар-

гы» следует признавать скорее всего не древние письменные тексты, но старый, всем знакомый и всеми признаваемый обычай устного права, служивший основой и для Ясы, а также неписанные узаконения других казахских ханов, предшественников Тауке. Вместе с тем в «Жети Жаргы» вошли постановления, вызванные потребностями военно-политической и социальной жизни казахского общества XVII в.

В научной литературе нет единого мнения о времени составления «Жети Жаргы»: без особой аргументации одни авторы относили его ко второй половине XVII в. [75, с. 154—155; 193, с. 344], другие — началу XVIII в. [96, с. 176; 126, 3]. Наиболее приемлемым нам кажется первое мнение, высказанное еще Г. Спасским. Можно даже утверждать, что создание «Жети Жаргы» имело место в 70-х годах XVII в. и явилось ответным действием Тауке-хана и его окружения на законодательную инициативу ойратского Галдан-хунтайджи.

Как известно, переход в конце XVI в. в руки казахов Ташкента и г. Туркестана и стремление Аштарханидов вытеснить казахских владетелей из этих городов, с одной стороны, и близкое соседство иноплеменного врага в лице джунгарских тайшей — с другой, поставили Казахское ханство в XVII в. в положение, которое делало его похожим на осажденный лагерь. Если при этом войны с Аштарханидами велись прежде всего за господство над городами и шли с переменным успехом, то на юго-востоке продолжалась изнурительная война с сильным противником из-за обладания кочевьями. В этой войне, принимавшей все более ожесточенный характер по мере распространения экспансии джунгарских феодалов на казахские земли, казахские владетели все чаще терпели неудачи, а отдельные успехи даже в крупных сражениях не могли существенно повлиять на общие результаты, следствием чего стала потеря казахами значительной части своих кочевий. Это вызывало, в свою очередь, внутренние неурядицы, и прежде всего борьбу за пастбища среди самих казахов. Возникавшие междоусобия должны были создавать предпосылки и условия для нарушения традиционного обычая, права и вести к подрыву норм общественной и государственной жизни. Это, в свою очередь, должно было вызвать противоположное стрем-

ление — стремление к законодательному урегулированию расшатавшихся общественных устоев, поскольку только так возможно было наиполнейшим образом мобилизовать все наличные силы для общей обороны от внешнего, более сильного врага — калмаков, война с которыми была неизбежной.

Разумеется, однако, что военно-политической ситуацией Казахского ханства в середине XVII в. не исчерпываются побуждения, вызвавшие появление «Жети Жаргы». При создании «Жети Жаргы», несомненно, важным и даже определившим сам его характер оказалось стремление приспособить существовавшие нормы обычного права к новым потребностям феодализирующегося казахского общества, узаконив при этом лишь те из них, которые соответствовали интересам феодальной знати, создать вместо устаревших и неудобных ей норм новые и выгодные ей нормы. Во всяком случае, такое заключение можно вывести из многих положений статей памятника.

Таким образом, в «Уложении» хана Тауке нашли свое юридическое выражение те жизненные условия и конфликты казахского общества того времени, те социальные и правовые нормы, посредством которых каждый индивид общества включался в общественную структуру ханства. Совокупность этих условий и конфликтов, норм и обычаев, зафиксированная в «Жети Жаргы», и известна нам по преданиям как законодательная инициатива Тауке и его ближайшего окружения.

Анализ «Уложения» хана Тауке затруднен следующими обстоятельствами. Во-первых, оно известно нам не целиком, а лишь в отрывочных записях-пересказах. Во-вторых, дошедшие до нас его тексты представляют собой результат языковой транспозиции: известные ныне варианты «Жети Жаргы» зафиксированы на русском языке, а не на языке авторов этого свода законов. Это имеет свои отрицательные стороны: социальная, правовая и иная терминология источника не отражает точно понятий, бытовавших в казахском обществе XVII в., и т. п.

Дошедший до нас текст «Жети Жаргы», несмотря на его фрагментарность, довольно разнообразен. Он содержит нормы административного, уголовного и гражданского права, а также положения о налогах, религии

и др., охватывая, таким образом, разные стороны жизни казахского общества.

Верховная власть, согласно «Жети Жаргы», сосредоточена в руках хана. Однако хан не был единственным носителем власти. Ему, верховному сюзерену, приходилось делить власть над ханством с султанами и биями, сосредоточивавшими в своих руках власть и над подвластными им жителями улусов и родовыми объединениями. Управление общегосударственными делами осуществлялось посредством совокупной деятельности составлявших господствующую группу феодалов. Так, одним из пунктов «Уложения» уточнялся порядок управления ханством султанами и родо-племенными старейшинами. Хан, султаны, и биы ежегодно собирались осенью в одно место, «в середине степи, для рассуждения о делах народных»². При этом все они должны были являться на «собрания народные» с оружием³. Это требование было настолько неукоснительным, что явившийся на курултай безоружным не имел права голоса и младшие в нарушение всех обычаев могли не уступать ему места (ст. 31).

В «Жети Жаргы» узаконивалось регулярное налогообложение боеспособной части населения казахских улусов в пользу хана и биев. Одна из статей «Уложения» гласит: «Чтобы всякий, могущий носить оружие, кроме султанов, платил хану и правителям народным в подать 20-ю часть своего имущества, ежегодно».

Все казахские племена, роды и поколения должны были иметь свою собственную тамгу. По записи А. Левшина, тамги эти тогда же и были розданы «с обязанностью накладывать их на весь скот и имущество для различения что кому принадлежит» (ст. 34).

Как и в других правовых памятниках эпохи средневековья, основное место в «Жети Жаргы» отводилось уголовно-правовым нормам. Согласно «Уложению», в перечень преступных действий включались: 1) убийство, 2) увечье, 3) изнасилование, 4) побои, 5) воровство,

² Здесь и далее ссылки на статьи «Жети Жаргы» в основном тексте даются по книге А. Левшина [112, ч. 3, с. 170—178], т. е. по второй редакции.

³ О регулярных осенних собраниях казахов XVIII в. см. у Аполловой [14, с. 121—122].

6) оскорбление; 7) несоблюдение правил сыновней почитательности, 8) прелюбодеяние, 9) кровосмешение.

Таким образом, в «Жети Жаргы» предусматривалась ответственность за преступления против личности, против имущественных отношений, за преступления против нравственности и семьи. Характерно отметить, что в статьях «Жети Жаргы» нет понятия «политические и должностные преступления», преступления против основных правил государственной жизни и общественной морали и т. п.

За свершение преступлений виновные подвергались различным видам наказаний. В «Жети Жаргы» сохранялся принцип талиона — «за кровь мстить кровью, за увечье таким же увечьем» (ст. 1). Впрочем, этот принцип ко времени создания «Уложения» потерял свою прежнюю непреложность. «Наказания могут быть смягчаемы по приговорам судей или согласию истцов, и тогда преступник наказывается только установленною за всякое преступление платою» (ст. 3). Возможность откупа, однако, предоставлялась не всегда, и в четырех случаях узаконивалась смертная казнь⁴: 1) если жена умертвит мужа и родственники не простят ее, 2) если «женщина умертвит от стыда младенца, незаконно прижитого», 3) если муж становится свидетелем акта прелюбодеяния своей жены, 4) если установлен факт богохульства (ст. 5, 6, 10, 14).

Смертная казнь была двух видов: удушение, побивание камнями (за богохульство). Отметим здесь, что в первой редакции «Жети Жаргы» содержится только одна статья, по которой разрешалась смертная казнь: «Воров за кражу верблюда или лошади, когда сделает сам признание или доказан будет четырью свидетелями, для страху другим убивали» [184, с. 187]. Смертная казнь, в частности, за прелюбодеяние и богохульство на практике, видимо, редко приводилась в исполнение, так как для вынесения приговора по таким делам требовались показания четырех свидетелей для обвинения в супружеской неверности и семь свидетелей

⁴ Яса Чингисхана, наоборот, как бы вся пропитана насквозь суровым духом, признававшим смертную казнь чуть ли не единственной мерою борьбы с преступностью, даже простою человеческою халатностью и неосторожностью, возводимыми Ясой в ранг преступления [51, с. 27—32]. В этом отношении даже Рашид ад-Дин признает Ясу Чингисхана «чрезвычайно строгим» [164, кн. 2, с. 259].

для обвинения в богохульстве⁵, что могло иметь место, конечно, только в редких случаях.

Самым распространенным видом наказания был *кун* (имущественное вознаграждение, возмещение). Уплатой куна даже убийца с согласия истцов мог сохранить себе жизнь. Размер куна, варьируемый в зависимости от социальной принадлежности преступника и потерпевшего (знатный — незнатный, чингизид — простолюдин и т. п.), свидетельствует о классовом характере «Жети Жаргы». Например, за каждого убитого мужчину (человека из простого звания) убийца платил его родственникам «1000 баранов»⁶, за женщину — 500, а за убийство султана или ходжи кун взимался как за семь взрослых мужчин (ст. 3, 4). Стоимость раба приравнялась к стоимости беркута или охотничьей собаки (ст. 21).

За членовредительство, побои и оскорбление словами также платили определенным числом скота: большой палец стоил 100 баранов, мизинец — 20 и т. д.⁷; обида, нанесенная словами султану или ходже, наказывалась в «9 скотин». За побои взыскивалось «27 скотин» (ст. 3, 4)⁸.

В «Жети Жаргы» зафиксировано правило на тот случай, когда следствием ушиба женщины являлось рождение мертвого ребенка: «Если женщина будет сбита с ног всадником и изувечена и от того родит мертвого младенца, то с виновного взыскивается плата по следующему расчету: за младенца до пяти месяцев — за каждый месяц по одной лошади; а за младенца от

⁵ Для приговора по делу о богохульстве, согласно фикху, требовались показания перед судом двух свидетелей-мусульман [157, с. 173].

⁶ В тексте первой редакции «Жети Жаргы»: «За убийство платили по 200 лошадей всем родом того виновника» [184, с. 186].

⁷ По ойратскому «Уложению»: «Кто лишит большого или указательного пальца, с того взять два девятка и пять (скотин); за лишение среднего пальца взять девяток, за лишение безымянного пальца взять пять (скотин), за мизинец взять три (скотины)» [72, с. 46].

⁸ По ойратскому «Уложению»: «Кто оскорбит главного князя, того разорить; кто оскорбит чиновных князей или табунангов, с того взять один девяток; кто ударит, с того взять пять девятков. Кто оскорбит малых князей или табунангов, с того взять пять (скотин), если, ударивши, сильно побьет, взять три девятка, за малые побои взять два девятка» [72, с. 39].

5 до 9 месяцев — за каждый месяц по одному верблюду» (ст. 8) ⁹.

При совершении воровства учитывалась стоимость похищенного, и похититель возвращал хозяину «трижды девять (27) раз украденное» ¹⁰. Если украли скот, то «виновный должен придать к верблюдам одного пленного (в тексте первой редакции: „одного слугу“ [184, с. 186].— Т. С.), к лошадям — одного верблюда, к овцам — одну лошадь. Сто верблюдов равняются 300 лошадям и 1000 овцам». При этом лошади и скот, побывавшие в чужих руках, взыскивались с приплодом, кроме скота, угнанного во время баранты ¹¹. Показательно, что распространенная на практике система материальной компенсации предусматривала поступление дохода от возмещения ущерба в пользу пострадавшего, а не в пользу государства ¹².

Кроме смертной казни и материальной компенсации в «Жети Жаргы» предусматривались еще три вида наказания: конфискация имущества, ostracism и предание публичному позору (ст. 5, 15, 17). Первый вид наказания применялся по отношению к людям, принявшим христианскую религию ¹³, второй — к беременным женщинам за убийство мужей; третий — за несоблюдение сыновнего пиетета (оскорбление или избивание родителей) ¹⁴. В последнем случае виновника сажали на черную корову лицом к хвосту, на шею навязывали старый

⁹ По ойратскому «Уложению»: «Кто будет причиною выкидыша дитяти, с того взять столько девяток, сколько месяцев была (выкидышу)» [72, с. 50].

¹⁰ Счет по девяткам встречается и в Ясе, и в ойратском «Уложении».

¹¹ О баранте (каз. *барымта*) см. у Гродекова [73, с. 170—171] и Мякутина [145, с. 30—36].

¹² Согласно повелению Галдан-хунтайджи, судьи должны были выделять определенную часть возмещения «на двор (князя)»; невыполнение этого повеления влекло за собой штраф в двукратном размере [72, с. 59].

¹³ Согласно фикху, вероотступник не только перестает быть членом мусульманской общины, он лишается всех гражданских прав: его брак расторгается, его рабы и рабыни освобождаются, имущество конфискуется в пользу государства. Самому вероотступнику грозит смертная казнь [157, с. 170—171].

¹⁴ Небезынтересно отметить, что за избивание отца или матери «Цааджин Бичик» предусматривал материальную компенсацию в размере три девятки голов скота [72, с. 41].

войлок; корову водили по аулам, при этом виновного стегали плетью¹⁵.

Совершение двух преступлений одновременно (например, воровство и убийство) влекло за собой простое суммирование наказаний, и виновник нес ответственность за два преступления (ст. 19).

Изнасилование приравнивалось к убийству. Но женьтиба на изнасилованной девушке и уплата за нее соответствующего калыма избавляли преступника как от смертной казни, так и от возмещения (ст. 9)¹⁶.

Согласно «Жети Жаргы», уголовная ответственность обычно распространялась лишь на непосредственного виновника. Вместе с тем сохранялся принцип коллективной ответственности родственной группы (ближайшие родственники, сородичи, свойственники и т. п.), и если, например, ответчик к суду не являлся или не мог заплатить положенного куна, то пени взыскивались с его родственников или с его «аула». В таком случае родичам и жителям аула предоставлялось право поступать с ответчиком по своему усмотрению (ст. 27).

Гражданские отношения не получили в «Жети Жаргы» достаточной разработки. Это объясняется, вероятно, не только и даже не столько фрагментарностью существующих текстов «Жети Жаргы», сколько тем обстоятельством, что многие отношения между согражданами регулировались господствовавшими в обществе нормами обычного права, и потому «Уложение» хана Тауке их касалось лишь отчасти.

Субъектом права признавались только свободные: раб не признавался юридическим лицом. «Жалоба раба на господина нигде не приемлется», — гласит ст. 16 «Уложения». За владельцем признавалось неограниченное право над жизнью принадлежащего ему раба¹⁷. Но личная свобода, которой обладала основная масса казахского общества, не всегда представляла собой юридическое полноправие, и в ряде случаев ущемлялись

¹⁵ Согласно установлениям шариата, судья мог в качестве «исправительного наказания» назначить провести виновное лицо с позором по улицам, посадив на осла задом наперед [157, с. 174].

¹⁶ Ойратским («Уложением») за изнасилование девушки узаконивался штраф в размере «двух девяток скота» [72, с. 49].

¹⁷ По ойратскому «Уложению»: «Кто убьет своего раба, с того взять пять девяток; кто убьет рабыню, с того взять три девятка» [72, с. 41].

права и свободных лиц, и это в первую очередь касалось женщин. Например, женщины, «равно как работники, слуги и рабы», не могли выступать на суде в качестве свидетелей (ст. 28). Полноправным юридическим лицом был только свободный, «могущий носить оружие» мужчина — хозяин дома, глава семьи. При этом права, которыми обладал или которых был лишен каждый свободный мужчина, устанавливались в прямой зависимости от его социального статуса в обществе.

В «Жети Жаргы» вошли также некоторые установления шариата, в частности предусматривавшие меры защиты ислама и определявшие наказания за богохульство и за переход в христианство.

В области семейно-брачных отношений утверждалось право родительской власти над жизнью детей, закреплялось неравноправное положение женщины в семье. «Родители за убийство детей своих ничем не наказываются», — гласил закон (ст. 6). Дети же, напротив, за всякое нарушение сыновней почтительности подвергались различным наказаниям: дочь — наказанию по произволу матери, сын — публичному позору (ст. 17). Жена и дети, знавшие о преступлении мужа или отца и не донесшие на него, не подвергались никакому наказанию, «ибо на старшего в семействе не позволено доносить» (ст. 20). Мужчина, похитивший чужую жену с ее согласия, мог ее оставить у себя, уплатив мужу калым и дав ему, кроме того, девушку без калыма; мужчине, похитившему чужую жену без ее согласия, грозила смертная казнь, которая, однако, откупалась уплатой куна (ст. 11)¹⁸.

В статье о наследственном праве «Жети Жаргы» подтверждались, по-видимому, нормы обычного права. После смерти отдельно проживавшего бездетного сына его имущество поступало к отцу. После смерти родителей малолетние дети отдавались в опеку ближайшим родственникам, а в случае их отсутствия — «посторонним надежным людям» (ст. 22).

¹⁸ По «Цааджин Бичик»: «Кто подговорит (с собою) к побегу жену знатного человека, того штрафовать девятью девятками с верблюдом во главе; кто подговорит (с собою) к побегу жену человека среднего сословия, с того взять пять девяток с верблюдом во главе; за жену человека низкого сословия взять три девятка с верблюдом во главе» [72, с. 56].

Одним из пунктов «Уложения» предусматривалось наследование по «духовному завещанию», которое делалось при родственниках и муллах, что можно, видимо, рассматривать как отклонение от обычного права (ст. 23).

Право творить суд признавалось только за ханом и биями-родоначальниками: «Разбирать ссоры и произносить приговор над виновным должен если не сам хан, то правители или старейшины тех аулов, к которым принадлежит истец и ответчик, приглашая к разбирательству еще и избранных обеими сторонами двух посредников» (ст. 25). Судьям и посредникам за решение дела в качестве судебной пошлины (*бийлик*) полагалось отдавать десятую часть возмещения (ст. 29). Для обвинения по подозрению в преступлении без очевидных улик требовалось от двух до семи свидетелей (например, четыре — для обвинения женщины в супружеской неверности; семь — для обвинения в богохульстве и т. п.). При отсутствии свидетелей требовалась присяга¹⁹, но давать ее ни истец, ни ответчик сами за себя не могли, и за них должны были присягать люди, известные своей честностью (ст. 28). При этом за обвиняемым сохранялось право (если он имел «подозрение на судей») просить замены судейского состава (ст. 26).

Исполнение судебного приговора характеризовалось следующей особенностью: роль исполнительной власти играла сама выигравшая тяжбу сторона. Способ этот, порожденный отсутствием исполнительных органов власти и применявшийся как один из распространенных методов принуждения виновного и его сородичей к выполнению судебного приговора, приводил на деле к тому, что баранта (насилованный угон скота), нередко оканчивавшаяся кровавым побоищем, рассматривалась в «Жети Жаргы» не как самоуправное деяние, но как правомерное явление жизни казахского общества того времени. «Если осужденный не исполняет приговора суда или начальник аула умышленно уклоняется от разбирательства дела и тем покровительствует преступнику, то истец получает право с позволения своего старейшины произвести баранту, т. е. с родственниками

¹⁹ О церемонии присяги см. у Добросмыслова [78, с. 6; 119, с. 170—171].

или ближайшими своими соседями ехать в аул ответчика и тайно отогнать к себе скот его; но, возвратясь домой, должен объявить о том своему начальнику, который наблюдает, чтобы количество возмездия соразмерно было иску» (ст. 30).

В тех случаях, когда дело касалось семейных конфликтов, правами на наказание по своему произволу в порядке осуществления норм обычного права пользовались, как уже отмечалось, отдельные лица: хозяин — в отношении раба, мать — в отношении дочери, муж — в отношении жены. Наказание за кровосмешение назначалось по приговору семейства, «ибо преступления сего рода не передаются на рассмотрение сторонним людям» (ст. 13).

Характер расследований преступлений и судебных процессов в «Жети Жаргы» не отражен вовсе. О том, что судебный процесс носил публичный характер, можно судить по сведениям других источников.

Таково основное содержание дошедших до нас текстов «Жети Жаргы». Как видно из его состава, основная направленность «Уложения» Тауке — соблюдение привилегий казахской феодальной верхушки, защита собственности и господствовавших в патриархальной семье порядков, поддержка мусульманской религии. Судя по тому, что в составлении (или принятии) «Жети Жаргы» участвовали представители всех трех казахских жузов, можно заключить, что зафиксированная в нем совокупность правовых норм территориально действовала не только в отдельных жузах, но и в пределах всего Казахского ханства.

Сопоставление записей «Жети Жаргы» с текстом «Цааджин Бичик» обнаруживает много общего между ними. Однако «Уложение» хана Тауке отнюдь не подражание ойратскому «Уложению» 1640 г. Общее между этими двумя «Уложениями» объясняется сходными условиями хозяйственно-производительной деятельности казахов и ойратов (калмаков) XVII в.

Период действия «Жети Жаргы» нам в точности неизвестен. По мнению М. Красовского, повторенному рядом исследователей [78, с. 7], «Жети Жаргы» имело силу, «да и то условно-обязательную», только при жизни хана Тауке [105, с. 53]. Согласно другому мнению, «Уложение» хана Тауке сохраняло действительную силу и

при правлении Абулхайр-хана, т. е. до середины XVIII в. [184, с. 188—189]. Как считает Т. Культелеев, «Уложение» хана Тауке является памятником казахского обычного права, «главным образом действовавшим до начала XIX века» [110, с. 90]. По мнению Н. Усерова, «Жети Жаргы» оставался «основным актом правового регулирования общественно-политических отношений в казахском обществе в течение XVIII и XIX веков» [197, с. 3—4].

Между тем сама постановка вопроса о периоде действия «Жети Жаргы» не является вполне корректной. «Уложением» хана Тауке не регламентировались, разумеется, все обычно-правовые нормы, действовавшие среди казахского населения, и наряду с «Жети Жаргы» в практической жизни применялись и традиционное право, и новые правовые нормы, возникавшие исподволь, как следствие насущных потребностей времени. По нашему мнению, определение периода действия «Жети Жаргы» неразрывно связано с проблемой разделения этого традиционного, нового и того, что из действовавших в XVIII — начале XIX в. правовых норм, не зафиксированных в известных нам записях «Уложения» хана Тауке, безусловно принадлежит (могло принадлежать) «Жети Жаргы». Едва ли это можно осуществить, опираясь лишь на имеющиеся фрагментарные записи «Уложения» хана Тауке и не привлекая дополнительных данных историко-этнографического характера.

Общественно-политическое устройство казахского общества XVI—XVII вв.

Казахское общество XVI—XVII вв. представляло собой иерархически организованную социальную структуру сословных групп и прослоек, находившихся между собой в тесных и неоднозначных связях. Высшее сословие социальной иерархии составляли потомки Чингис-хана по мужской линии — Чингисиды. Ступенью ниже стояла родо-племенная знать, не принадлежавшая к роду Чингисидов. Самую нижнюю ступень общественной лестницы занимали простолюдины — кочевники-скотоводы, объединенные в родовые общины. Особую группу составляли рабы. Ниже мы попытаемся дать общую

характеристику общественно-политического устройства Казахского ханства XVI—XVII вв. и вместе с тем описание отдельных социальных групп общества в той степени, в какой это позволяют имеющиеся материалы.

Одной из форм организации казахского общества являлся улус. Улус представлял собой основную форму административно-политической организации казахов-кочевников XVI в. В пределах улуса были представлены все социальные группы и категории, начиная с Чингисидов и кончая рабами. Первичную социальную ячейку улуса составляла семья-кибитка (в источнике: *ханевар*), куда кроме членов семьи входили также слуги и рабы [134, с. 239]. Некоторое число семей-кибиток составляло колено (в источнике: *фирке*), а некоторое число колен — род или племя (в источнике: *таифе*), объединение которых и составляло население улуса [134, с. 210]. Для обозначения людей всего улуса обычно применялся тюркский термин *эль* (*иль*, *ил*)²⁰. Эль составлял основу улуса: уход, потеря людей означали развал, гибель улуса (см. [44, с. 49]).

Улус имел свою территорию, которая называлась тюркским словом *йурт*. Как свидетельствуют источники, территории улусов были относительно стабильны и, видимо, хорошо известны даже за пределами собственно Казахского ханства. Так, например, по сообщению Ибн Рузбихана, в 913 г. х. (1507-08) Ахмад-султан, сын Джаниш-султана казаха, совершив нападение на области Мавераннахра и захватив в полон мусульман, вернулся обратно через Бухарскую степь. Переправившись через Сырдарью напротив крепости Узгенд, он прибыл «в йурт Джаниш-султана, который находился по соседству с йуртами казахов в области Туркестана» [198, с. 110—111]. Через год, когда Шейбани-хан выступил походом на казахов, он также переправился через Сырдарью около крепости Узгенд и через несколько дней движения прибыл в йурт Джаниш-султана [198, с. 81, 119].

Каждый улус насчитывал в своем составе в среднем около 10 тысяч семей-кибиток. «Это был третий раз,— пишет Ибн Рузбихан, описывая поход Шейбани-хана,—

²⁰ О разных значениях термина *эль* см. у Пищулиной [159, с. 59—60, 190—191].

как ограбили казахский улус, и каждый раз похищали около десяти тысяч кибиток со скарбом, выючными животными и овцами, попадавшими в руки победоносных воинов» [134, с. 245]. Исходя из принимаемого нами среднего расчета 6 человек на семью-кибитку, численность населения одного казахского улуса XVI в. можно приблизительно определить в 60 тысяч.

В Казахском ханстве XVI—XVII вв. продолжали жить традиции монгольской империи, и право на правление улусами признавалось только за потомками Чингисхана. «В каждом известном улусе,— писал Ибн Рубихан,— есть [свой] полновластный султан из потомков Чингиз-хана, который со своим народом пребывает в какой-либо местности, старинном йурте. [Султаны] сидят там до сих пор еще со времени Иуджи-хана и Шибан-хана и пользуются пастбищами» [198, с. 94]. Из этого сообщения можно заключить, что в содержание понятия *улус* кроме названных двух элементов — *эль* и *йурт* — входил еще третий — власть, стоящая над народом-элем, *власть, действовавшая на всем пространстве йурта*. Носителями этой власти были потомки Чингисхана по мужской линии, которые назывались султанами.

Таким образом, улус казахов XVI в. представлял собой сложившееся в условиях кочевого быта автономное административное образование: наличие определенных йуртов придавало улусу территориально-географическую стабильность, «полновластие» султанов сообщало ему политическое содержание, а размещенные в одной определенной местности роды и племена, составлявшие эль улуса, являлись объектом политической власти, субъектом социально-экономических отношений и вместе с тем составляли вооруженную охрану улуса. Поэтому кочевое население, обычно объединенное в улус, по наблюдению В. В. Бартольда, «может жить дольше всех без хана, а когда является хан, то его борьба за власть со своим собственным народом сопровождается иногда большим кровопролитием, чем последующие завоевания кочевников в культурных землях» [38, с. 471].

Однако в условиях, когда только сила обеспечивала безопасность эля и йурта от внешних врагов, самостоятельное существование в степи относительно немногочисленного по количеству населения политико-экономического образования было сопряжено с большими труд-

ностями или даже вообще было невозможно. Поэтому улусы, состоявшие приблизительно из 10 тысяч «домов-повозок», объединялись в более крупные. Принцип объединения был, видимо, основан на близкородственных связях султанов-правителей, и, например, улусы султанов одного семейства составляли улусное объединение, во главе которого стоял самый старший по возрасту. Султаны мелких улусов после смерти своих старших родственников переходили в более крупные [27, с. 268]. В дальнейшем крупнουλусных султанов в противоположность улусным и прочим султанам мы будем называть старшими султанами.

Улусное объединение не имело, видимо, своего особого названия, и оно определяется в источниках через имя улусного султана. Число воинов одного укрупненного улуса колебалось от 30 до 50 тысяч. Ибн Рузбихан, например, говоря о Джаниш-султани и Таниш-султани как о старших султанах, пишет, что «в улусе каждого [из них] более пятидесяти тысяч именитых казахов, из которых каждый является славным воином и достойным батыром» [198, с. 119]. В случае особой военной опасности такой улус мог выставить на своей территории до 100 тысяч вооруженных людей [198, с. 122]. В кочевом обществе воинская повинность была обязательна для всех способных нести ее свободных мужчин. Как видно из приведенных числовых данных, соотношение между свободными мужчинами, т. е. воинами, и боеспособной частью мужского населения, включая «слуг и подчиненных» [198, с. 122], составляло один к двум. Исходя из среднего расчета один воин на 6—8 жителей степи, численность населения одного укрупненного улуса можно определить приблизительно в 300—400 тысяч.

Выведенные здесь цифры не означают, конечно, что численность населения каждого укрупненного улуса непременно и постоянно составляла 300—400 тысяч человек и что он обязательноставлял, таким образом, 30—50 тысяч воинов. При исключительной подвижности кочевников и их склонности к откочевкам в случае недовольства правителем колебания в численности улуса могли достигать иногда значительных размеров. Обратимся к источникам. В «Тарих-и Рашиди», например, при определении численности большой группы откочевавших по меньшей мере дважды встречается число

200 тысяч. В первом сообщении речь идет о конце 60-х—начале 70-х годов XV в. и об основателях Казахского ханства Гирее и Джанибеке. После смерти Абулхайр-хана (1468 г.) Узбекский улус «пришел в расстройство», пишет Мухаммад Хайдар. При начавшихся неурядицах часть его населения откочевала к Гирей-хану и Джанибек-хану, в долину Чу и Козы-Баши, так что число собравшихся около них людей достигло 200 тысяч. «За ними утвердилось название узбек-казаки» [141, В 648, л. 436; 120, с. 195]. В другом месте этого же сочинения сообщается, что в 928 г. х. (1521—22) Султан Саид-хан отправил своего сына Рашид-султана в Моголистан и подчинил весь Моголистан и киргизов. Но в конце концов обстоятельства обернулись таким образом, что в связи с военными успехами мангытов пребывание казахов в Приаральских степях стало невозможно и часть откочевавших казахов пришла в Моголистан. Их было 200 тысяч. Оказать им противодействие было невозможно, и Рашид-султан со своими людьми возвратился в Кашгар [141, В 648, л. 75а; 120, с. 214]. По свидетельству И. Барбаро, число отделившихся от Улуг-Мухаммада и прикочевавших во главе с Китчик-Мухаммадом к Дону кочевников Дашта «было триста тысяч душ во всей орде, когда она собрана воедино» [22, с. 148]. Видимо, во всех приведенных здесь случаях речь идет об укрупненном улусе.

Сведя произведенные расчеты, мы получаем следующие числовые данные. Приблизительно 10 тысяч семейкибиток, что составляло не менее 60 тысяч человек, образовывали улус; 5—7 таких улусов образовывали укрупненный улус, население которого могло достигать 400 тысяч или даже более. В XVI в. Казахское ханство включало в свой состав около 20 обычных, или 3 укрупненных, улуса. В начале XVI в. такими укрупненными улусами были улусы сыновей Джанибек-хана: Касим-султана, Джаниш-султана, Таниш-султана [198, с. 121, 132, 135 и др.].

Наши подсчеты не могут, разумеется, считаться совершенно точными, но поскольку они основаны на сведениях авторов, хорошо осведомленных о казахских улусах и даже посещавших их, то приблизительную численность населения улусов они все же отражают, тем более что эти цифры вполне согласуются с общей числен-

ностью населения Казахского ханства XVI в. в целом. Так, в сочинении Мухаммада Хайдара трижды говорится о том, что в первой четверти XVI в. «казахов был миллион человек» [141, В 648, л. 154а, 200а]. Примечательно, что, несмотря на ряд потрясений, пережитых казахами в 30—60-х годах XVI в., они не только сохранили свою численность, но, судя по сведениям Сейфи-Челеби, даже увеличились в числе. Так, в его хронике, написанной в 80-х годах XVI в., о казахах сообщается следующее: «По другую сторону Кашгарского вилайета расположилось племя (в тексте: *таифе*. — Т. С.), носящее название казахи. Они — кочевники, нет у них ни городов, ни селений. Число их составляет два раза по сто тысяч семейств (в тексте: *эв, ев*. — Т. С.)» [175, л. 146]. Исходя из принимаемого нами среднего расчета 6 человек на семью-кибитку, численность населения Казахского ханства второй половины XVI в. можно приблизительно определить в 1 млн. 200 тысяч человек (по подсчетам А. Левшина, численность казахов в начале XIX в. составляла «от 2 500 000 до 3 000 000 душ обоего пола» [112, ч. 3, с. 4].

Из произведенных подсчетов, в частности, видно, что число улусных и крупноулусных султанов могло достигать до 18—24 человек. Эти 18—24 султана, между которыми были поделены вся территория и все население ханства, составляли во главе с ханом правящую верхушку казахского общества. По возрастным данным представители правящей верхушки являлись людьми, как правило, старшего поколения. Это положение, само по себе вытекающее из действовавшего в системе управления порядка старшинства, подтверждается и материалами источников.

Приведем эти данные, характеризующие, между прочим, и продолжительность жизни титулованных особ того времени.

Так, старший султан, а затем хан Касим, возраст которого в 1513 г., по словам его современника Мухаммада Хайдара, «перевалил за шестьдесят лет и был близок к семидесяти» [120, с. 225], умер в 1518 г.²¹ Его сын Хакк-Назар-хан погиб (и то в результате интриги!) лишь в 1580 г. Буйдаш-хан, продолжительное время правивший частью казахских улусов, был убит во время набега на Маве-

²¹ Годы правления упоминаемых здесь ханов и ссылки на источники приведены в соответствующих местах «Материалов к хронологии и генеалогии казахских ханов», помещенных в настоящей книге.

раннахр в 967 г. х. (1559—60) вместе с двадцатью казахскими султанами. Казахский хан Шигай, по словам его современника Хафиз-и Таниша, умер, будучи уже очень пожилым человеком. Долгую жизнь прожил и сын престарелого Шигая Ишим-хан. По свидетельству Махмуда б. Вали, он умер в начале 1038 г. х. (1628). Долголетним было правление и Тауке-хана, который умер глубоким стариком около 1718 г. Мухаммад Хайдар, так описывал поездку Султан Саид-хана к Касим-хану: «Касим по преклонности лет своих заслуживал быть извиненным ханом за то, что сам не может выехать к нему на встречу. Всем же султанам своим, из которых несколькими было лет под пятьдесят и шестьдесят, как Джаниш-хан, Биниш-хан, Мамаш-хан, Джан-Хайдар-султан, Кариш-султан и многим другим, числом до тридцати-сорока султанов, из рода Джучи, приказал отправиться на встречу» [120, с. 225]. Примечательно, что некоторые из перечисленных Мухаммадом Хайдаром султанов упоминаются в источниках и при описании 20—30-х годов.

Мы, очевидно, никогда не сможем определить точно продолжительность жизни основного населения Казахского ханства в XVI—XVII вв.²² Она, надо полагать, сильно различалась в зависимости от социальных категорий, будучи меньшей для людей, занимавших нижнюю ступень общественной лестницы. Но какова бы ни была средняя продолжительность жизни в казахском обществе XVI—XVII вв., из приведенного материала ясно по крайней мере одно: правила этим обществом пожилые люди.

Улусная система являлась, видимо, не единственной формой организации казахского общества. Казахские племена были объединены в три группы, именуемые самими казахами *Улу жуз* (Большой, или Старший, жуз), *Орта жуз* (Средний, или Серединный, жуз) и *Киши жуз* (Малый, или Младший, жуз). В дореволюционной исторической литературе вместо *жуз* употреблялся в давние времена вошедший в русский язык термин *орда*.

Мы не имеем точных сведений о том, когда и как именно образовались жузы. Немногочисленные восточные источники о казахах единодушны в своем молчании, и попытки найти в них сведения о жузах пока не приносят положительных результатов. Что касается русских

²² Не обладая данными для этого периода, сошлемся здесь на свидетельство А. Левшина, относящееся к началу XIX в. Отмечая, что «близкий к природе образ жизни» делает кочевников «здоровыми, долговечными, сильными и крепкими к перенесению голода, жажды и стужи», он, между прочим, писал: «Киргизы (т. е. казахи. — Т. С.) часто достигают глубокой старости: 80-летние между ними не редки, иногда встречаются и столетние» [112, ч. 3, с. 35].

источников, то содержащиеся в них сведения лишь констатируют наличие жузов у казахов, не давая каких-либо объяснений их происхождения.

Первое упоминание одного из жузов зафиксировано в документе, датированном 1616 г. Мы имеем в виду «Распросные речи в посольском приказе служилых людей» Т. Петрова и Н. Куницына о поездке в Калмыцкую землю», где наряду с упоминанием о собственно киргизском объединении говорится о «Большой орде» казахов. «И будучи проведали,— читаем в этом документе,— что в Колматцкой земле ныне в подданстве и в их послушанье Казачья Большая орда да Киргизская орда, и тем обеим ордам колмаки сильны» [123, с. 53; 170, с. 49]. Естественно, что в названии *Казачья Большая орда* заложено, как справедливо отметил В. П. Юдин [120, с. 242—243], косвенное указание на существование и другого объединения, известного нам по более поздним документам как *Казачья Малая орда*.

При хане Тауке, согласно материалам А. Левшина, для управления тремя жузами «были избраны и подчинены ему три частных начальника»: в Улу жузе — Тюлябий, в Орта жузе — Казбек-бий, в Киши жузе — Айтек-бий [112, ч. 2, с. 64—65]. Эти же бии, согласно преданию, принимали участие в создании «Жети Жаргы» [184, с. 185—186].

То обстоятельство, что во главе казахских улусов стояли непременно султаны (XVI в.), а во главе жузов — бии (XVII в.), представляется нам небезынтересным. Не имеем ли мы здесь дело с двумя различными формами организации казахского общества? Если да, то следовало бы поставить вопрос о соотношении этих двух форм. К сожалению, ощущающийся ныне недостаток историко-этнографического материала, по времени относящегося к XVI—XVII вв., не позволяет осветить эту тему. Очень важен также вопрос о том, существовали ли в XVI—XVII вв. улусы и жузы одновременно друг с другом, или же одна из этих форм исторически предшествовала другой. Не обладая фактами, могущими безусловно доказать справедливость нашего вывода, мы тем не менее полагаем, что тут речь идет о последовательной смене одной формы организации казахского общества другой, а именно улусной системы жузами. Смена форм, причины которой нам неясны, исторически

могла произойти в течение второй половины XVI в. и была, видимо, закреплена на рубеже XVI—XVII вв., чему в значительной степени способствовал переход в этот период в руки казахских владельцев значительного числа туркестанских городов и крепостей. Во главе этих городов (их число было не менее 20), по сообщениям источников, стояли казахские султаны [81, с. 378, 389]. Султаны-градоправители XVII в. в таком случае соответствуют, видимо, улусным султанам XVI в. Очень показательным в этом отношении, что и жузы претерпели определенные изменения: к 20-м годам XVIII в. во всех трех жузах появились вместо биев свои ханы, родословная которых очень запутанна. С тех пор жузы превратились в самостоятельные ханства, которые, однако, не имели особых названий, и хан каждого жуза соответственно именовался ханом Улу жуза, ханом Орта жуза, ханом Кизи жуза.

Хан²³. Высшая власть в ханстве была сосредоточена в руках хана. По свидетельству Ибн Рузбихана, казахи «потомков Чингиз-хана называют султанами, а того, кто знатнее их всех, именуют ханом, то есть самым великим из государей и правителей их, которому они выказывают покорность» [198, с. 62]. Только султана можно было провозгласить ханом. Согласно обычаю преимущественное право на ханское достоинство имел старший в роде [210, с. 160; 187, с. 19; 150, с. 39], и, например, дядя, брат хана, считался старше своих племянников, сыновей хана:

Поскольку Суюндж-Ходжа — дядя Шейбана,
Разве не знаешь, что он выше хакана [198, с. 90].

Но этот обычай, существовавший у казахов и в более позднее время [112, ч. 2, с. 246], часто нарушался. В действительности верховная власть переходила от отца к сыну (см. с. 112 настоящей книги). Однако и этот порядок не всегда столь уж строго соблюдался. Благодаря отсутствию строго фиксированных законом правил о порядке престолонаследия частым явлением была борьба за верховную власть между несколькими султанами, и почти всякий раз после смерти хана в степи наступали смутные времена. Такими смутами в истории

²³ О титуле «хан» см. у Бартольда [46, с. 604] и Бертагаева [52].

Казахского ханства характеризовались периоды после смерти Касим-хана, Тахир-хана, Шигай-хана, Ишим-хана (см. с. 116 настоящей книги). Кроме того, нередко бывали случаи, когда еще при жизни царствующего хана ханский титул принимали также могущественнейшие из султанов. Поэтому у авторов, хорошо знавших положение в казахских улусах, можно встретить уточнение, что именно такой-то «сейчас является самым старшим из ханов и известнейшим из предводителей Дашта» [134, с. 153]²⁴. Иногда даже верховная власть в ханстве в нарушение генеалогической традиции и наследственного принципа переходила от старшей ветви правящей династии к представителям младшей ветви (см.: с. 115 настоящей книги).

При возведении на престол нового государя традиционно соблюдался древний обряд вознесения на войлоке: провозглашаемого ханом султана сажали на белый войлок, который должен был олицетворять чистоту его намерения, происхождения и богатства его рода, и наиболее влиятельные лица ханства из султанов и биев трижды приподнимали его за концы, провозглашая: «Хан! Хан! Хан!». Едва белый войлок с ханом касался степной травы, как он снова подхватывался подбегавшей толпой, которая вновь поднимала и опускала войлок на землю. Затем войлок, служивший как бы треном, разрывали на мелкие части, и всякий старался унести лоскуток как память того, что он был участником торжественного провозглашения хана. Этот обряд (тюрк. *хан кўтәрмәк* [103, с. 54, 95]; перс. *хан бар даштан* [210, с. 15 — текст]), начинавшийся торжественно и упорядоченно, завершался шумным пиршеством [174, с. 167—169; 213, с. 55; 62, с. 403—410; 112, ч. 3, с. 126—128].

Облеченный титулом хана султан «представлял собой вершину всей феодальной иерархии, верховного главу, без которого вассалы не могли обойтись и по отношению к которому они одновременно находились в состоянии непрерывного мятежа» [4, с. 410—411]. Власть хана определялась известными правами и была связана

²⁴ Отсутствие в источниках таких уточнений вызывает порою большие затруднения: не всегда легко решить, который из султанов, носивших приблизительно в одно и то же время титул хана, являлся фактическим правителем.

с исполнением ряда функций. Этих прав и функций хана было по меньшей мере пять. Ниже мы последовательно их и рассмотрим.

1. Хан как глава царствующего рода и верховный сюзерен всех казахских племен имел верховное право распоряжаться всей территорией ханства, всеми землями, принадлежавшими улусам, право, которое было следствием его основной функции и главной обязанности — вооруженная охрана страны от внешних врагов. У нас нет прямых свидетельств источников, где говорилось бы об осуществлении этого права казахскими ханами в XV—XVII вв. Наше суждение основано на двух сообщениях. Сообщение первое. Автор «Тарих-и Рашиди», повествуя о расколе в Узбекском улусе в 50-х годах XV в., пишет, что два царевича из рода Джучи-хана, Гирей и Джанибек (будущие основатели Казахского ханства), бежали от Абулхайр-хана в Могилистан. Могольский хан Исан-Буга, «возлагая на них большие надежды», отвел им округ Чу и Козы-баши, который составлял западные пределы его владений [141, В 648, л. 436; 120, с. 195]. Сообщение второе. В относящемся по времени ко второй половине XVI в. предании, сообщенном Т. А. Жданко, говорится, что 40 представителей каракалпакских родов обратились к казахскому хану Таваккулу (ум. в 1598 г.) с просьбой выделить для каракалпаков, не имеющих своих угодий, земли в урочище Улу-Тау. Хан исполнил просьбу, прислав, однако, им в правители своего сына. Через несколько лет каракалпаки убили казахского султана-правителя. Разгневанный Таваккул-хан отобрал у них дарованные земельные угодья, и они «разбрелись» в разные стороны [127, с. 105].

Естественно, что выделение «угодий» из уже распределенной между улусами территории ханства не могло быть осуществлено без отчуждения части владений улусных султанов, следовательно, без ограничения их земельных прав. А это мог сделать только верховный распорядитель всей земли, которым, как это видно из приведенных материалов, являлся хан.

2. Хану принадлежало право объявления войны и заключения мира, бывшее следствием его функции верховного руководителя войск. В источниках можно найти множество примеров, иллюстрирующих это право ха-

на [93, с. 854; 62, с. 374; 120, с. 31, 32], и здесь нет надобности останавливаться на этом. Более важным представляется нам выяснение в пределах возможного вопроса о степени военной мощи казахских ханов XVI в., которая, в частности, определяла их положение в ряду других государств. Независимые друг от друга источники показывают, что верховный повелитель казахов мог выставить в случае всеобщей мобилизации 300—400 тысяч человек. Так, по словам Ибн Рузбихана, когда старший хан казахов, Бурундук, «во все стороны улуса казахов посылал [приказ]: „Садитесь на коней для набега“, то в тот же час являлись четыреста тысяч колчанов богатырей» [198, с. 92—93]. По свидетельству другого автора, в армии преемника Бурундука, Касим-хана, современники «насчитывали около трехсот тысяч человек» [21, с. 22]. Из этих двух цифр более реальной представляется нам цифра, приводимая Бабуром: поскольку один укрупненный улус мог собрать на своей территории до 100 тыс. вооруженных людей, то три таких улуса в случае особой военной опасности для страны могли теоретически выставить «около трехсот тысяч человек». Здесь, разумеется, речь идет не о числе воинов, а только о численности боеспособной части мужского населения ханства в целом. В действительности ни один казахский хан никогда не имел под своим командованием такого числа ополченцев. Собрать трехсоттысячную армию «для набега», не рискуя при этом подвергнуть опасности нападения тыл и оставить женщин, детей, стариков и калек на произвол судьбы, было невозможно. Да в этом и не было никакой нужды. При набеге на соседние земледельческие области казахские правители обычно обходились военными силами одного из укрупненных улусов: данные источников показывают, что численность конных бойцов казахских владетелей в среднем составляла 30—50 тысяч всадников [198, с. 100, 110; 120, с. 103]. Лишь в тех редких случаях, когда военный поход не представлял собой рядового набега, казахские ханы для усиления своего воинства привлекали ополчение, собранное в близлежащих к владениям казахов районах. Так, по сообщению Бинаи, потерпевший поражение от Шейбани-хана казахский султан Махмуд направился к Бурундук-хану и попросил его помощи. Бурундук-хан удовлетворил его просьбу и

с войском в сопровождении Махмуд-султана направился в вилайет Сузак. «Собрав пешие и конные войска из людей Сузака и окрестностей Кара-Куруна, соединил [их в одно] большое войско и выступил в сторону Сыгнака, навстречу Шейбани-хану» [120, с. 106]. В другом сочинении говорится о том, что во время похода Таваккул-хана на Мавераннахр в 1598 г. в составе его войска кроме собственно казахов также были «султаны Ташкента и Туркестана, киргизы и кыпчаки» [137, л. 119а]. Общее число войска казахского хана во время этого похода составляло, согласно Искандару-Мунши, 90—100 тысяч человек [62, с. 348].

3. Хану принадлежало верховное право ведения переговоров с иностранными государствами, что являлось следствием его функции определять внешнеполитический курс государства. Примером осуществления этого права может служить, в частности, дипломатическая деятельность Таваккул-хана в XVI в. [99, с. 3—14], Джахангир-хана и Тауке-хана в XVII в. [99, с. 14—15; 81, с. 375—390; 10, с. 248; 48, с. 105—119].

4. Хану принадлежало право убить или оставить в живых своего подчиненного — право, бывшее следствием его функции верховного судьи. Это право и функции хана четко зафиксированы в рассмотренном нами памятнике права казахов XVII в. «Жети Жаргы» (ст. 25).

5. Наконец, хану принадлежало право издавать законы и обязательные для всех членов общества приказания — право, бывшее следствием его функции сохранять существующее общественное устройство и порядок. Речь, вероятно, как и в более раннее время, шла о том, чтобы младшие слушали старших, подчиненные почитали начальников, а начальники исполняли свои обязанности в отношении подчиненных [34, с. 261].

Однако власть степного хана, по выражению В. В. Бартольда, «не соответствовала русскому представлению о правителе» [26, с. 405—406]. Эта власть лишь в редких случаях достигала той полноты, которая не допускает разделения ее с какими-либо другими политическими силами внутри государства. В условиях кочевого общества, где кочевники в силу их исключительной подвижности находятся к хану в отношениях, при необходимости легко прерываемых, хан чувствовал известную зависимость от представителей степ-

ной аристократии, как от каждого наиболее влиятельного в отдельности, так и от всех в целом. В источниках мы находим немало примеров, указывающих на то, что прочность ханской власти зависела от того, насколько его политика отвечала интересам представителей кочевой верхушки. В тех случаях, когда власть хана шла вразрез с устремлениями степной аристократии или сильно ущемляла ее права, вассалы покидали своего предводителя. Так, по сообщению Бинаи, при преемнике Абулхайра, Шайх-Хайдар-хане, «обычай управления государством и устав султанства не соответствовали прошлому, а уважение воли [людей] не было таким, как в прошлом»; по этой причине «преданность того общества поколебалась и в единодушном образе действия того народа появилось несогласие». И когда этот хан во все стороны своих владений послал приказ собраться для сражения с Айбак-ханом, «люди и войско не собрались» [120, с. 99].

Характер ханской власти в обществе определялся не только характером правления. В политической жизни предводителя кочевников, еще не утративших своего военного быта, не последнее место занимали его признававшиеся традицией положительными личностные качества, так сказать, его царственный облик. Мусульманские историки особенно восхваляют такие свойства государей, как храбрость, щедрость, справедливость и милость, «ум, который помогает раскрывать вероломство врагов», и «дальновидность, чтобы считать удобный случай за добычу» [21, с. 84; 205, л. 341а; 120, с. 279]. Напротив, чрезмерное увлечение уладами жизни в ущерб государственным делам, жестокость и высокомерие могли отвратить от хана сердца подданных [141, В 648, л. 72а; 138, с. 93, 426]. Например, казахский хан Тахир, отличавшийся крайней жестокостью и несправедливостью и не обладавший в то же время ни военными, ни дипломатическими способностями, вскоре после воцарения был покинут большинством военачальников и вынужден был искать покровительства у Шибанида Кильди-Мухаммад-султана [129, ч. 2, л. 218а], а затем и вовсе удалился к киргизам [141, В 648, л. 202а; 120, с. 230]. Целую сводку примеров, когда ногайские племена расходились от князя к разным мирзам и даже за пределы Орды, дают русские источники

[162, ч. 30, с. 304; ч. 31, с. 115]. Переходы от одного сюзерена к другому широко практиковались и в Крымском ханстве [187, с. 47—48].

В источниках ничего не говорится ни о ханских дворах, ни вообще о постоянном местопребывании казахских ханов до XVII в. Правительственная деятельность казахских ханов, по крайней мере в XVI в., протекала, по всей вероятности, в разъездах по степи среди кочевий, как это бывало и раньше. «Нужно заметить,— писал, например, Иван Шильтбергер о Дашт-и Кыпчаке XV в.,— что в этой стране король и вельможи кочуют летом и зимой с женами, детьми и стадами своими, возя с собою все свое прочее добро, странствуя от одного пастбища к другому в этой совершенно ровной стране» [213, с. 55]. О том, что и казахские ханы XVI в. постоянно переезжали с одного пастбища на другое, буквально не слезая с седла, можно судить по следующему сообщению Мухаммада Хайдара. По его словам, вдова Касим-хана жаловалась Тахир-хану, что состарилась и чувствует, что уже не в силах оставаться в степи. «Я хочу,— говорила она,— чтобы ты доставил меня к моему племяннику Султан Саид-хану, дабы остаток дней моих я могла прожить в городе и провести в спокойствии и без тревог на одном месте» [120, с. 228].

На рубеже XVI—XVII вв. в руки казахских владельцев перешли Ташкент и г. Туркестан с округами. Эти города по большей части оставались в их власти на протяжении почти полутора столетий и в XVII — начале XVIII в. являлись местом пребывания казахских ханов и политическими центрами ханства [62, с. 347—352, 380; 40, с. 501; 129, ч. 4, л. 1036—1156; 140, с. 126; 219, с. 306—307]. Некоторое представление о «житии» ханов в этих городах дает нам «Сказка приезжего из Ташкента» Нур-Мухаммада от 1735 г. Вот отрывок из его рассказа.

«О житье ханов. Хань имеют особы дворы, замками в главных городах: Большой орды в Ташкенте, а Средней орды в Туркестане, а живут по своей воле, когда хотят, а больше в поле с ордой кочуют, а по выезде в домах живут и управляют дядьки их» [79, с. 15—16].

Общее число «городков», принадлежавших казахским владельцам в XVII в., было довольно значительно. В «Распросной речи» В. Кобякова, записанной в Си-

бирском приказе в 1696 г., говорится о том, что «под владением де у него Тевкихана Казачьих городов двадцать пять» [81, с. 389]. По сообщениям русских послов Ф. Скибина и М. Трошина к Тауке-хану, «всех городков в Казачье Орде 32». Здесь же приводятся названия 13 «городков» в следующем порядке и написании: Савран, Сырнам, Ок-Корган, Сузак, Тургистан, Карачюк, Карнам, Уралхай, Ташлиак, Гихан, Отров, Сайран, Юзугант [125, с. 263, 266]. «И во всех тех городах,— говорили они,— живут бухарцы, а казаков мало» [125, с. 265]. В г. Туркестане жил сам хан Тауке, а во главе других «городков» стояли казахские султаны [81, с. 378, 389], назначавшиеся, видимо, ханом. Права и функции султана — главы города нам неизвестны.

Султаны. Самую влиятельную политическую силу казахского общества в рассматриваемое время представляли султаны. Словом *султан* первоначально обозначалось собирательное понятие о верховной власти — *владычество, господство*, а также *власть, правительство*. Не ранее середины X в. этот термин стали употреблять и для обозначения персонального носителя светской власти, государя; первыми, кто ввел это слово в официальный обиход и надписи на монетах, были сельджуки [45, с. 27—28, 30—31; 41, с. 305, 309; 29, с. 130—131]. В Османской империи *султаном* назывался падишах. Однако слово *султан* применялось не только к падишаху, но и ко всем принцам и принцессам династии Османов [11, с. 339]. В Средней Азии и Казахстане, по крайней мере со времен даштских узбеков, слово *султан* обозначало титул каждого члена династии, происходившей от Чингисхана.

Наряду с термином *султан* для обозначения нецарствовавших потомков Чингисхана по мужской линии употреблялся термин *оглан* или *тöre*. Однако, в частности, слово *тöre* служило не только для обозначения султанов, но и более широкого круга лиц — как видных и знатных людей вообще, так и чиновников и судей в частности [120]. Расширение значения слова *тöre*, которое представляет собой «дальнейшее морфологическое и семантическое развитие основы *tūr/tör*, то есть „почетное место в доме, главное место у очага“», связано с его основным значением [102, с. 45]. Первоначально обозначая просто *закон, обычай, правило, постановление*, тер-

мин төре с течением времени стал обозначать самого законодателя, действующего по обычаю, уставу — *владельца, господина, судью*.

Дети Чингисидов по праву рождения приобретали титул султана и вместе с ним все права, потомственно принадлежавшие этой социальной группе. Монопольное право на ханский престол сохранялось только за Чингисидами, для которых право правления в силу происхождения превращалось как бы в естественно присущий им атрибут. При этом сфера действия этого права Чингисидов не зависела от существовавших этнических или государственных границ: каждый Чингисид независимо от того, к какой именно династии потомков Чингисхана он относился, мог претендовать на ханский титул в любом месте, где только еще сохранялись в какой-то мере традиции монгольской империи. Поэтому Чингисиды казахских улусов, например, оказывались то в роли падишаха каракалпаков [216, с. 155—156] и киргизов [120, с. 418], то в роли подставных ханов Бухары [27, с. 271] и Хивы²⁵. Политическая по своему содержанию и характеру власть Чингисидов, основанная лишь на «генеалогическом» праве, не имела, видимо, национального значения.

Право участия в общегосударственном управлении султаны казахских улусов осуществляли, являясь на ежегодно созываемый курултай — собрание, ведавшее делами, касавшимися всех слоев и прослоек казахского общества. Один из пунктов «Жети Жаргы» гласил: «Чтобы сам хан, равно как и все султаны, старейшины и правители родов, собирались осенью в одно место, в середине степи, для рассуждения о делах народных» [112, ч. 3, с. 177].

Мы уже здесь говорили, что казахи сохраняли традиции степной государственности и не отвергали установившиеся права потомков Чингисхана, вследствие которых каждый влиятельный султан претендовал на улус. Правление в улусах давало султанам как военно-поли-

²⁵ Перечень имен казахских султанов — ханов Хивы и даты их правления приведены у Лэн-Пуля Стэнли (Мусульманские династии [115, с. 236]). Описание событий их правления содержатся в «Тарих-и Надири» Мехдихана Астрабади, «Надир-наме» Мухаммада Казима, «Фирдаус ал-икбал» Муниса и других сочинениях. Соответствующие разделы из «Фирдаус ал-икбал» переводились на русский язык дважды [124, т. 2, с. 332—354; 120, с. 458—475].

тическую власть над улусными людьми, так и фактическое право распоряжения пастбищами, водными источниками и т. п. «Каждый из их (т. е. казахов.— Т. С.) султанов,— говорил Шейбани-хан в беседе со своим надимом Ибн Рузбиханом, рассказывая ему о Дашт-и Кыпчаке,— имеет в своем владении и подчинении определенную местность этой области» [134, с. 142].

Власть султанов имела определенное политическое и территориальное значение, но, согласно традиционным представлениям, власть каждого отдельного султана определялась единственно его принадлежностью к совместно правящему ханством царствующему роду, вне которого его власть не имела ни территориального, ни политического значения. Каждый улусный султан, как представляется нам, был прежде всего правителем с правом управления улусом и командования улусным войском, а не частным на наследственном праве владельцем улусной территории. Верховным собственником всей земли, согласно категории тогдашнего политического мышления, был царствующий род в целом, т. е. земля составляла сословную собственность всех Чингисидов, вместе взятых, но верховное управление в каждый данный момент осуществлялось одним из них — главой рода, т. е. ханом, которому, если он был достаточно силен, принадлежало и право распоряжения, и право ограничения территории улуса, и даже, видимо, право отчуждения и передачи улуса другому султану. Во всяком случае, в государстве Шейбани-хана, например, где в основу государственной жизни были положены степные традиции, султан владел уделом временно, правил им лишь по соглашению с родичами, причем удел султана мог быть отчужден ханом, главой царствующего рода, и передан другому лицу [198, с. 57—58, 144, 162; 120, с. 124, 134]. Эти перераспределения уделов вызывали иногда недовольство отдельных султанов, что приводило, в свою очередь, к семейным раздорам и служило причиной военных неудач правящей династии [35, с. 144].

Политическая значимость Чингисидов, обусловленная их генеалогией, необходимо порождала ряд возведенных в юридический принцип преимуществ для всех султанов перед другими членами общества, и эти особые преимущества обнаруживались, в частности, в том, что по

существовавшему в ханстве закону различно наказывались люди разных социальных слоев за одни и те же преступления, различно карались за нанесенные обиды и оскорбления. «Кто убьет султана или ходжу,— говорится в постановлениях „Жети Жаргы“,— тот платит родственникам убитого кун за семь человек. Обида султана или ходжи словами наказывается пеней в 9 скотин; а за побои 27 скотин» [112, ч. 3, с. 171]. Из этой неодинаковой в законе оценки ответственности различных слоев общества вытекали неодинаковые их обязательства: султаны не несли никаких (кроме военных) повинностей.

Привилегии султанов перед другими членами общества состояли также в том, что они были избавлены от телесного наказания и не подлежали суду биев. Творить суд над Чингисидами мог только старший султан или хан. Простые люди в разговорах не могли называть их по имени, но вместо имени должны были употреблять слово *таксыр* (*господин*). При встрече с султаном всякий простолюдин сходил с лошади и, становясь на одно колено, приветствовал его. Султан в ответ на приветствие клал ему на плечо свою руку. Таким же образом поступали и в юртах. Если простой казах присваивал себе из тщеславия титул султана, то подвергался наказанию от 15 до 30 ударов нагайкою. Если же человек «черной кости», выдавая себя за носителя султанской крови, женился на султанской дочери или родственнице, его подвергали наказанию, выражавшемуся в выплате полного куна, т. е. платы за убийство мужчины.

Эти сведения о султанах, взятые нами из трудов Г. Спасского, А. Левшина и А. Харузина [184, с. 191; 112, ч. 3, с. 124—125; 204, с. 49], относятся к началу XIX в.—времени упадка политического значения Чингисидов в казахских степях. Можно полагать, что в XVI—XVII вв. все привилегии султанов полностью сохранялись и строго соблюдались.

Влиятельность отдельных султанов фактически зависела не столько от близости родственных связей с ханом, сколько от количества семей-кибиток, составлявших эль его улуса и служивших основой военной силы и влияния султана как внутри улуса, так и в целом в ханстве. «Могущество феодальных господ, как и всяких

вообще суверенов, определялось не размерами их ренты, а числом их подданных, а это последнее зависит от числа крестьян, ведущих самостоятельное хозяйство» [2, с. 729]. Эти слова К. Маркса, характеризующие феодальное общество стран Европы, вполне приложимы и к казахскому обществу XVI—XVII вв.

По произведенным выше подсчетам, в XVI в. число улусных султанов в ханстве могло достигать 18—24, из них не менее трех являлись старшими султанами. Что касается числа всех султанов казахских улусов, то их много раз было более 100. В пользу того, что число Чингисидов было значительно, можно привести следующие данные из источников. Согласно сообщению Мухаммада Аваза, при вступлении в число мюридов Ходжа Исхака казахского хана Таваккула (ум. в 1598 г.) вместе с ним было 120 султанов [139, л. 366; 214, с. 72, 75]. Можно полагать, что были еще и султаны, которые по тем или иным причинам не приняли участия в этом предприятии хана. Но если даже допустить, что число взрослых султанов составляло в то время 120, то вместе с их детьми Чингисидов в казахских улусах было едва ли не тысяча. Султаны имели, как правило, наибольшее количество жен и детей. В «Сборнике летописей» Кадырали-бека, например, часто можно прочесть, что такой-то казахский султан «имел очень много жен и наложниц. Сыновей у него было также много»; что такой-то казахский султан «имел много жен и наложниц, взятых им со стороны из разных мест, так и из среды своих сородичей» и т. п. [174, с. 163, 165]. В отдельных случаях в источниках приводится и конкретное число сыновей; так, в документе, датированном 1535 г., говорится о том, что у «казатцкого царя Хозя Махмета» 15 сыновей [62, с. 325]. По собранным нами сведениям, у Шигай-хана, умершего, вероятно, в 1582 г., было не менее 13 сыновей (см. с. 118, примеч. 8). Многодетность была, видимо, обычным явлением в султанских семьях.

Многие стороны внутренней жизни населения Казахского ханства остаются, к сожалению, нам неизвестными. Мы не знаем, например, ни о воспитании султанов, ни о том, где и какое они получали образование. То, что по крайней мере часть казахских султанов и степных вельмож были люди образованные, показывают сведения источников. Казахский хан Шигай, «выросший в степи

и пустыне», по словам Хафиз-и Таниша, сочинял стихи [120, с. 257]. Его сын Таваккул-султан (впоследствии хан), славившийся в Дашт-и Кыпчаке своей храбростью и воинской удалью, сочинял маснави [120, с. 311]. Казахский султан Мухаммад-Мумин, в течение пяти лет занимавший должность аталыка при могольском хане, «был мужем знающим и даровитым, большую часть „Шах-наме“ знал наизусть и книги читал приятно [на слух]» [210, с. 225]. Здесь необходимо упомянуть и Кадырали-бека, сына Хошум-бека, представителя племени джалаир, автора начала XVII в. Выходец из степи и приближенный казахского Ондан-султана, он сделал сокращенный пересказ на тюркский язык известного сочинения персидского историка Рашид ад-Дина «Джами ат-таварих» и составил свод сведений о родословиях и деятельности казахских ханов и султанов XV—XVI вв. [174]. Интересные сведения об образованности казахских султанов — ханов Хивы XVIII в. содержатся в «Фирдаус ал-икбал» [120, с. 458—459, 463, 469].

Условия кочевого быта и постоянные феодальные распри, раздиравшие и разорявшие ханство, не благоприятствовали распространению среди казахов письменности и книжного образования. Однако, как видно из приведенных материалов, верхушка казахского общества, по крайней мере в части своей, была прослойкой образованной, что можно рассматривать как одно из следствий привилегированного положения этого социального слоя.

Изложенный здесь материал, как нам представляется, показывает, что султаны своим юридическим положением резко выделялись среди остального населения ханства, причем права, отличавшие их от других, издавна были наследственными. Политическими правами султанов, осуществляемыми ими *in corpore*, были: 1) участие в общем государственном управлении; 2) участие в местном управлении; 3) улусно-вотчинное управление.

Наличие подобных перечисленных прав и преимуществ, даваемых законом целой группе общества в постоянное совместное обладание ими, является характернейшими признаками сословного права [101, с. 276—281]. Поэтому мы можем сделать вывод, что султаны составляли особое сословие в социальной иерархии казахского общества XVI—XVII вв.

Би и. Другую социальную группу казахского общества составляли предводители родов и племен. Для их обозначения употреблялось слово *бий*, которое, согласно замечанию В. В. Бартольда, представляет собой «очень позднее видоизменение старого *бек*²⁶ и не встречается нигде раньше XV в.» [24, с. 36]. По словам автора XVII в. Махмуда б. Вали, по обычному праву биями называли всех «высокопоставленных эмиров и людей, пользующихся доверием и свободных от беспokoйств» [47, с. 395].

Би представляли собой влиятельную группу общества, от которой во многом зависела прочность власти степного хана. «После смерти Абулхайр-хана, — пишет автор „Нусрат-наме“, — ханом был его сын Шайх-Хайдар. Когда в его век перестали чтить достоинство и знатность великих беков и добрых родов его, могущество его стало ото дня ко дню уменьшаться» [120, с. 19]. Влияние биев определялось как многочисленностью и силой, так и древностью происхождения и старшинством возглавляемых ими родов. По более поздним данным, например, старшим из родов Улу жуза считался род *джалаир*, а когда нет джалаирцев — *ошакты*. При этом старшинство между родами и жузами считалось по прямой линии: «самый последний род» Улу жуза имел преимущество перед «самым старшим родом» Орта жуза и т. д. Порядок старшинства соблюдался: 1) при разделении военной добычи; 2) при вступлении в дом и рассаживании по местам; 3) при открытии торжества; 4) при представлении качества предлагаемого кушанья и т. п. [73, с. 7].

Би казахских улусов пользовались некоторыми особыми правами: в пределах подвластных им родов только биям (кроме хана) принадлежала, насколько можно судить по «Жети Жаргы», и судебная и административная власть (ст. 25, 30). Поскольку би вершили суд, они просто должны были сохранять в памяти действующее право, а это, кстати сказать, предполагает существование в казахском обществе «касты» профессиональных хранителей юридических установлений и толкователей обычного права, в роли которых и выступали

²⁶ Происхождение титула «бек» до сих пор удовлетворительно не объяснено. Библиографию вопроса, а также различные значения этого титула рассмотрены в статье Kōrgülü [222, с. 579—581].

бии. Очевидно, не случайно, что все известные ныне ранние записи фрагментов «Жети Жаргы» были произведены в свое время со слов предводителей родов. В силу установившегося обычая бии-судьи имели право на получение бийлика — десятой части имущества, скота и т. п., которая взыскивалась с ответчика, что зафиксировано и в «Жети Жаргы» (ст. 29).

Административная деятельность биев выражалась в том, что бий являлся управителем рода и, судя по «Жети Жаргы», ответственным за порядки в родовой общине (ст. 30). Бии были, таким образом, административными наместниками хана, и эта административная власть придавала биям определенный политический вес, который выражался в том, что бии наряду с султанами участвовали в решении общегосударственных дел, сообщаясь на ежегодно созываемое «народное собрание». Наиболее влиятельные родоначальники входили в «совет биев» при хане. На волю и политику отдельных ханов этот совет оказывал иногда исключительно сильное влияние. Так, например, по сообщению русских послов Ф. Скибина и М. Трошина, находившихся в 90-х годах XVII в. в ставке казахского хана, в 1695 г. «призвал к себе Тевкихан Казачьей Орды Татар лутчих людей и при нас Федке и Матюшке тем Татаром говорил, что ему нас держать ли или отпустить, и на Русские города и слободы им войною ходить ли или мирно жить?» [81, с. 381]. Все боеспособные члены рода должны были, по «Жети Жаргы», платить бию двадцатую часть своего «имущества ежегодно» (ст. 33).

Во время военных походов бии предводительствовали ополчениями своего рода или племени.

Бий, являясь важным звеном в системе управления ханством, сочетал в себе, таким образом, по меньшей мере четыре качества: военачальник, административное лицо, судья и представитель степной аристократии.

Бии сохранялись в Казахстане почти до конца XIX в. С 1854 г. титул присуждался в результате общественных выборов, с утверждения окружных приказов, только султанам и «аульным старшинам», прослужившим не менее шести лет, а также лицам, чем-либо награжденным или исполняющим какие-либо должности, установленные царским правительством. По «Положению об управлении степных областей» от 21 октября 1868 г., звание

бия приобрело временное значение: его присваивали лишь на время пребывания в должности. С введением в действие степного положения, изданного 25 марта 1891 г., звание биев в Казахстане было отменено вообще [107, с. 82—83].

Бай. Наиболее многочисленную прослойку класса эксплуататоров у казахов-кочевников составляли байы. *Бай (богатый)* — слово тюркского происхождения; именно в этом значении слово встречается в древнетюркских надписях и в позднесредневековых мусульманских источниках. В 1934 г. в Турции предприняли попытку придать этому слову новое значение: правительственным указом было предписано, чтобы турецкие граждане при обращении с речью к собранию и отдельному лицу, в беседе и при частной переписке употребляли перед именем мужчин слово *бай*, перед именем женщин — *байан* [218, с. 356]. Самым ранним мусульманским источником, где слово *бай* употреблено в составе имени как показатель социального положения, является, как полагает В. В. Бартольд [23, с. 491], рассказ Джувейни о мусульманине Махмуд-бае, везире языческого каракитайского турхана (XIII в.). По мнению ряда исследователей, этнонимы *байындыр* и *байат* восходят к словам *бай* и *байан* [103, с. 92].

Баем, по словам Ибн Рузбихана, назывался всякий «влиятельный богач», владевший большим количеством скота [134, с. 149]. Из этого определения можно заключить, что байы представляли, возможно, довольно многочисленную, но социально неоднородную группу кочевого общества. Общей чертой, которая отличала их от других, было обилие скота, т. е. богатство. Нам, однако, ничего не известно о том, каким количеством скота нужно было обладать, чтобы входить в число баев. Сообщения Ибн Рузбихана о богатстве казахов очень неопределенны: скота у казахов так много, пишет он, что «большая часть [казахов] называла Хатим Тая своим нищим»; в другом месте, ссылаясь на рассказы своих информаторов, он отмечает, что «у наиболее бедных из казахов число лошадей, верблюдов и овец исчисляется тысячами» [198, с. 93—94]. Несомненно, в этом нужно видеть преувеличение. Так, по выводам, полученным в результате обследования экономического положения кочевых хозяйств, проводившегося

в XIX в., 60% казахского населения Орта жуза не имело нормы, необходимой для экономического обеспечения при ведении кочевого образа жизни, или минимума скота, гарантирующего им безбедное существование [18, с. 44]. Экономисты полагают, что для самостоятельного ведения хозяйства кочевнику-скотоводу необходимо иметь в среднем 15—20 лошадей, 50—100 овец и коз, не менее 6 голов крупного рогатого скота и 2 верблюдов [148, т. 2, с. 330; 179, с. 38]. Интересные данные о численности скота у баев приводит А. Левшин. По его словам, богатейшие из казахов имели «тысяч по двадцати» овец, 400—500 верблюдов и насчитывали в табунах своих по 8, 9 и даже 10 тысяч лошадей [112, ч. 3, с. 187, 191, 192].

Богатство, материальное благополучие представлялись тогда неотделимыми от власти, и «люди степи», включая и султанов, по рассказу Шейбани-хана «прилагают большие усилия и заботы, чтобы в короткое время от размножения овец собрать огромные богатства и чтобы от разведения мелкого рогатого скота добыть в той бескрайней степи большое состояние» [198, с. 97]. С большим состоянием не соединялись, однако, особые политические права, поскольку они были сословной привилегией Чингисидов, но богатство, несомненно, давало огромные выгоды и определяло положение в обществе. Для скотовладельцев богатство служило к тому же предметом тщеславия. «Однажды спросил я одного владельца 8000 лошадей,— пишет А. Левшин,— почему он не продает ежегодно по некоторой части табунов своих. Он отвечал мне: „для чего стану я продавать мое удовольствие? деньги мне не нужны; а должен запереть их в сундук, где никто не увидит их. Но теперь, когда табуны мои ходят по степям, всякий смотрит на них, всякий знает, что они мои, и всякий говорит, что я богат“» [112, ч. 3, с. 83—84].

Звание бая совмещало в себе, таким образом, два признака — экономический и политический. Экономическое значение бая в обществе определялось размерами его богатства, а богатство, являвшееся основой «благополучной и покойной жизни» [198, с. 98], придавало ему, в свою очередь, известное политическое значение.

Согласно «Жети Жаргы», бай, если он не был султаном или бием, платил хану, как и всякий «могущий

носить оружие», «20-ю часть своего имущества ежегодно» (ст. 33).

Батыры. К группе привилегированных особ казахского общества XVI—XVII вв. можно отнести и *батыров*. Тюрко-монгольское слово *батыр*, *бахадур*, *багатур* (в этом произношении оно не ранее XV в. перешло и в русский язык [152, с. 44]) первоначально означало *храброго мужа, героя*, перед битвой вызывающего врага на единоборство. Со времен Чингисхана *батыр* — один из титулов феодальной иерархии, присваивавшийся представителям «феодализованной военно-кочевой знати» [156, с. 44], а также почетный титул, получаемый ханом или султанами за личную храбрость в сражении или умелое руководство военными действиями. В частности, этот титул носил, судя по личной печати, казахский хан Тауке [99, с. 15]. Как титул это слово прибавлялось к собственному имени. В некоторых тюркских источниках для обозначения отважных рубак, героев поля брани употребляется также слово *алп* [12, с. 93]. *Батыр*, однако, не только титул храбреца, но и разряд лиц из числа профессиональных военных. Значение батыров — профессиональных военных определялось их ролью в военной жизни, а также близостью ко двору хана или влиятельного султана. Эти батыры в большинстве своем не имели иной власти в обществе, кроме той, которую дают им их личные качества, и потому чаще других выступали в роли узурпаторов права на управление родами. Слава батыров при этом зависела во многом от степных певцов-импровизаторов. В памятнике средневекового туркменского эпоса, например, говорится: «С кобзой в руке, от народа к народу, от бека к беку идет певец; кто из мужей отважен, кто негоден, знает певец» [42, с. 479]. Значение батыров усиливалось во время войн и обострения межродовой вражды.

Аксакалы. *Аксакал* — тюркское слово (букв. *белобородый*. Перс. *риш-и сефидан*). По сведениям источников, играли определенную роль в политической жизни [93, с. 670]. К сожалению, из сообщения Искандара Мунши не ясно, кого конкретно он называет аксакалами. По определению В. В. Бартольда, аксакалы — это «лица, фактически, без определенных юридических полномочий, пользовавшиеся почетом по своему возрасту, богатству и прежним заслугам» [27, с. 367].

Кочевники-скотоводы. Письменные источники почти не упоминают об их жизни. В сводных трудах по истории Казахстана они названы словом *шаруа* [96, с. 161; 148, т. 2, с. 330]. В нарративных и документальных источниках мы встречаем термин *карачу* (*караджи*), который употребляется в зависимости от контекста в двух значениях: для обозначения простолюдинов в противоположность аристократии и всего населения государства в противоположность ханскому роду Чингисидов [142, с. 123, 126; 27, с. 276; 24, с. 159; 36, с. 452—453].

Политический порядок, действовавший в казахском обществе, как и в любом развитом обществе, строился, надо полагать, на сложном сочетании прав и обязанностей. К сожалению, мы не знаем для рассматриваемого времени конкретных обязанностей лично свободных кочевников и соответствовавших этим обязанностям прав. О некоторых из них можно судить по отдельным положениям статей «Жети Жаргы».

Согласно сведениям этого памятника XVII в., рядовой кочевник — юридически свободное лицо, обладающее личными и имущественными правами. Лично свободный кочевник мог завещать по своему усмотрению имущество, давать свидетельские показания и т. д. Убийство рядового кочевника наказывалось, хотя закон и придавал неодинаковое юридическое значение правам лиц, различавшихся социальным и общественным положением. Но защита личности и имущественных прав свободных лиц обеспечивалась не государственным аппаратом, а исключительно солидарностью членов рода; государство в лице бия только обеспечивало родственникам, например, убитого осуществление права кровомщения, ограбленного — права на баранту и т. д. Этот характерный для кочевого быта способ осуществления прав приводил к тому, что человек, от которого отступился его род, тем самым оказывался абсолютно беззащитным, оставался как бы вне закона.

Старинной по времени и главной по важности повинностью казахов-кочевников была воинская повинность, возложенная на всех свободных лиц в возрасте, дающем возможность нести ее. Мы не знаем, какие именно права вытекали из военных обязанностей (право участия в «народном собрании?»), хотя нам понятен экономиче-

ский стимул к участию в военных операциях, но уже одна физическая способность нести эту повинность налагала на простых кочевников еще ряд дополнительных обязанностей. Так, по «Жети Жаргы», всякий «могущий носить оружие» (кроме султанов и биев) должен был платить хану и биям двадцатую часть своего имущества ежегодно (ст. 33). Как называлась эта подать, в источнике указания нет. Также неизвестно, как отбывалась эта повинность. Можно думать, что поскольку характерной чертой экономики ханства являлось кочевое скотоводство, то и налоговая система для кочевой части населения определялась натуральными видами поставок и взаимных расчетов, а также основывалась на отработочных рентах.

Другой повинностью кочевников-скотоводов была постоянная повинность, которую они несли в натуральной форме: население должно было продукты питания, нужные на содержание государя, его семьи и многочисленной свиты, отдавать во время объезда ханом улусов.

Важным источником дохода хана были налоги, которые взимались с оседлого земледельческого населения ханства. Здесь налоговая система была основана на товарно-денежных отношениях. По этому вопросу мусульманские источники ограничиваются скудным указанием на то, что казахские ханы XVII в. собирали с оседлого земледельческого населения «бaдж и харадж», т. е. ежегодный налог [120, с. 315]. Любопытные сведения о сборе подати с горожан казахскими ханами содержатся в рассказе «приезжего из Ташкента» Нур-Мухаммада, записанном 15 марта 1735 г. в Оренбургской экспедиции. Судя по тому, что Нур-Мухаммад при передаче сведений ссылается на рассказ своего отца, можно полагать, что данные его относятся и к более раннему периоду. В специальном разделе о податях сообщается: «О податях. Ханы кайсацкие и их ближние люди, кто которым городом пожалованы, ясак берут с сартов, живущих в городах и в уездах, деньгами и товарами, а поскольку чего — о том не знает, токмо в уезде от хлеба пятую, а инде и десятую долю и скот — коров и овец. А к тем сборам определяют кайсаки своих сборщиков, а ташкентский магистрат дает от себя во все города старшин, чтобы при них собирали и никаких обид не делали, однако ж кайсаки многих побивают до смерти, но, на то не смотря, права своего не теряют, новых, выбирая, посылают, а о убитых от ханов никакой управы получить не могут» [79, с. 18—19; 206, с. 155].

Как видно из приведенного рассказа, в Казахском ханстве, как и в любом государственном образовании, политика налогообложения оседлого населения занимала важное место. Тяжесть эксплуатации усугублялась еще более самой системой взимания податей. Для сбора податей выбирались специальные сборщики, которые руководствовались правилом — выжать как можно больше, пусть даже путем насилия и убийств. Этому способствовали, во-первых, использование

чиновничеством преимуществ своего положения в целях обогатиться в кратчайшее время, поскольку четко обозначенных сроков пребывания в должности сборщика налогов, по-видимому, не существовало; во-вторых, неопределенность величины тех или иных поборов и круга повинностей, которые, очевидно, зависели от воли правителей, от прихоти чиновных лиц. Отсюда, видимо, и те многочисленные злоупотребления, о которых говорил Нур-Мухаммад.

Рабы. Самой бесправной социальной группой были рабы. Для обозначения рабов употреблялось тюркское слово *кул*, встречающееся еще в памятниках древнетюркской письменности [82, с. 464].

На существование рабов в Казахском ханстве XVI—XVII вв. определенно указывают как сведения из «Михман-наме-йи Бухара», так и положения «Жети Жаргы». Какой была эта категория улусных людей, до некоторой степени разъясняет, например, следующее положение «Жети Жаргы»: «За убитую охотничью собаку или беркута хозяин может требовать невольника или невольницу» (ст. 21). Само состояние неволи лишало раба преимуществ правоспособного человека, ставило его наравне с вещью, скотом. Раб не мог выступать в качестве свидетеля, не мог жаловаться на хозяина, даже если тот обходился с ним крайне жестоко («Жалоба раба на господина нигде не приемлется», — гласит ст. 16 «Жети Жаргы»). Рабы не несли ответственности за свои преступления. Ответственность за преступления рабов несли их владельцы, которые обязаны были вознаграждать потерпевшую сторону за убытки, причиненные рабом. В свою очередь, дела, касавшиеся рабов, не подлежали суду биев. За все виды проступка невольника меры наказания определялись хозяином провинившегося. Рабы не несли никаких государственных повинностей. Зависимость раба от хозяина была наиполнейшей, и, согласно ст. 16 «Жети Жаргы», только владелец раба был властен над его жизнью и смертью.

Статьи обычного права казахов-кочевников характеризуют, как правило, общий политико-юридический статус рабов в обществе, но не отражают фактического их положения. Как видно из текста правовых статей, в казахском обществе имели место не действительные рабовладельческие отношения, но существовало патриархальное, домашнее рабство. В условиях, когда общими государственными законами рабы были отданы в собственность частным лицам, фактическое положение ра-

ба, естественно, характеризовалось всецелой зависимостью от владельца, от уровня материальной обеспеченности и от личных качеств хозяина невольника. Поэтому не случайно в источниках наряду с сообщениями о жестоком обращении хозяев с рабами и вызванных этой причиной побегах невольников [198, с. 135] отмечаются также факты, которые свидетельствуют о том, что некоторая часть рабов находилась в сравнительно сносных условиях [180, с. 192].

Фактическое положение раба во многом было сходно с положением свободных, но неполноправных членов семьи — женщин и несовершеннолетних.

Основными источниками приобретения рабов были полон, работорговля, долговая несостоятельность. Наибольшее число рабов давал внешний источник — полон. При набегах на соседние земледельческие области кочевники не только захватывали изделия ремесла и продукты земледелия, но и уводили пленников. Ибн Рузбихан, отмечая, что ханы узбеков, казахов и предводители мангытов находятся постоянно в распре друг с другом, пишет: «И когда побеждают, то продают друг друга в рабство. Имущество и людей [противника] между собой они считают дозволенной военной добычей и никогда от этого [правила] не отступают. Если кто-либо это не признает, говоря: „Зачем же ты продаешь [в рабство] свой собственный народ?“ — они удивляются и говорят: „Да этот человек в бреду, он не признает военной добычи“. У кого хватит смелости сказать им: „Это наши люди“ — после утверждения, что эти [люди] — военная добыча? Продажа побежденных широко распространена у них без всякого мешающего препятствия и отвергающего непризнания» [198, с. 62]. При этом, по словам Ибн Рузбихана, при захвате в плен и купле-продаже рабов казахи не делали никакого различия между мусульманами и «неверными» [198, с. 106].

Этнический состав пленников, обращенных в рабов, был самым разнообразным: в «Михман-наме-йи Бухара» упоминается четырнадцатилетний мальчик-индус — раб у некоего казаха из улуса Таниш-султана [198, с. 135]; по свидетельству Ф. Скибина и М. Трошина, при казахском хане Тауке были русские пленники и пленницы [81, с. 381—382]; в других источниках говорится о пленных калмаках и т. п.

Судя по тому, что в одном из походов казахского султана Ахмада 1508 г. на территорию Мавераннахра число уведенных в плен «превысило несколько тысяч» [198, с. 111], в отдельные периоды число рабов из пленников было довольно значительно. Какую-то часть пленников вскоре выкупали оставшиеся на свободе родственники. Так, например, после упомянутого набега Ахмада Шейбани-хан «заботливо предоставил много верблюжьих поклаж полотна (карбас), чтобы жители Куфина и подчиненных Бухаре и Самарканду местностей, приготовив выкуп за своих пленных, отправились бы в [Кыпчакскую] степь и вернули обратно своих плененных [родичей]» [198, с. 111]. Оставшиеся в степи пленники, по словам С. Герберштейна, «принуждены служить рабами шесть лет подряд, по истечении которых они делаются свободными, но не могут удалиться из страны» [70, с. 151].

Однако формальное освобождение от рабства не означало полного прекращения зависимости пленника от хозяина. Как было отмечено в разделе о «Жети Жаргы», в казахском обществе рассматриваемого времени защита личности и имущественных прав свободных лиц обеспечивалась не государственным аппаратом, а исключительно солидарностью членов рода. Поскольку весь или почти весь контингент рабов из пленных составляли инородцы, то, следовательно, они и после формального освобождения от полной рабской зависимости оказывались фактически вне закона. Экономически они все оставались зависимыми, поскольку ничего не имели. Так или иначе, формально освобожденный раб был принужден обстоятельствами остаться при хозяине и вступить в новую форму зависимости, очень близкой по условиям к кабальному рабству.

Вторым основным источником рабства являлось приобретение рабов меной или куплей. Основной контингент этой категории невольников составляли дети. О продаже родителями детей говорится во многих источниках. Ал-Омари, например, о жителях Дашт-и Кыпчака писал, что «по временам, когда в иные годы они находятся в стесненных обстоятельствах, они продают детей своих, чтобы за выручку с них прокормить себя, и говорят относительно тех из детей своих, которых они продают: „Лучше остаться в живых нам и ему (дитяти), чем

умирать нам и ему“» [191, т. 1, с. 231]. По словам английского путешественника XVI в. Л. Дженкинсона, когда он был в Ногайской орде, где в то время свирепствовал голод, он «мог бы купить много красивых татарских детей, целую тысячу, если бы захотел, у их собственных отцов и матерей, а именно мальчика или девочку за каравай хлеба, которому цена в Англии 6 пенсов» [77, с. 172].

Обычное право кочевников запрещало продажу свободного лица в рабство независимо от его возраста и пола. В нарративных источниках также отмечаются случаи запрета продавать детей в неволю, исходившего от конкретного исторического лица. Макризи, например, так заканчивает свои известия об Едиге: «Он тот, который запретил татарам продавать детей своих, вследствие чего уменьшился привоз их в Сирию и Египет» [191, т. 1, с. 474]. Между тем продажа кочевниками Дашт-и Кыпчака детей в рабство практиковалась как во время засухи и голода, так и «при избытке» и продолжалась вплоть до середины XIX в. [180, с. 184]. Разумеется, что ряды покупных невольников частично пополнялись также взрослыми.

Число этой категории рабов, по всей вероятности, было не очень велико, но, видимо, за редкими исключениями, такие невольники находились в пожизненном рабстве. В мусульманских странах существовал обычай безвозмездно отпускать раба на волю, который расценивался как богоугодный поступок [86, с. 35—36; 9, с. 35]; иногда раб получал свободу после смерти хозяина. Действовал ли такой обычай среди казахов XV—XVII вв., если да, то как часто он практиковался, мы не знаем. Если раб не отпускался на свободу по воле хозяина, то его потомки получали свободу по обычному праву, но лишь в четвертом колене.

Третью категорию рабов составляли несостоятельные должники, недоимщики (кабальное рабство). Если рабами первых двух категорий оказывались главным образом иноплеменники и люди разных возрастов, в том числе малолетние дети, то кабальными рабами становились, как правило, взрослые свободные граждане, попавшие по тем или иным причинам в личную зависимость от зажиточного скотовладельца. Кабальный раб мог выкупиться, заплатив положенный долг, но такое

случалось, видимо, не часто, и эта категория рабов составляла, по всей вероятности, в степи самую многочисленную часть невольников. Трудно сказать, становился ли кабальный раб свободным после смерти хозяина, или же он должен был служить его наследнику. Также остается открытым вопрос о том, как отражался на членах семьи переход свободного лица в рабское состояние.

Стоимость раба, приравненная к цене охотничьей собаки или беркута, наводит на мысль, что в Казахстане рабский труд мало применялся. У казахов-кочевников скотоводство было практически единственной сферой прямого или косвенного приложения общественного труда. Эта особенность хозяйственной жизни неизбежно накладывала свой отпечаток и на социальные отношения. Поскольку пастбищное скотоводство и натуральное хозяйство в сравнении с иными формами хозяйствования требовали значительно меньшего числа рабочих рук, то и потребности кочевого общества в труде рабов были сравнительно невелики, что, в свою очередь, обуславливало малочисленность рабов и специфичность их положения у кочевых народов.

Как известно, у кочевников физический труд, связанный с обработкой продуктов скотоводства и ведением домашнего хозяйства, считался недостойным свободного мужчины и целиком возлагался на женщин, а при возможности и на рабов [158, с. 233]. Именно в этой самой трудоемкой отрасли скотоводческого хозяйства находил наибольшее применение рабский труд. Однако и здесь труд невольников играл в основном подсобную, вспомогательную роль [180, с. 180, 211]. Рабский труд для выпаса и охраны скота на пастбищах кочевники, по-видимому, никогда широко не применяли [191, т. 1, с. 282—283].

В кочевом обществе казахов рабы представляли ценность не столько как рабочая сила, сколько как товар, который можно было выгодно реализовать путем продажи на невольничьих рынках (цены на рабов были стабильно высоки) или путем выкупа.

Рабство в Казахстане частично было ликвидировано официальным указом лишь в XIX в., причем указ 1822 г. касался рабов только казахского происхождения. Параграф 276 этого устава гласил: «Невольники, до 22 июля 1822 г. находившиеся у киргизов, остаются при их

владельцах с правом продажи, передачи и наследственного владения, но с того времени строго запрещено вновь приобретать в неволю природных киргизов» [108, с. 102]. Окончательное запрещение рабства в казахских степях относится к 1875 г. [178, с. 19—29].

Таковы некоторые стороны социально-политической жизни казахского общества в рассматриваемый период, для освещения которых имеется материал в использованных источниках. Более подробное описание и более обстоятельный анализ социальных категорий казахского общества XVI—XVII вв., равно как и административного устройства Казахского ханства, потребуют прежде всего выявления новых источников. Разработка вопросов источниковедения, по нашему глубокому убеждению, является одним из главных условий дальнейшего исследования средневековой истории казахского народа.

П Р И Л О Ж Е Н И Е

МАТЕРИАЛЫ К ХРОНОЛОГИИ И ГЕНЕАЛОГИИ КАЗАХСКИХ ХАНОВ (XV—XVII вв.)

Введение

История собственно Казахского ханства начинается со второй половины XV в. История его образования связана с откочевкой между 1458 и 1462 гг. части населения Узбекского улуса во главе с непокорными султанами, преследовавшими свои династийные интересы, в пределы Моголистана и распадом так называемого государства «кочевых узбеков» после смерти Абулхайр-хана в 1468 г. Новая династия, пришедшая на смену Шибанидам, которые господствовали до того в большей части современного Казахстана, правила более 350 лет; отдельные члены этой династии правили также в Хиве в качестве подставных ханов в течение почти всего XVIII века. Представители казахской династии, как и большинство тюрок-кочевников, причисляли себя к мусульманам ханифитского толка и состояли в числе мюридов крупнейших среднеазиатских суфийских шейхов. Между тем правители Казахского ханства не упомянуты ни в одном из известных нам печатных справочников по хронологии и генеалогии мусульманских династий.

Сведения по истории этого ханства в XV—XVII вв. мы имеем почти исключительно из сочинений мусульманских авторов. Однако все или почти все эти источники представляют собой сочинения, посвященные тем или иным правителям или религиозным деятелям соседних с казахами областей, и потому заключенные в них сведения о Казахском ханстве имеют случайный или фрагментарный характер. В частности, ни среднеазиатские авторы, которых в первую очередь интересовали события, происходившие в самой Средней Азии, ни иранские историки, проявлявшие интерес главным образом к событиям, связанным с Хорасаном и Мавераннахром, не оставили сведений, касающихся территориально всего Казахского ханства или охватывающих события правления одного или нескольких казахских ханов. Исключение в этом плане составляет лишь сочинение восточнотуркестанского историка XVI в. Мухаммада Хайдара Дуглата: сообщения о казахских владетелях, содержащиеся в его «Тарих-и Рашиди», в совокупности единственное в средневековой мусульманской историографии связное изложение ранней истории Казахского ханства.

Отметим при этом, что специфику работы исследователя средневековой истории казахского народа во многом определяет также в прошлом слабое распространение среди казахов письменности и

книжного образования. Единственный известный пока исторический труд, созданный представителем казахского племени, — сочинение Кадырали-бека, сына Хошум-бека, написанное в начале XVII в. и условно названное издателем И. Н. Березиным «Сборник летописей». Сведения Кадырали-бека о Казахском ханстве XV—XVI вв. основаны на надежных местных источниках и могут указывать на существование в казахском обществе если не собственной письменной традиции, то живого интереса к генеалогиям и вопросам политической истории.

Несмотря на то что в исторических сочинениях мусульманских авторов встречаются упоминания о том, что тот или иной казахский хан чеканил от своего имени монеты, и известны места захоронения отдельных казахских ханов, нумизматические и эпиграфические источники по истории ханства отсутствуют полностью.

Этими обстоятельствами объясняется тот факт, что в истории Казахского ханства еще много неясного, в частности неизвестны точные даты правления, а также генеалогия ряда представителей правившей династии; именно поэтому при определении дат правления ханов в настоящей работе часто приходилось делать пометы «не раньше», «не позднее», «около» такого-то года, «между» такими-то годами и т. п.

Специального исследования, посвященного хронологии и генеалогии казахских ханов и султанов XV—XVII вв., насколько нам известно, ни в отечественной, ни в зарубежной историографии нет. Среди работ, содержащих некоторые сведения по данной теме, особо следует отметить труды В. В. Вельяминова-Зернова, В. В. Бартольда и А. А. Семенова. Существующие ныне сводные труды по истории Казахстана основаны исключительно на исследованиях этих авторов и нового в область хронологии и генеалогии не вносят. Из работ последних десятилетий, имеющих непосредственное отношение к нашей теме, особо следует выделить труды В. П. Юдина и О. Ф. Акимушкина, в которых содержатся новые данные о тех или иных казахских ханах и султанах или новая интерпретация уже известных фактов.

Автор данной работы делает попытку свести воедино уже известные сведения о генеалогии казахских ханов XV—XVII вв., уточнив при этом список правителей, хронологические рамки правления государей и вопрос о степени родства членов казахской династии.

Список правителей

Имя	Время правления (первым приведен год хиджры)			
1. Гирей и Джәйнебек	Не раньше	874	— не раньше	878
2. Бурундук		(1469—70)		(1473—74)
	Не раньше	878	—	917 (1511)
		(1473—74)		
3. Қасым		917 (1512)	—	924 (1518)
4. Мамаш		924 (1518)	—	928
				(1521—22)
5. Тахир	Не позднее	930	— не раньше	938
		(1523—24)		(1531—32)
6. Бұйдаш	Не раньше	938	—	967
		(1531—32)		(1559—60)
7. Ғақ-Назар	После	944	— раби' I	988
		(1537—38)		(май 1580)

8. Шйғай	Раби' II	988 — (июнь 1580)	990 (1582)
9. Таваккул	После	991 (1583)	1007 (1598)
10. Йшйм		1007 (1598) — около	1022 (1613—14)
11. Турсун	Около	1022 — около (1613—14)	1037 (1627)
12. Йшйм (вторично)	Около	1037 (1627) — начало	1038 (1628)
13. Джахангир	После	1039 — (1629—30)	1062 (1651—52)
14. Тауке	После	1062 — (1651—52)	1130 (1717—18)

Комментарий к Списку

1. *Гирей (Кирай) и Джанибек*. В «Шейбани-наме» анонимного автора [211, с. 61] и в некоторых других источниках оба правителя названы сыновьями Барак-хана (сводку сведений о Барак-хане см. в работе Т. И. Султанова [186, с. 57—61]). В. В. Вельяминов-Зернов, а вслед за ним и некоторые другие исследователи считали их родными братьями [62, с. 229]. Однако, как это видно из подробной родословной, помещенной в «Нусрат-наме», они приходились друг другу дальними родственниками, имея лишь общего предка — Урус-хана [120, с. 42, 496]. Родословная Гирея: *Урус-хан, Тохта-Кыйа, Пулад, Гирей*; родословная Джанибека: *Урус-хан, Куйручак, Барак, Джанибек*. Данные источников о родословной их общего предка Урус-хана (1368—1377) противоречивы: по одним сведениям, он был потомком Орда-Эджена, сына Джучи-хана, по другим — потомком Тука-Тимура, другого сына Джучи (сведения из источников о родословной Урус-хана приведены в статье Султанова [185, с. 48—49]).

Имена основателей Казахского ханства впервые упоминаются в источниках в связи с описанием раскола в Узбекском улусе, который привел к отделению и откочевке части его населения в западные пределы Моголистана. О дате отложения Гирея и Джанибека от главы «кочевых узбеков» Абулхайр-хана и их откочевке сведения в литературе противоречивы. У. Г. Ховорса приводится 1451 г. [220, с. 627]; Б. Ахмедов относит эти события к 860 г. х. (1455—56) [19, с. 62]. По мнению других авторов [155, с. 103; 120, с. 314], раскол в Узбекском улусе и откочевка Гирея и Джанибека имели место в 854 (1450) или даже в 870 г. х. (1465—66).

Между тем сопоставление данных источников позволяет уточнить *terminus post quem* и *terminus ante quem* откочевки. Гирей и Джанибек с улусными людьми прибыли в Моголистан при жизни могольского хана Есен-Буги, который радушно принял беглецов и назначил им для обитания долину Чу и Козы-Баши. Известно, что Есен-Буга-хан умер в 1462 г. Значит, откочевка совершилась до этого времени. Согласно «Тарих-и Рашиди» и «Бахр ал-асрар», прикочевка Гирея и Джанибека в Моголистан совпала со временем вызова Тимуридом Абу Саидом из Шираза Иунус-хана и отправкой его с войском в Моголистан с целью использовать это войско против брата, Есен-Буги [120, с. 196, 352]. Известно, что Абу Саид принял Иунус-хана в Герате вскоре после того, как завоевал Хорасан,

т. е. после 1459 г. (о дате завоевания Хорасана Абу Саидом см. у Бартольда [44, с. 170; 33, с. 210]), а междоусобная борьба Иунус-хана и Есен-Буга-хана длилась не меньше полутора-двух лет. Следовательно, время откочевки, а точнее, прикочевки Гирей и Джанибека с улусными людьми во владения могольского хана Есен-Буги нужно датировать 863 (1458—59) или 864 г. х. (1459—60).

После смерти главы «кочевых узбеков» Абулхайр-хана в год мыши (1468 г.) (в мусульманских источниках приводится и дата по хиджре — 874 г. х. (1469—70) [129, ч. 2, л. 1606]) Гирей, Джанибек и их приверженцы вернулись в Узбекский улус и вскоре захватили там верховную власть, частью истребив, частью изгнав своих соперников. Бывшие скитальцы принесли в Узбекский улус закрепившееся за ними еще в Моголистане название *казаки*, которое было затем перенесено на все ханство. «В это время,— по словам Махмуда б. Вали,— Кирай-хан был назван государем» [120, с. 353]. Годы правления Гирей-хана точно не определены. Последний раз его имя упоминается в источниках под 878 г. х. (1473—74) [212, л. 106а; 211, с. 64; 188, л. 976; 120, с. 102] (однако в «Фатх-наме» Шади [207, л. 73а; 120, с. 73] вместо Гирей-хана назван в данном случае его сын Бурундук). По всей вероятности, он и умер в те же годы. У Гирей-хана было много сыновей, пишет Мухаммад Хайдар, однако он не приводит их имена. Согласно генеалогии Джучидов, помещенной в «Нусрат-наме», у Гирей-хана было три сына: Бурундук, Ходжа-Мухаммад и Султан-Али [120, с. 42].

Наши сведения о Джанибек-хане также очень скудны. В источниках его имя всегда или почти всегда упоминается рядом с именем Гирей-хана. Известно, что его называли также Абу Са'идом [120, с. 42]. Вот что сообщает о нем Абул-Гази [219, т. 1, с. 178—179]: «Чингиз-хан, его сын Джучи-хан, его сын Тукай-Тимур, его сын Уз-Тимур, его сын Ходжа, его сын Бадакул-оглан, его сын Урус-хан, его сын Куйручак-хан, его сын Барак-хан, его сын Джанибек-хан по прозвищу Абу-Са'ид. У него было девять сыновей, а именно: первый Иренджи (в сочинении Бинаи „старшим сыном“ Джанибек-хана назван Махмуд-султан [120, с. 105].—Т. С.), Махмуд, Касим, который воевал с Мухаммадом Шейбани-ханом и был виновником его гибели, затем Айтик, Джаниш, Канбар, Тиниш, Усяк, Джаук» (автор «Нусрат-наме» дает следующее написание имен сыновей Джанибек-хана: *Иренджи, Махмуд, Касим, Атик, Джаныш, Канбар, Тыныш, Уснак, Джадик* [120, с. 42]).

Как установил В. В. Вельяминов-Зернов, имя *Джаук* следует читать как *Джадик*; Джадик же и *Иадик* других источников — одно и то же лицо [62, с. 268—269].

Для суждения о времени смерти Джанибек-хана и о том, был ли он, один из основателей Казахского ханства, самостоятельным правителем, могут быть привлечены из-за отсутствия прямых указаний в источниках лишь косвенные данные. В «Тарих-и Рашиди», например, встречается такое сообщение: «Вышеупомянутый Касим-хан был сыном Джанибек-хана. Он по примеру отца во всем повиновался и был покорен Бурундук-хану» [120, с. 222]. Из него можно сделать вывод, что Джанибек пережил Гирей-хана, отца Бурундука, и что самостоятельным правителем он не был, хотя и носил титул хана.

2. *Бурундук* — сын Гирей-хана. Об обстоятельствах и точном времени перехода ханской власти в руки Бурундука ничего не известно. Ибн Рузбихан, говоря о событиях начала 70-х годов XV в.,

замечает, что после смерти Абулхайр-хана во владениях «узбекских ханов» возникла смута и очередь ханствовать в улусе Шибана досталась Шайх-Хайдар-хану. «И в улусе казахов султаны претендовали на ханскую власть. После того как этот сан некоторое время принадлежал нескольким лицам, очередь ханствовать досталась Бурундук-хану [198, с. 96]. Под «несколькими лицами», ханствовавшими в улусе казахов до Бурундука, здесь можно подразумевать только Гирея и Джанибека. Значит ли это, что между двумя основателями ханства была борьба за верховную власть и что после Гирея некоторое время правил Джанибек, сказать трудно. Согласно «Тарих-и Рашиди», Бурундук-хан был непосредственным преемником отца [120, с. 222]; в источниках шейбанидского круга Бурундук именуется ханом казахов уже при описании событий середины 70-х годов XV в., т. е. времени, близкого ко времени смерти его отца.

Бурундук пребывал в ханском достоинстве продолжительное время, но не сумел удержать верховную власть в своих руках до конца жизни. Не ранее осени 1511 г. Бурундук-хан был изгнан, удалился в Самарканд к своей дочери и умер на чужбине. Верховная власть в ханстве перешла к потомкам Джанибека, первым из которых воцарился наиболее энергичный из сыновей его — Касим-султан.

У Бурундук-хана было четыре сына — Шайхим, Санджар-Джахан, Джахан-Бахти [120, с. 42], Кимсин [174, с. 165] — и несколько дочерей. Одна из его дочерей, по имени Дадим-ханым, была замужем за будущим казахским ханом Шигай-султаном, внуком Джанибек-хана [174, с. 164]. Две другие около 1494 г. были отданы замуж за Шибанидов: одна — за Султан-Махмуда, брата Шейбани-хана, другая — за Тимур-султана, сына Шейбани-хана [62, с. 252]. Последняя, по имени Мухр Султан-ханым, жила в Самарканде и, как видно из сохранившегося вакфного документа, являлась крупной собственницей [200, с. 70—73].

3. *Касим* — сын Джанибек-хана. Родился около 1445 г. Мать его Джаган-биким [174, с. 162] приходилась родной сестрой матери Шейбани-хана, Аккузи-биким [212, л. 120а; 211, с. 80; 120, с. 17], которая, согласно Бинаи, была «из рода Алтай-хана» [133, с. 102]. Впервые имя Касим-султана упоминается в источниках в связи с описанием войн Шейбани-хана с казахскими владетелями, где о нем говорится как о предводителе конницы Бурундук-хана. Мухаммад Хайдар Дуглат, описывая поход Шейбани-хана на казахов, состоявшийся зимой 915 г.х. (1509—10), говорит, что «в то время, хотя Бурундук и являлся ханом, правление ханства и полнота власти находились, однако, в руках Касим-хана» [120, с. 217]. Ханский титул он принял после удаления Бурундук-хана в Самарканд.

По данным поздних авторов — Казим Ахмада ибн Мухаммад Гафари Казвини [191, т. 2, с. 212], Хасан-бека Румлу [217, т. 1, с. 180, 183], Мунеджджим-баши [190, тетрадь № 4] и др., Касим-хан умер в 930 г.х. (1523—24). В «Раузат ат-Тахирин» датой смерти хана назван 830 г.х. [189, л. 293а], под которым, очевидно, следует подразумевать также 930 г.х. Согласно сообщению Мухаммада Хайдара, современника Касим-хана, этот правитель умер в 924 г.х. (1518) [141, В 648, л. 154а; 120, с. 222]. По сведениям автора начала XVII в. Кадырали-бека, Касим-хан скончался в г. Сарайкуке; «там и поныне находится его гробница» [174, с. 163]. Вельяминов-Зернов, желая примирить противоречивые данные источников, пишет, что Касим-хан умер «около 1520 г.» [62, с. 325].

Известны имена двух его сыновей — *Мамаш* и *Хакк-Назар*; оба были ханами. Одна его дочь, согласно фольклорным материалам, была замужем за знатным ногойским мурзой Шайх-Мамаем (цит. по [62; с. 336]).

Касим-хан, по отзывам своих современников [21, с. 22; 62, с. 260; 120, с. 217, 222, 223], отличался военным талантом, личной отвагой и способностью вести за собой других. Пожалуй, никогда больше ханская власть не была так прочна, как при нем, и ни один из казахских ханов не объединял под своего властью такое число племен, как Касим-хан, среди подданных которого современники называли один миллион казахов [120, с. 223]. Народное предание казахов связывает с именем Касима создание узаконений, известных как «Касым ханнын каска жолы» («Чистая дорога хана Касима») [73, с. 24—25], которые, очевидно, никогда не были записаны и до нас не дошли.

4. *Мамаш* — сын Касим-хана. Согласно Мухаммаду Хайдару, он наследовал престол отца сразу после его смерти [141, В 648, л. 44а]. События правления этого хана нам неизвестны. Мамаш-хан умер от удущья в одном из сражений [120, с. 222, 353]. По сведению Хайдара б. Али Рази, который называет его Камаш-ханом, это случилось в 928 г. х. (1521—22) [202, л. 415а].

5. *Тахир* — сын Адик (Атик, Айтик)-султана, сына Джанибек-хана. После смерти Мамаш-хана в Казахском ханстве вновь началось «большое несогласие: султаны Дашт-и Кыпчака, известные как казаки, много воевали друг с другом». В конце концов ханом был провозглашен Тахир-султан [202, 415а]. Это событие имело место не позднее 930 г. х. (1523—24), когда Тахир уже именуется ханом [31, с. 515; 120, с. 229].

Тахир-хан совсем не пользовался тем влиянием, что его дядя Касим. Он отличался крайней жестокостью [120, с. 222—223] и не обладал ни дипломатическими, ни военными талантами, о чем свидетельствуют его неоднократные военные поражения и дипломатические неудачи. Принятый ханом внешне- и внутривластный курс губительно отозвался на ханстве и судьбе самого Тахира: в годы его правления казахи потеряли часть своих кочевий на северо-западе и ряд владений на юге; брат Тахира, Абул-Касим, был умерщвлен, а сам хан покинут большинством своего народа. В 1526 г. вместе с сыном и некоторым числом казахов он удалился к киргизам; по-видимому, в ряде случаев киргизы оставались более верными его подданными, чем сами казахи. Тахир-хан и умер среди киргизов. Это случилось не раньше 938 г. х. (1531—32), что явствует из сообщения, содержащегося в «Тарих-и Хайдари» [202, л. 415а].

6. *Буйдаш* (*Буйлаш*) — сын Адик-султана. По словам Мухаммада Хайдара, Буйдаш стал во главе казахско-киргизского объединения после смерти брата, Тахира-хана. Он издавна был связан с киргизами и действовал на территории Семиречья (в его подчинении было не более 20 тысяч казахов) [141, В 648, л. 44а]. Из этого сообщения видно, что Буйдаш был не единственным тогда ханом казахов и что его власть распространялась лишь на незначительную часть ханства. Следует заметить, что история Казахстана 30—60-х годов XVI в. слабо отражена в источниках. Недостаток сведений об этом периоде ощущался уже на рубеже XVI—XVII вв., и, например, Кадырали-бек, автор начала XVII в., писал, что кроме

Буйдаша «были в стране той и другие, мелкие ханы, которых даже имена с точностью неизвестны» [174, с. 164].

Из казахских султанов тех лет, носивших приблизительно в одно и то же время титул хана, укажем здесь на Ахмат-хана и Тугум-хана. Тугум-хан был сыном Джадик (Иадик, Джаук)-султана, а не Адик (Атик)-султана, как это принято писать в исторической литературе. Джадик и Адик — имена соответственно четвертого и девятого сыновей Джанибек-хана (см. примеч. 1 к Списку. Имена этих двух братьев четко различает и Кадырали-бек, автор «Сборника летописей» [174, с. 163, 164]).

Тугум-хан, видимо, погиб в 944 г. х. (1537—38) в местности Чагат; вместе с ним пали 37 казахских султанов — все потомство Тугум-хана и его племянник Башибек-султан [174, с. 163; 210, с. 266]. Ахмат-хана, по словам Кадырали-бека, «звали также не то Узбеком, не то Акматом». Правил он недолго и погиб на войне с Сейдяком от руки Урак (Аврак)-мурз [174, с. 164]. Анонимный автор «Та-рих-и Кашгар», писал о событиях тех же лет, что «в то время у казахов было два хана: Хакк-Назар-хан и Науруз-Ахмад-хан» [120, с. 412; 122, с. 218]. В грамоте, датируемой маем 1535 г., ногайский князь Сейдяк сообщал русскому государю Ивану Васильевичу, что «казатцкой царь Хозя Махмет царь с пятюнадцатью сынами у нас живет» [62, с. 325]. Не есть ли упомянутые Науруз-Ахмад-хан, Хозя Махмет царь и Ахмат-хан автора «Сборника летописей» одно и то же лицо?

По сообщению Кадырали-бека, Буйдаш-хан и с ним все «Биш-огулы» (так звали род Адик-султана), числом 24 султана, пали от руки Шибанида Дервиш-хана, сына Науруз-Ахмад-хана. «Биш-огулам царствовать [больше] не пришлось» [174, с. 164]. В сочинении Убайдуллы Накшбенд Самарканди отмечается, что Буйдаш-хан и с ним около 20 казахских султанов погибли во время нашествия на Мавераннахр в 967 г. х. (1559—60) [35, с. 380; 177, с. 47].

Буйдаш был женат на второй дочери могольского хана Султан Ахмада — Махим-ханым. Другой его женой была сестра Абд ар-Рашида, хана моголов, Бади' ал-Джамал-ханым [62, с. 219, 222; 210, с. 264, 290]. Впоследствии по желанию могольского хана этот брак был расторгнут. Известные нам источники называют имя только одного сына Буйдаш-хана — Бауш-султана [174, с. 164].

7. *Хакк-Назар* — сын Касим хана; его матерью была Ханым Султан-ханым [174, с. 163]. Относительно даты его вступления на престол существуют разные точки зрения. В ряде источников преимущественно иранского происхождения отмечается, что Касим-хан умер в 930 г. х. (1523—24) и Хакк-Назар заступил на место отца [191, т. 2, с. 212; 189, л. 293а; 217, с. 183]. Указанный год принят некоторыми исследователями как дата начала правления Хакк-Назар-хана [210, с. 262]. Между тем эта дата не может считаться достоверной, поскольку Хакк-Назар в действительности не наследовал ханский престол непосредственно после отца (см. примеч. 4 к Списку). Другие авторы без особой аргументации относят восшествие Хакк-Назара на престол к концу 50-х годов [130, с. 52] или к 1538 г. [96, т. 1, с. 173—174; 120, с. 536]. Наиболее приемлемым нам кажется последнее предположение, хотя фактов, могущих безусловно доказать точность такой датировки начала правления этого хана, у нас также нет. Можно лишь предположить, что Хакк-

Назар стал ханом после 944 г. х. (1537—38), т. е. после гибели Тугум-хана со всем его родом.

Кадырали-бек, не указывая даты, отмечает, что Хакк-Назар-хан погиб во время междоусобных распрей, «потомство его более не царствует» [174, с. 163]. В «Шараф-наме-йи шахи» Хафиз-и Таниша при описании событий 1580 г. (май) говорится о том, что Баба-султан «приказал Бузахуру отправиться в поход, чтобы настичь Хакк-Назар-хана и, если сможет, прикончить его смертоносным мечом». Бузахур-султан во исполнение приказа пустился преследовать казахского хана [120, с. 254—256]. Это сообщение обычно трактуется в том смысле, что Хакк-Назар-хан погиб в результате этого преследования, хотя у самого Хафиз-и Таниша нет точных указаний на это.

Подробная генеалогия Хакк-Назар-хана неизвестна. Два его сына, имена которых не приводятся, были убиты в апреле 1580 г. людьми Баба-султана [120, с. 254]. Двое других его сыновей, Мунгатай и Дин-Мухаммад, принимали активное участие в мятеже, вспыхнувшим в 1588 г. в Ташкентском вилайете и направленном против Абдаллах-хана [205, л. 93а—94а]. По сообщению Мухаммад Яр ибн Араб Катагана, во времена правления Аштарханида Баки-Мухаммад-хана (1600—1605) сын Хакк-Назара по имени Тиним-султан был валием Ташкента [216, с. 156].

В народных преданиях имя Хакк-Назар-хана окружено славой. Память о нем сохранилась не только у самих казахов, которые относят образование трех казахских жузов ко времени его правления [112, ч. 2, с. 29; 149, с. 0104—0105], но даже у башкир [62, с. 334—337].

8. *Шигай* — сын Джадик (Иадик)-султана; его матерью была Абайкан-биким [174, с. 163—164]. Шигай стал ханом после гибели Хакк-Назар-хана. Он и его сыновья принимали активное участие в борьбе Шибанида Абдаллах-хана с сыновьями Науруз-Ахмад-хана. За существенную помощь, оказанную Шигай-ханом в этой борьбе, Абдаллах-хан в июне 1581 г. пожаловал ему в удел Ходжент. Последний раз имя Шигай-хана упоминается в источниках под 1582 г. По словам Кадыр-али-бека, хан умер близ Бухары и похоронен в селении Кумушкент [174, с. 164; 120, с. 256—279; 62, с. 274—325].

У Шигай-хана было много жен, но известны нам имена трех: Баим-биким, Иахшим-биким, родом из Джагата, и Дадым-ханым, дочь Бурундук-хана. От первой из них у Шигая было трое детей: Саид Кул-султан, Ондан-султан, Алтун-ханым; от второй — Тукай-хан (Таваккул-хан)¹, Ишим-хан, Султан Сабирбик-ханым; от третьей — Али-султан, Сулум-султан, Ибрахим-султан, Шахим-султан [174, с. 164].

В «Бахр ал-асрар» отмечается, что у Ишим-хана, сына Шигая, был брат по имени Кучук-султан, дочь которого была замужем за могольским ханом Абд ар-Рахимом [120, с. 339]. В другой части этого же труда говорится о том, что у Кучук (Кучунк)-султана был брат по имени Абулай-султан [129, ч. 4, л. 1006]. Согласно Искандару-Мунши, другого брата Ишим-хана звали [А]бу Са'ид [93, с. 677]. По сообщению посла хана Таваккула, сына Шигая, у хана был брат «по имени Шахмагмет» (очевидно, Шах-Мухаммад), которого он

¹ *Тукай* (توكای), как установил В. В. Вельяминов-Зернов [62, с. 367—368], есть ошибочное написание имени *Таваккул* (توكل).

«посадил на калмаках» [99, с. 3]. По преданию, приводимому Г. Ф. Миллером, одна из дочерей Шигай-хана (имя ее не приводится) была замужем за братом Кучум-хана, Ахмад-Гиреем [131, т. 1, с. 200—201].

9. *Таваккул (Тевекель, Тевкель, Тауке, Тукай, Букай)* — сын Шигай-хана. В 1581—1582 гг. со своим личным отрядом (хасса) состоял при свите узбекского Абдаллах-хана, от которого в августе 1582 г. получил в удел Афаринкентский вилайет. Но вскоре он заподозрил Абдаллах-хана в недоброжелательстве и в начале 1583 г. вернулся в Дашт-и Кыпчак [62, ч. 2, с. 297—370; 120, с. 257—312]. Год начала его правления источниками точно не определяется. Посол Таваккул-хана, Кул-Мухаммад, прибывший в Москву в январе 1594 г., в своей беседе с царевичем Ураз-Мухаммадом, между прочим, говорил ему: «Ныне дядя твой Тевкель-царевич царь учинился на Казатцкой орде» [99, с. 3]. По сообщению Искандара-Мунши, Таваккул «присвоил себе титул хана» [93, с. 237]. Подробности узурпации им ханской власти неизвестны. Таваккул-хан умер осенью 1598 г. в Ташкенте от полученной в одном из сражений раны [62, с. 345—352; 214, с. 72—75].

10—12. *Ишим (Есим)* — сын Шигай-хана; его матерью была Иахшим-биким «из Джагата» [174, с. 164]. Он стал ханом казахов после смерти Таваккул-хана, т. е. осенью 1598 г. Около 1022 г. х. (1613—14) ханская власть была узурпирована Турсун-султаном.

Турсун (Турсун-Мухаммад). Родовое происхождение его до настоящего времени остается не вполне выясненным. В русских источниках Турсун-хан назван братом Ишим-хана [123, с. 136]; так считал и М. А. Абдураимов [5, с. 114—115]. Между тем в «Бахр ал-асрар» [129, ч. 4, л. 104б], которая стала доступной советским ориенталистам лишь недавно, он назван сыном Джалим-султана². Имя Джалим-султана упоминается как в русских [62, с. 323], так и в мусульманских источниках. По сообщению Хафиз-и Таниша [120, с. 253—254], Джалим-султан, два его сына (имена их не приводятся) и двое из сыновей Хакк-Назар-хана были убиты в 1580 г. людьми Шибанида Баба-султана, который приходился ему зятем. Родословная Джалим-султана неизвестна.

Подробности узурпации Турсун-султаном ханской власти не освещаются ни в одном из известных нам источников. По сообщению Махмуда б. Вали, Имамкули-хан на третьем году своего царствования, т. е. в 1022 г. х. (1613—14), выступил в поход на Ташкент и «другие восточные вилайеты». После переправы через Сырдарью в «высочайший лагерь» с небольшой свитой приближенных прибыл Турсун-султан, сын Джалим-султана, который «забрал в свои руки бразды правления Ташкентом и прочими вилайетами тех пределов». После того как бухарский хан одобрил захват им власти, возвратился к себе [129, ч. 4, л. 103б—105а]. В русских документах, датированных 1616 и 1620 гг., Турсун-хан прямо называется «посаженником» (ставленником) «бухарского царя Иямкули» [123, с. 49, 105]. При Турсун-хане власть казахов распространялась на Ташкент, г. Туркестан, а временами — на Сауран и Андижан, за которые происходили постоянные войны между бухарским ханом и казахскими султанами [129, ч. 4, л. 105б—112б; 93, с. 853—854; 173, с. 421—422].

² Написание этого имени допускает прочтение его и как Джалим-султан; из двух вариантов более вероятным нам представляется первый.

Главной ставкой Турсун-хана был Ташкент, где он, по сообщению автора «Имамкули-хан-наме», чеканил монеты от своего имени [120, с. 315]. По словам Абул-Гази, около 1627 г. Турсун-хан был убит Ишим-ханом [219, с. 306—307]. Междоусобная война казахских султанов и гибель Турсун-хана подробно описываются в четвертой части «Бахр ал-асрар» [129, ч. 4, л. 1116—113а].

Наши сведения о генеалогии Турсун-хана фрагментарны. После гибели хана, по сообщению Чураса, его сын (имя в источнике не приводится) бежал из Ташкента в Яркенд. Абд ал-Латиф (Апак)-хан отобрал у Мирза Курбана чураса должность хакима Кашгара и отдал сыну хана. Но жители Кашгара прогнали казахского султана [120, с. 384]. В «Бахр ал-асрар» называются имена трех его сыновей: Мухаммад-султана, Шах Са'ид-султана [129, ч. 4, л. 83а, 96а] и Баки-султана. Последний был убит людьми Имамкули-хана в начале 1048 г. х. (1638) [129, ч. 4, л. 2366—237а]. В «Хронике» Чураса отмечается, что матерью Абд ал-Латиф-хана могла быть Ханым-падшах, сестра Турсун-хана, «умнейшая женщина [своего] времени» [210, с. 201].

После гибели Турсун-хана Ишим во второй раз стал старшим казахским ханом и в его власть перешли «Ташкент, Туркестан и прочие крепости и местности тех пределов» [129, ч. 4, л. 113а]. В известной работе И. Е. Фишера, на которую ссылается В. В. Вельяминов-Зернов при определении даты смерти Ишим-хана [62, с. 378], говорится следующее: «Контайша Багатир еще в 1635 году вступил в войну с Ишимом Ханом Туркестанским» [201, с. 444]. Архивные материалы, на которых основывал свои сведения И. Е. Фишер, ныне опубликованы [123, док. № 123, с. 301], и в них нет категоричного утверждения о том, что Ишим-хан был жив в 1635 г. Согласно известиям Махмуда б. Вали, который был современником хана, Ишим умер естественной смертью в самом начале 1038 г. х. (сентябрь — октябрь 1628 г.) [129, ч. 4, л. 113а]. После смерти хана Ташкентом и его окрестностями стал править Абулай-султан, казах, раньше владевший Андижаном. Но в 1038 г. х. (1628—1629) Имамкули-хан занял Ташкент, управление которым было поручено Абдаллах-султану, сыну Баки-Мухаммад-хана.

Сколько было детей у Ишим-хана, в точности неизвестно. По словам Махмуда б. Вали, у него было «дорогое дитя» по имени Джанибек-султан [129, ч. 4, л. 1006, 1026], по-видимому старший сын; другого его сына звали Джахангир. По сведениям А. Левшина, у Джахангира был брат по имени Сырдак-султан [112, ч. 2, табл. 1]. У Ишим-хана, очевидно, было много жен; одна из них, Падшах-ханым, была дочерью могольского Абд ар-Рахим-хана. У Падшах-ханым от Ишима была дочь Ай-ханым, которая умерла при жизни матери и была похоронена в Алтуне [210, с. 300]. По сообщению Ивана Хохлова, одна из дочерей Ишима была замужем за Имамкули-ханом [5, с. 115].

По словам Г. Спасского, к Ишим-хану казахи «донныне имеют особенное уважение» [184, с. 168—169]. Народное предание связывает с его именем создание Уложения, известного как «Есим хан-нын ескі жолы» («Древняя дорога хана Есима») [73, с. 24—26].

13. *Джахангир* (*Джангир, Янгир, Янгар*) — сын Ишим-хана. Судя по сведениям Махмуда б. Вали, он не наследовал престол непосредственно после отца. Точная дата начала его правления неизвестна. В 1635 г. (по другим источникам, в 1634 г.) он, будучи

предводителем казахского войска, попал в плен к калмакам и провел у них некоторое время [123, с. 278, 280, 301]. Освободившись от унижительного плена по какой-то счастливой случайности, Джахангир остался на всю жизнь непримиримым врагом калмаков. Год его смерти обычно датируют 1680 г. Между тем, как это видно из сообщения, содержащегося в описании биографии ойратского ученого XVII в. Зая-Пандиты, он погиб в 1652 г. «В ту зиму [год дракона — 1652 г.], — читаем в биографии, — Цзянь хан покорил Буритов. В этом походе 17-летний Галдан убил Янгар хана» [53, л. 246; 169, с. 37].

Известны имена двух его сыновей — Апак-султана и Тауке-султана (впоследствии хан) [120, с. 385]. По сведениям Чураса, дочь Джахангир-хана (имя ее не приводится) еще при жизни отца была выдана замуж за сына могольского хана Абдаллаха Йулбарс-султана [120, с. 385; 210, с. 226].

14. *Тауке (Тевке, Тявка)* — сын Джахангир-хана. Наследовал ли Тауке престол непосредственно после отца, неизвестно. Он правил очень долго, прожил богатую событиями жизнь и умер глубоким стариком около 1718 г. [62, с. 379—383]. Основным местом его пребывания был г. Туркестан. В документе, датированном 1748 г., М. Тевкелев следующим образом характеризует его: «Тевке-хан был человек умной и у киргисцов в великом почтении» [99, с. 406]. А. Левшин, писавший в 20-х годах XIX в., называет его «Ликургом Орд. Казачьих» [112, ч. 2, с. 64]. Народное предание связывает с его именем создание «Жети Жаргы» — законодательного памятника казахов второй половины XVII в.

После смерти Тауке-хана во всех трех жузах появились свои ханы, родословные которых очень запутанны. С тех пор каждый казахский жуз имел свою историю.

ЦИТИРОВАННЫЕ ИСТОЧНИКИ И ЛИТЕРАТУРА

1. Маркс К. Введение (Из экономических рукописей 1857—1858 годов.) — К. Маркс и Ф. Энгельс. Сочинения. Изд. 2-е. Т. 12.
2. Маркс К. Капитал Т. I.—К. Маркс и Ф. Энгельс: Сочинения. Изд. 2-е. Т. 23.
3. Маркс К. Формы, предшествующие капиталистическому производству. М., 1940.
4. Энгельс Ф. О разложении феодализма.—К. Маркс и Ф. Энгельс. Сочинения. Изд. 2-е. Т. 21.
5. Абдураимов М. А. Очерки аграрных отношений в Бухарском ханстве в XVI—первой половине XIX века. Т. 1. Таш., 1966.
6. Абрамзон С. М. Киргизы и их этногенетические и историко-культурные связи. Л., 1971.
7. Абрамзон С. М. Этнический состав киргизского населения Северной Киргизии.—«Труды Киргизской археолого-этнографической экспедиции». Т. 4. М., 1960.
8. Ага Карриев, Мошкова В. Г., Насонов А. Н., Якубовский А. Ю. Очерки из истории туркменского народа и Туркменистана в VIII—XIX вв. Аш., 1954.
9. Азимджанова С. А. Черты социально-политической жизни Ферганы на рубеже XV—XVI веков.—«Труды Института востоковедения АН Узбекской ССР». Вып. 3. Таш., 1954.
10. Акимущкин О. Ф. К вопросу о внешнеполитических связях Могольского государства с узбеками и казахами в 30-х годах XVI в.—60-х годах XVII в.—Палестинский сборник. Вып. 21. Л., 1970.
11. Алиев Г. З. Турция в период правления младотурок (1908—1918 гг.). М., 1972.
12. Ал-Хадждж Абд ал-Гафар Крыми. Умдат ат-таварих. Стамбул, 1343 (1925).
13. Аманжолов С. Вопросы диалектологии и истории казахского языка. Ч. 1. А.-А., 1959.
14. Аполлова Н. Г. Присоединение Казахстана к России в 30-х годах XVIII века. А. А., 1948.
15. Аргынбаев Х. Народные обычаи и поверья казахов, связанные со скотоводством.—Хозяйственно-культурные традиции народов Средней Азии и Казахстана. М., 1975.
16. Аристов Н. А. Заметки об этническом составе тюркских племен и народностей и сведения об их численности. СПб., 1897.
17. Аристов Н. А. Опыт выяснения этнического состава киргиз-казаков Большой орды и кара-киргизов, на основании родо-

- словных сказаний и сведений о существующих родовых делениях и о родовых тамгах. СПб., 1895.
18. Астафьев В. А. Колонизация степных областей в связи с вопросом кочевого хозяйства.— Записки Зап-Сибирского Отдела Русского географического общества. Кн. XVIII. Омск, 1865.
 19. Ахмедов Б. А. Государство кочевых узбеков. М., 1965.
 20. Ахмедов Бори. Ўзбекларнинг қялиб чиқиш тарихидан (XV асрда кучманчи узбеклар давлати). Тошкент, 1962.
 21. Бабура-наме. Записки Бабура. Таш., 1958.
 22. Барбаро и Контарини о России. К истории итало-русских связей в XV в. Л., 1971.
 23. Бартольд В. В. Бай.— Сочинения. Т. 5. М., 1968.
 24. Бартольд В. В. Двенадцать лекций по истории турецких народов Средней Азии.— Сочинения. Т. 5. М., 1968.
 25. Бартольд В. В. [Извлечение из сочинения Гардизи «Зайн алахбар»].— Сочинения. Т. 8. М., 1973.
 26. Бартольд В. В. История изучения Востока в Европе и России.— Сочинения. Т. 9. М., 1977.
 27. Бартольд В. В. История культурной жизни Туркестана.— Сочинения. Т. 2. Ч. 1. М., 1963.
 28. Бартольд В. В. История турецко-монгольских народов.— Сочинения. Т. 5. М., 1968.
 29. Бартольд В. В. История Туркестана (конспект лекций).— Сочинения. Т. 2. Ч. 1. М., 1963.
 30. Бартольд В. В. Карлуки.— Сочинения. Т. 5. М., 1968.
 31. Бартольд В. В. Киргизы. Исторический очерк.— Сочинения. Т. 2. Ч. 1. М., 1963.
 32. Бартольд В. В. Мангыты.— Сочинения. Т. 5. М., 1968.
 33. Бартольд В. В. Мир Али-Шир и политическая жизнь.— Сочинения. Т. 2. Ч. 2. М., 1964.
 34. Бартольд В. В. Образование империи Чингиз-хана.— Сочинения. Т. 5. М., 1968.
 35. Бартольд В. В. Отчет о командировке в Туркестан (Август—декабрь 1920 г.).— Сочинения. Т. 8. М., 1973.
 36. Бартольд В. В. [Рец. на:] Б. Я. Владимирцов. Чингисхан. Берлин—Петербург—Москва, 1922.— В. В. Бартольд. Сочинения. Т. 5. М., 1968.
 37. Бартольд В. В. [Рец. на:] L. Cahun. Introduction à l'histoire de l'Asie. Turcs et Mongols des origines à 1405. P., 1896.— В. В. Бартольд. Сочинения. Т. 5. М., 1968.
 38. Бартольд В. В. Связь общественного быта с хозяйственным укладом у турок и монголов.— Сочинения. Т. 5. М., 1968.
 39. Бартольд В. В. Современное состояние и ближайшие задачи изучения истории турецких народностей.— Сочинения. Т. 5. М., 1968.
 40. Бартольд В. В. Ташкент.— Сочинения. Т. 3. М., 1965.
 41. Бартольд В. В. Теократическая идея и светская власть в мусульманском государстве.— Сочинения. Т. 6. М., 1966.
 42. Бартольд В. В. Турецкий эпос и Кавказ.— Сочинения. Т. 5. М., 1968.
 43. Бартольд В. В. Туркестан в эпоху монгольского нашествия.— Сочинения. Т. 1. М., 1963.

44. Бартольд В. В. Улугбек и его время.— Сочинения. Т. 2. Ч. 2. М., 1964.
45. Бартольд В. В. Халиф и султан.— Сочинения. Т. 6. М., 1966.
46. Бартольд В. В. Хан.— Сочинения. Т. 5. М., 1968.
47. Бартольд В. В. Церемониал при дворе узбекских ханов в XVII веке.— Сочинения. Т. 2. Ч. 2. М., 1964.
48. Басин В. Я. Россия и Казахские ханства в XVI—XVIII вв. (Казахстан в системе внешней политики Российской империи). А.-А., 1971.
49. Баскаков Н. А. Ногайский язык и его диалекты. Грамматика, тексты и словарь. М.— Л., 1940.
50. Беленицкий А. М., Бентович И. Б., Большаков О. Г. Средневековый город Средней Азии. Л., 1973.
51. Березин И. Очерк внутреннего устройства Улуса Джучиева. СПб., 1863.
52. Бертагаев Т. А. О происхождении титула *хаган*, *хан*.— *Studia Mongolica* (Permanent Committee International Congress of Mongolists, 1971. Т. 1(9), fasc. 1—17). Ulan-Bator, 1973.
53. «Биография Заяпондиты». Пер. с калмыцкого.— Архив востоковедов ЛО ИВ АН СССР. Р II, оп. 11, ед. хр. 345.
54. Богоявленский С. К. Материалы по истории калмыков в первой половине XVII в.— «Исторические записки». М., 1939, № 5.
55. [Борнс А.] Путешествие в Бухару лейтенанта Ост-индской компанейской службы, Александра Борнса. Часть третья. Переведено по поручению П. В. Голубкова. М., 1850.
56. Валиханов Ч. Ч. Записки о киргизах.— Собрание сочинений. Т. 1—5. А.-А., 1961.
57. Валиханов Ч. Ч. [К записке о Кокандском ханстве].— Собрание сочинений. Т. 1—5. А.-А., 1961.
58. Валиханов Ч. Ч. Киргизское родословие.— Собрание сочинений. Т. 1. А.-А., 1961.
59. Вамбери А. Путешествие по Средней Азии. СПб., 1865.
60. Василевич Г. М. Этнонимы в фольклоре.— Фольклор и этнография. Л., 1970.
61. Васильева Г. П. Этнографические данные о происхождении туркменского народа. (Отд. оттиск).— VII Международный конгресс антропологических и этнографических наук. Москва, август 1964.
62. Вельяминов-Зернов В. В. Исследование о Касимовских царях и царевичах. Ч. 2. СПб., 1864.
63. Вернадский Г. В. О составе Великой Ясы Чингис Хана. С приложением главы о Ясе из истории Джувейни в переводе В. Ф. Минорского. Брюссель, 1939.
64. В[еселовский] Н. [Рец. на:] И. И. Крафт. Уничтожение рабства в Киргизской степи. Сб. «Из киргизской старины». Оренбург, 1900.— «Записки Восточного отделения Имп. Русского археологического общества». Т. 12. Вып. 4. СПб., 1900.
65. Винников Я. Р. Родо-племенной состав и расселение киргизов на территории Южной Киргизии.— «Труды киргизской археолого-этнографической экспедиции». Т. 1. М., 1956.
66. Владимирцов Б. Я. Общественный строй монголов. Монгольский кочевой феодализм. Л., 1934.

67. Востров В. В., Муканов М. С. Родо-племенной состав и расселение казахов (конец XIX — начало XX в.). А.-А., 1968.
68. Вяткин М. Очерки по истории Казахской ССР. Т. 1. С древнейших времен по 1870. [М.], 1941.
69. Гейнс А. К. Из дневника 1865 г.— Ч. Ч. Валиханов. Собрание сочинений. Т. 4. А.-А., 1968.
70. Герберштейн С. Записки о московских делах. СПб., 1908.
71. Гинзбург В. В., Трофимова Т. А. Палеоантропология Средней Азии. М., 1972.
72. Голстунский К. Ф. Монголо-ойратские законы 1640 года, дополнительные указы Галдан-Хун-тайджия и законы, составленные для волжских калмыков при калмыцком хане Дондук-Даши. Калмыцкий текст с русским переводом и примечаниями. СПб., 1880.
73. Гродеков Н. И. Киргизы и каракиргизы Сыр-Дарьинской области. Т. 1. Юридический быт. Таш., 1889.
74. Гуревич А. Я. Индивид и общество в варварских государствах.— Проблемы истории докапиталистических обществ. Кн. 1. М., 1968.
75. Гурлянд Я. И. Степное законодательство с древнейших времен до XVII столетия.— «Известия общества истории, археологии и этнографии при Казанском университете». Т. 20. Вып. 4—5. Казань, 1904.
76. Дахшлейгер Г. Ф., Султанов Т. И. Востоковедные исследования в Казахстане.— «Народы Азии и Африки». 1972, № 2.
77. Дженкинсон Л. Путешествие в Среднюю Азию.— Английские путешественники в Московском государстве в XVI веке. Л., 1937.
78. Добросмыслов А. И. Суд у киргиз Тургайской области в XVIII и XIX веках. Казань, 1904.
79. Добросмыслов А. И. Ташкент в прошлом и настоящем. Исторический очерк. Таш., 1912.
80. Дониёров Х. Ўзбек халқининг шажара ва шевалари. Тошкент, 1968.
81. Дополнения к актам историческим, собранные и изданные археографическою комиссиею. Т. 10. СПб., 1867.
82. Древнетюркский словарь. Л., 1969.
83. Еремеев Д. Е. К семантике тюркской этнонимии.— Этнонимы. М., 1970.
84. Еремеев Д. Е. Этногенез турок (происхождение и основные этапы этнической истории). М., 1971.
85. Жданко Т. А. Очерки исторической этнографии каракалпаков. Родо-племенная структура и расселение в XIX — начале XX века. М.— Л., 1950.
86. Записки янычара. Написаны Константином Михайловичем из Островицы. М., 1978.
87. Зиманов С., Өсеров Н. «Жеті—жарғы» туралы бірік сөз.— «Известия АН КазССР». Серия общественных наук. 1975, № 4.
88. Зиманов С., Усеров Н. Об одном новом варианте «Жети-Жаргы». — «Вестник АН КазССР». 1976, № 1.
89. Ибрагимов С. К. «Михман-наме-и Бухара» Рузбехана как

- источник по истории Казахстана XV—XVI вв.— «Труды Института истории, археологии и этнографии АН КазССР». Т. 8. А.-А., 1960.
90. Ибрагимов С. К. Новые материалы по истории Казахстана XV—XVI вв.— «История СССР». 1960, № 4.
 91. Ибрагимов С. К. «Фатухат-хани» Бинои как источник по истории Казахстана второй половины XV в. (Отд. оттиск).— XXV Международный конгресс востоковедов. Доклады делегации СССР. М., 1960.
 92. Иванов П. П. Очерки по истории Средней Азии (XVI—середина XIX в.). М., 1958.
 93. Искандар-Мунши. Тарих-и аламарай-и Аббаси. Рукопись ИВ АН СССР. С 444.
 94. Исмагулов О. Население Казахстана от эпохи бронзы до современности (Палеоантропологическое исследование). А.-А., 1970.
 95. История государства и права СССР. Ч. 1. М., 1967.
 96. История Казахской ССР. Т. 1. А.-А., 1957.
 97. История Киргизской ССР. Т. 1. Фрунзе, 1968.
 98. История Узбекской ССР. Т. 1. Кн. 1—2. Таш., 1955.
 99. Казахско-русские отношения в XVI—XVIII веках (Сборник документов и материалов). А.-А., 1961.
 100. Кармышева Б. Х. Очерки этнической истории южных районов Таджикистана и Узбекистана (По этнографическим данным). М., 1976.
 101. Ключевский В. О. История сословий в России.— Сочинения. Т. 6. М., 1959.
 102. Кононов А. Н. Опыт анализа термина *түрк*.— «Советская этнография». 1949, № 1.
 103. Кононов А. Н. Родословная туркмен. Сочинение Абу-л-Гази, хана хивинского. М.— Л., 1958.
 104. Короглы Х. Огузский героический эпос. М., 1976.
 105. [Красовский Й]. Материалы для географии и статистики России, собранные офицерами Генерального штаба. Область сибирских киргиз, составил полковник генштаба Красовский. Ч. 1—2. СПб., 1869.
 106. Крафт И. И. Судебная часть в Туркестанском крае и Степных областях. Оренбург, 1898.
 107. Крафт И. И. Султаны, тарханы и бии.— Из киргизской старины. Оренбург, 1900.
 108. Крафт И. И. Уничтожение рабства в Киргизской степи.— Из киргизской старины. Оренбург, 1900.
 109. Кузеев Р. Г. Этническая история башкир с конца I тысячелетия нашей эры до XIX века (историко-этнографический анализ).— Научная сессия по этногенезу башкир. АН СССР. Отделение истории. Башкирский филиал. Уфа, 1969.
 110. Культелев Т. М. Уголовное обычное право казахов (с момента присоединения Казахстана к России до установления Советской власти). А.-А., 1955.
 111. Кумеков Б., Султанов Т. Вклад русских и советских ученых-востоковедов Академии наук в изучение средневековой истории Казахстана.— «Известия АН КазССР». Серия общественных наук. 1974, № 2.

112. Левшин А. Описание киргиз-казачьих, или киргиз-кайсацких орд и степей. Ч. 1—3. СПб., 1832.
113. Леонтович Ф. И. К истории права русских инородцев. Древний монголо-калмыцкий или ойратский устав взысканий (Цааджин-Бичик). Одесса, 1879.
114. Логофет Д. Н. Бухарское ханство под русским протекторатом. Т. 1—2. СПб., 1911.
115. Лэн-Пуль Стэнли. Мусульманские династии. Хронологические и генеалогические таблицы с историческими введениями. СПб., 1899.
116. Манас. Биринчи болук. Фрунзе, 1958.
117. Марков Г. Е. Кочевники Азии. Структура хозяйства и общественной организации. М., 1976.
118. Масуд б. Осман Кухистани. Тарих-и Абулхайр-хани. Рукопись ИВ АН СССР. С 480.
119. Материалы для изучения юридических обычаев киргизов. Вып. 1. Материальное право. Омск, 1886.
120. Материалы по истории Казахских ханств XV—XVIII веков (Извлечения из персидских и тюркских сочинений). А.-А., 1969.
121. Материалы по истории каракалпаков.—Труды Института востоковедения АН СССР. Т. 7. М.—Л., 1935.
122. Материалы по истории киргизов и Киргизии. Вып. 1. М., 1973.
123. Материалы по истории русско-монгольских отношений. Русско-монгольские отношения. 1607—1636. Сборник документов. М., 1959.
124. Материалы по истории туркмен и Туркмении. Т. 1. VII—XV вв. Арабские и персидские источники. Т. 2. XVI—XIX вв. Иранские, бухарские и хивинские источники. М.—Л., 1938—1939.
125. Материалы по истории Узбекской, Таджикской и Туркменской ССР. Ч. 1. Торговля с Московским государством и международное положение Средней Азии в XVI—XVII вв. Л., 1932.
126. Материалы по казахскому обычному праву. Сборник 1. А.-А., 1948.
127. Материалы объединенной научной сессии, посвященной истории Средней Азии и Казахстана в дооктябрьский период. Таш., 1955.
128. Материалы по районированию Узбекистана. Вып. 1. Самарканд, 1926.
129. Махмуд б. Вали. Бахр ал-асрар фи манакиб ал-ахйар. Т. 6. Ч. 2. (фотокопия). Шифр ЛО ИВ АН СССР ФВ 82. Т. 6. Ч. 4 (ксерокопия рукописи). Шифр ЛО ИВ АН СССР ФВ 337.
130. Миллер А. Международное положение Казахстана во второй половине XVI века.—«Исторический журнал». Кн. 8. М., 1942.
131. Миллер Г. Ф. История Сибири. Т. 1. М.—Л., 1937.
132. Мирза Бади-Диван. Маджма ал-аркам. Рукопись ИВ АН СССР. В 2147.
133. Мирзоев А. М. Камал ад-Дин Бинаи. М., 1976.
134. Михман-наме-йи Бухара (Тарих-и падишах-и Мухаммад Шейбани) талиф-и Фазлаллах б. Рузбихан Хунджи сада-и нухум ва дахум-и хиджри, ба ихтимам дуктур Манучихр Сутуда. Тегеран, 1341 (1962).
135. Муканов М. С. Этнический состав и расселение казахов Среднего жуза. А.-А., 1974.

136. Мукминова Р. Г. К вопросу о переселении кочевых узбеков в начале XVI в.— «Известия Академии наук УзССР». 1954, № 1.
137. Мунтахаб ат-таварих. Рукопись ИВ АН СССР. D 40.
138. Мунтахаб ат-таварих-и Му'ини (талиф 816—817 хиджри камари) мансуб ба Му'ин ад-Дин Натанзи ва маруф ба «Аноним Искандар» ба тасхих Жан Обен. Тегеран, 1336 (1957).
139. Мухаммад Аваз. Зийа ал-кулуб. Рукопись ИВ АН СССР. A 1615.
140. Мухаммад Амнн. Мухит ат-таварих. Рукопись ИВ АН СССР. D 89.
141. Мухаммад Хайдар Дуглат. Тарих-и Рашиди. Рукопись ИВ АН СССР. B 648, C 395, D 120.
142. Мухаммед Салих. Шейбани-намэ. Джагатайский текст. СПб., 1908.
143. Мухаммед Юсуф Мунши. Муким-ханская история. Таш., 1956.
144. Мухамедова З. Б. Огузско-туркменские этнонимы.— «Советская тюркология». Баку, 1971, № 1.
145. Мякутин А. И. Юридический быт киргизов. I. Вещное право. II. Обязательное право. Оренбург, 1910.
146. Набиев Р. И. Уникальный источник по истории Кокандского ханства.— «Известия АН УзССР». 1947, № 4.
147. Наливкин В. Краткая история Кокандского ханства. Казань, 1886.
148. Народы Средней Азии и Казахстана. Т. 1—2. М., 1962—1963.
149. Нестеров Ал. Прошлое Приаральских степей в преданиях киргиз Казалинского уезда.— «Записки Восточного отделения Имп. Русского археологического общества». Т. 12. Вып. 4. СПб., 1900.
150. Новосельский А. А. Борьба Московского государства с татарами в первой половине XVII века. М.— Л., 1948.
151. [Орбели И.]. Синхронистические таблицы хиджры и европейского летосчисления. М.— Л., 1961.
152. Орлов А. С. Героические темы древней русской литературы. М.— Л., 1945.
153. Орлов А. С. Казахский героический эпос. М.— Л., 1945.
154. Паллас П. С. Путешествие по разным провинциям Российской империи. Ч. 1. СПб., 1773.
155. Петров К. И. Киргизско-кипчакские отношения.— «Известия АН КирССР». Серия общественных наук. 1961, т. 3, вып. 2.
156. Петрушевский И. П. Земледелие и аграрные отношения в Иране XIII—XIV веков. М.— Л., 1960.
157. Петрушевский И. П. Ислам в Иране в VII—XV веках (курс лекций). Л., 1966.
158. Петрушевский И. П. [Рец. на:] А. А. Новосельский. Борьба Московского государства с татарами в первой половине XVII века. М.— Л., 1948.— «Ученые записки ЛГУ». Серия востоковедческих наук. 1952, вып. 3, № 128.
159. Пищулина К. А. Юго-восточный Казахстан в середине XIV—начале XVI веков (Вопросы политической и социально-экономической истории). А.-А., 1977.
160. Потанин Г. Н. Казак-киргизские и алтайские предания, легенды и сказки. С примечаниями автора и указателем собствен-

- ных имен, составленным А. Н. Самойловичем.— «Живая старина». Отделение этнографии Имп. Русского географического общества. Вып. 2—3. 1916. Пг., 1917.
161. Потапов Л. П. Этнический состав и происхождение алтайцев. Историко-этнографический очерк. Л., 1969.
 162. Продолжение древней Российской вивлиофики. Ч. 30—31. СПб., 1801.
 163. Радлов В. Этнографический обзор турецких племен Сибири и Монголии. Иркутск, 1929.
 164. Рашидад-Дин. Сборник летописей. Т. 1. Кн. 1—2. М.—Л., 1952.
 165. Ромодин В. А. Некоторые вопросы этнической истории Средней Азии в трудах В. В. Бартольда и после него.— «Бартольдские чтения. 18—20 марта 1974». Тезисы докладов и сообщений. М., 1974.
 166. Ромодин В. А. Некоторые источники по истории Ферганы и Кокандского ханства (XVI—XIX вв.) в рукописных собраниях Ленинграда.— «Труды XXV Международного конгресса востоковедов. Москва, 9—16 августа 1960». Т. 3. Доклады делегации СССР. М., 1963.
 167. Руденко С. И. Башкиры. Историко-этнографические очерки. М.—Л., 1955.
 168. Руденко С. И. К вопросу о формах скотоводческого хозяйства и кочевниках.— «Географическое общество СССР. Материалы по этнографии». Вып. 1. Л., 1961.
 169. Румянцев Г. Н. «Лунный свет» — история Раб-Джам Зая-Пандиты (пер. с ойратского). Ч. 2.— Архив востоковедов ЛО ИВ АН СССР. Р 1, оп. 3, № 44.
 170. Русско-китайские отношения в XVII веке. Материалы и документы. Т. 1. 1608—1683. М., 1969.
 171. Рязановский В. А. Великая Яса Чингиз-хана.— «Известия Харбинского юридического факультета». Т. 10. Харбин, 1933.
 172. Сайф-ад-Дин Ахсикенти. Маджму ат-таварих:
 - а) рукопись ИВ АН СССР. В 667;
 - б) рукопись ЛГУ, № 963;
 - в) рукопись Института языка и литературы АН КиргССР.
 173. Сборник князя Хилкова. СПб., 1879.
 174. Сборник летописей. Татарский текст с русским предисловием. Библиотека восточных историков, издаваемая И. Березиным. Т. 2. Ч. 1. Казань, 1854.
 175. Сейфи-Челеби. Китаб-и падишахан-и вилайет-и Хинд ва Хитай ва Хотан ва Кашмир. Фотокопия Лейденской рукописи в ЛО ИВ АН СССР. ФВ 310.
 176. Семенов А. А. К вопросу о происхождении и составе узбеков Шейбани-хана.— «Труды Института истории, археологии и этнографии АН ТаджССР». Т. 12. Вып. 1. Сталинабад, 1954.
 177. Семенов А. А. Уникальный памятник агиографической среднеазиатской литературы XVI в.— «Известия Узбекского филиала АН СССР». 1941, № 3.
 178. Семенюк Г. И. Ликвидация рабства в Казахстане и ее предпосылки.— «Вестник АН КазССР». 1958, № 11.
 179. Семенюк Г. И. Проблемы истории кочевых племен и народов периода феодализма (На материалах Казахстана). Калинин, 1973.

180. Семенюк Г. И. Рабство в Казахстане в XV—XIX веках.— «Труды Института истории, археологии и этнографии АН КазССР». Т. 6. А.-А., 1959.
181. Словохотов Л. А. Народный суд обычного права киргиз-Малой орды.— «Труды Оренбургской Ученой архивной комиссии». Вып. 15. Оренбург, 1905.
182. Собрание восточных рукописей АН Узбекской ССР. Т. 6. Таш., 1963.
183. «Собрание историй». Маджму ат-таварих. Фотографическая репродукция отрывков рукописного текста. [Л.], 1960.
184. Спасский Г. Киргиз-кайсаки Большой, Средней и Малой орды.— «Сибирский вестник». Ч. IX. СПб., 1820.
185. Султанов Т. И. К истории Казахстана 70-х годов XIV в.— «Известия АН КазССР». Серия общественных наук. 1976, № 5.
- 185а. Султанов Т. И. Опыт анализа традиционных списков 92 «племен илатийа».— Средняя Азия в древности и средневековье (история и культура). М., 1977.
186. Султанов Т. И. Письмо золотоордынского хана Улуг-Мухаммада турецкому султану Мураду II.— «Тюркологический сборник. 1973». М., 1975.
187. Сыроечковский В. Е. Мухаммед-Герай и его вассалы.— «Ученые записки МГУ». Вып. 61. История (т. II). М., 1940.
188. Таварих-и гузида. Нусрат-наме. Рукопись ИВ АН СССР. В 745.
189. Тахир Мухаммад. Раузат ат-Тахирин. Рукопись ИВ АН СССР. С 400.
190. Тизенгаузен В. Г. Материалы по истории Золотой Орды.— Архив востоковедов ЛО ИВ АН СССР. Ф. 52, оп. 14.
191. Тизенгаузен В. Г. Сборник материалов, относящихся к истории Золотой Орды. Т. 1. Извлечения из сочинений арабских. СПб., 1884; т. 2. Извлечения из персидских сочинений. М.— Л., 1941.
192. Толстов С. П. Города гузов (Историко-этнографические этюды).— «Советская этнография». 1947, № 3.
193. Толыбеков С. Е. Кочевое общество казахов в XVII — начале XX века. Политико-экономический анализ. А.-А., 1971.
194. Трактат Ахмада Дониша «История Мангитской династии». Душ., 1967.
195. «Туркестанские ведомости». [Таш.], 1871, № 2, 10.
196. Узбек адабиети. Учинчи том. Тошкент, 1959.
197. Усеров Н. Исследование правового памятника «Жеты-Жаргы». Автореф. канд. дис. А.-А., 1977.
198. Фазлаллах ибн Рузбихан Исфাহани. Михман-наме-ий Бухара (Записки бухарского гостя). М., 1976.
199. Фазлаллах Рашид ад-Дин. Джами ат-таварих. Т. 1. Ч. 1. Критический текст. М., 1965.
200. Фитрат, проф. Три документа по аграрному вопросу в Средней Азии. Пер. с перс.— «Записки Института востоковедения АН СССР». Т. 2. Л., 1933.
201. Фишер И. Е. Сибирская история с самого открытия Сибири до завоевания сей земли Российским оружием. СПб., 1774.
202. Хайдар б. Али Хусейн Рази. Тарих-и Хайдари. Рукопись Государственной публичной библиотеки им. М. Е. Салтыкова-Щедрина. ПНС 230.

203. Ханьков Н. В. Описание Бухарского ханства. СПб., 1843.
204. Харузин А. Н. Киргизы Букеевской орды. Антрополого-этнологический очерк. М., 1889.
205. Хафиз-и Таниш. Шараф-наме-йи шахи. Рукопись ИВ АН СССР. D 88.
206. Чехович О. Д. Городское самоуправление в Ташкенте XVIII в.—История и культура народов Средней Азии (древность и средние века). М., 1976.
207. Шади. Фатх-наме. Рукопись ЛГУ. № 962.
208. Шаниязов К. Этнический состав узбеков и консолидация их в социалистическую нацию (Отд. оттиск).—VII Международный конгресс антропологических и этнографических наук. Москва, август 1964. М., 1964.
209. Шараф-ханибн Шамсаддин Бидлиси. Шараф-наме. Т. 2. М., 1976.
210. Шах-Махмуд ибн Мирза Фазил Чурас. Хроника. М., 1976.
211. Шейбанида. История монголо-тюрок на джагатайском диалекте, с переводом, примечаниями и приложениями, изданная И. Березиным.—«Библиотека восточных историков, издаваемая И. Березиным». Т. 1. Казань, 1849.
212. Шейбани-наме. Рукопись ИВ АН СССР. В 1892.
213. [Шильтбергер И.]. Путешествия Ивана Шильтбергера по Европе, Азии и Африке с 1394 года по 1427 год. Перевел с немецкого и снабдил примечаниями Ф. Брун.—«Записки Имп. Новороссийского университета». Т. 1. Вып. 1—2. Одесса, 1867.
214. Юдин В. П. Известия «Зийа ал-кулуб» Мухаммад Аваза о казахах XVI века.—«Вестник АН КазССР». 1966, № 5.
215. Юдин В. П. О родоплеменном составе могулов Могулистана и Могулии и их этнических связях с казахским и другими соседними народами.—«Известия АН КазССР». Серия общественных наук. 1965, вып. 3.
216. Юдин В. П. «Тарих-и Шайбани» как источник по истории казахского и каракалпакского народов XVI—XVII вв.—Тезисы докладов научной конференции профессорско-преподавательского состава КазГУ. Гуманитарные науки. А.-А., 1971.
217. A Chronicle of the Early Safawis being the Ahsanu't-Tawarikh of Hasan-i-Rumlu. Vol. 1 (Persian Text). Baroda, 1931.
218. Fahir Iz. Bay.—Islam Ansiklopedisi. C. 2. Istanbul, 1942.
219. Histoire des Mogols et des Tatares par Aboul-Ghazi Béhâdour Khan. Publiée, traduite et annotée par le Baron Desmaisons. T. 1. Texte. SPb., 1871.
220. Howorth H. H. History of the Mongols from the 9th to the 19th Century. Pt 2. The so-called Tartars of Russia and Central Asia. L., 1880.
221. Jarring Gunnar. On the Distribution of Turk tribes in Afghanistan. An attempt at a Preliminary classification.—Lund Universitets Arsskrift. N. F. Avd. I. Bd 35. № 4. Lund—Leipzig, 1939.
222. Köprülü M. Fuad, Bey (Beg).—Islam Ansiklopedisi. C. 2. Istanbul, 1942.

223. Oruzbajewa B. O. Ethnonyme im Epos «Manas» und ihre Beziehung Zuden späteren gentes-stammigen Benennungen der Kirgizen (Der VII Internationale Kongress der Anthropologen und Ethnographen. Tokyo, September, 1968). M., 1968.
224. Pelliot P. Notes sur l'histoire de la Horde d'Or. Suivies de Quelques noms turcs d'hommes et de peuples finissant en «ar». P., 1949.
225. The Tarikh-i-Rashidi of Mirza Muhammad Haidar, Dughlat. A History of the Moghuls of Central Asia. An English version. L., 1895.
226. Topkapı Sarayındaki dört cönk. Islam Tetkikleri Enstitüsü Dergisi. Cilt I den ayıbasım. Istanbul, 1953.

СОДЕРЖАНИЕ

Введение	3
Родо-племенной состав населения Казахстана в XV—начале XVIII в. и казахско-узбекские этнические связи в XV—XVI вв.	7
Этнический состав узбеков Узбекского улуса в XV в. и откочевка Шибанидов с поддерживавшими их родами из Дашт-и Кыпчака	7
Списки 92 «племен илатийа» и опыт их анализа	26
Экономическое положение и общественно-политическое устройство Казахского ханства XVI—XVII вв.	52
Хозяйство казахов	52
«Семь установлений» — памятник права казахов XVII в.	64
Общественно-политическое устройство казахского общества XVI—XVII вв.	77
Приложение	111
Материалы к Хронологии и генеалогии казахских ханов (XV—XVII вв.)	111
Цитированные источники и литература	122

Турсун Икрамович Султанов

**КОЧЕВЫЕ ПЛЕМЕНА ПРИАРАЛЬЯ
В XV—XVII вв.**

(Вопросы этнической
и социальной истории)

*Утверждено к печати
Институтом востоковедения
Академии наук СССР*

Редактор *Н. П. Губина*
Младший редактор *Н. Н. Комарова*
Художник *Н. Ларский*
Художественный редактор *Э. Л. Эрман*
Технический редактор *В. П. Стуковнина*
Корректор *Р. Ш. Чемерис*

ИБ № 14232

Сдано в набор 07.08.81. Подписано к печати 17.03.82. А-04065. Формат 84×108¹/₃₂. Бумага типографская № 1. Гарнитура литературная. Печать высокая. Усл. п. л. 7,14. Усл. кр.-отт. 7,35. Уч.-изд. л. 7,64. Тираж 1850 экз. Изд. № 4889. Зак. № 414. Цена 1 р. 20 к.

Главная редакция восточной литературы
издательства «Наука»
Москва К-45, ул. Жданова, 12/1

3-я типография издательства «Наука»
Москва Б-143, Открытое шоссе, 28

ГЛАВНАЯ РЕДАКЦИЯ
ВОСТОЧНОЙ ЛИТЕРАТУРЫ
ИЗДАТЕЛЬСТВА «НАУКА»

Выйдут:

**Средняя Азия, Кавказ и зарубежный
Восток в древности.** Сб. статей. 20 л.

Сборник, как и ряд предыдущих аналогичных изданий («Средняя Азия в древности и средневековье. История и культура»; «Древность и средневековые народы Средней Азии. «История и культура» и др.), содержит статьи историков, археологов, историков культуры, посвященные в основном проблемам близких и отдаленных культурных связей территорий Средней Азии и Кавказа в древности со странами и регионами, ныне относящимися к зарубежному Востоку.

ЗАКАЗЫ НА КНИГИ ПРИНИМАЮТСЯ ВСЕМИ МАГАЗИНАМИ КНИГОТОРГОВ И «АКАДЕМКНИГА», А ТАКЖЕ ПО АДРЕСУ: 117192, МОСКВА В-192, МИЧУРИНСКИЙ ПРОСПЕКТ, 12, МАГАЗИН № 3 («КНИГА — ПОЧТОЙ») «АКАДЕМКНИГА»,

ГЛАВНАЯ РЕДАКЦИЯ
ВОСТОЧНОЙ ЛИТЕРАТУРЫ
ИЗДАТЕЛЬСТВА «НАУКА»

Выйдут:

Давидович Е. А. История денежного обращения средневековой Азии (Медные монеты XV — первой четверти XVI в. в Мавераннахре). 25 л.

В первой части монографии исследуются монетные надписи и выясняется значение монетных терминов и названий. Классификация, описание и графическая реконструкция монет и надчеканок на монетах помогут нумизматам, музейным работникам и коллекционерам определять монетный материал XV—XVI вв.

Вторая часть монографии посвящена денежному обращению. На основе изучения монет как исторического источника автор обнаружил и изучил несколько кризисов денежного обращения, четыре денежные реформы, реконструировал политику в отношении веса монет и масштаба цен, разные формы эксплуатации монетной регалии, выяснил сферу обращения медных монет и их роль в торговле и развитии мелкотоварного производства и т. д.

ЗАКАЗЫ НА КНИГИ ПРИНИМАЮТСЯ ВСЕМИ МАГАЗИНАМИ КНИГОТОРГОВ И «АКАДЕМКНИГА», А ТАКЖЕ ПО АДРЕСУ: 117192. МОСКВА В-192. МИЧУРИНСКИЙ ПРОСПЕКТ, 12, МАГАЗИН № 3 («КНИГА — ПОЧТОЙ») «АКАДЕМКНИГА».

